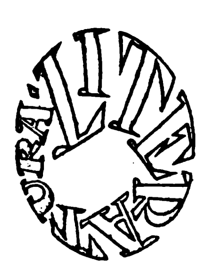
Юрій Галичъ

Красный хороводъ

„НАША БИБЛІОТЕКА“
XLIX

Юрій Галичъ

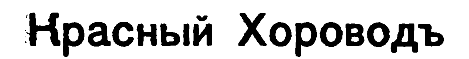
Красный Хороводъ

ПОВѢСТЬ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРА»
РИГА, УЛ. СВОБОДЫ № 8
1929

Типографія „Vārds“ Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 2-3-4-0-9

Красный Хороводъ

13

КРУШЕНІЕ ГЕТМАНА

Еще вчера, молодой лейтенантъ Рюдель фонъ Рюдельсгеймъ, рослый, румяный, съ чернобѣлой ленточкой въ петлицѣ «фельдграу» и Желѣзнымъ Крестомъ, привинченнымъ у самой таліи куртки, открыто похвалялся мнѣ на чистомъ русскомъ языкѣ:

— Прахтфоллы!.. Весьма солидныя и колоссально-важныя извѣстія!.. Унзеръ Людендорфъ дѣлаетъ чудеса!

Сегодня телеграфъ принесъ совсѣмъ другое:

Прорывъ балканскаго фронта!..

Случилось то, что должно было случиться, что не вызывало ни малѣйшихъ сомнѣній, что сознавали всѣ мало мальски искушенные въ стратегической наукѣ люди...

Крушеніе германской коалиціи и побѣда Антанты!..

Тѣмъ не менѣе, во исполненіе полученныхъ распоряженій изъ главной квартиры, нѣмецкое оберкоммандо продолжало спокойно и методично, безъ признаковъ какой либо растерянности или тревоги, бросать увѣренной рукой всѣ свободные контингенты въ образовавшуюся на балканскомъ фронтѣ щель.

По улицамъ украинской столицы, въ завидномъ порядкѣ, шагая мѣрною поступью, лязгая подковами лошадей и грохоча желѣзами колесъ, потянулись батальоны, батареи, обозы.

А въ одинъ изъ ближайшихъ дней, направляясь для посадки на вокзалъ, прошелъ въ послѣдній разъ по Крещатику столь хорошо знакомый кіевлянамъ оркестръ 153 австрійскаго полка, услаждавшій своею вѣнскою музыкой публику Купеческаго сада.

И такъ же мелодично, какъ всегда, звенѣлъ торжественный маршъ, чудесный «Флорентинеръ-маршъ» Фучека, и такъ же ловко жонглировалъ молодой барабанщикъ деревянными палочками, подкидывая ихъ въ тактъ на воздухъ и выстукивая мелкую дробь:

— Тррръ-тррръ!.. Трахъ-тахъ-тахъ!..

Событія развивались съ головокружительной быстротой.

Каждый день приносилъ потрясающія извѣстія.

Развалъ болгарскихъ, турецкихъ, австрійскихъ войскъ...

Грозный ультиматумъ союзниковъ...

Перемиріе, капитуляція, сверженіе династій...

Революція...

Неизбѣжное свершилось!..

Тогда, приступивъ къ эвакуаціи застрявшихъ на Украинѣ войскъ и выполняя берлинскія директивы, оберкоммандо инсценировало послѣдній актъ гетманской буффонады.

Одновременно съ образованіемъ въ Кіевѣ нѣмецкаго «совдепа», въ Бѣлой Церкви, нежданно и негаданно, объявилась украинская Директорія, въ составѣ неудавшагося литератора Винниченко, воинственнаго бухгалтера Петлюры и другихъ, совершенно невѣдомыхъ лицъ, — нѣкоего Швеца, Андріевскаго и Макаренки.

Опираясь на дивизію «сѣчевыхъ стрѣльцовъ», широко использовавъ потоки русскихъ военноплѣнныхъ, тянувшихся по всѣмъ шляхамъ Украины, вербуя въ свои ряды весь темный, отбившійся, безпокойный людъ, въ первой половинѣ ноября, Директорія двинулась въ походъ на Кіевъ.

По всей странѣ посыпались воззванія, сулившія, съ ниспроверженіемъ гетмана, національную свободу, помѣщичью землю, деньги и прочіе соблазнительные подарки. Въ этихъ воззваніяхъ, по существу, почти ничѣмъ не отличавшихся отъ большевицкихъ, Директорія

играла на низкихъ, хищныхъ, стяжательныхъ инстинктахъ массъ и самымъ добросовѣстнымъ образомъ удобряла почву для будущихъ коммунистическихъ экспериментовъ.

Одновременно, заботливою нѣмецкой рукой были открыты тщательно окарауливаемые ими дотолѣ склады боевыхъ припасовъ, арсеналы, цейхгаузы. Забиралась на военныя нужды денежная наличность казначействъ и мѣстныхъ банковъ. Инвентарь, запасы, скотъ помѣщичьихъ экономій подверглись опустошенію и грабежу.

И вскорѣ, при дружномъ содѣйствіи различныхъ проходимцевъ воинскаго и статскаго званія — полковниковъ Балбачановъ, Коцюбинскихъ, и персонажей съ несомнѣннымъ уголовнымъ прошлымъ — Шинкарей, Попсуй-Шапокъ, Махно, огонь возстанія охватилъ всю страну.

Застигнутые врасплохъ слабые офицерскіе кадры, варта и гарнизоны уѣздныхъ городовъ и мѣстечекъ, погибали въ неравной борьбѣ, или безслѣдно распылялись, или, спасая свою жизнь, переходили на сторону повстанцевъ...

Въ Кіевѣ, въ распоряженіи гетманскаго правительства, находилась лишь «сердюцкая» дивизія, изъ хлѣборобовъ, въ составѣ нѣсколькихъ батальоновъ молодыхъ, неопытныхъ, собранныхъ наспѣхъ солдатъ, и три сотни Лубенскаго коннаго полка съ артиллерійскимъ взводомъ. Сверхъ того, имѣлось нѣсколько броневыхъ машинъ да гетманскій конвой.

Призывъ къ населенію мильонной столицы, къ стыду буржуазіи и интеллигенціи, собралъ не болѣе полутора тысячъ добровольцевъ, по преимуществу офицеровъ, юнкеровъ, студентовъ, кадетъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ извѣстный кавалерійскій генералъ, графъ Келлеръ, прямой, энергичный, рѣшительный человѣкъ, выдвинувшійся, въ свое время, на южномъ фронтѣ, цѣлымъ рядомъ успѣховъ.

Генералъ Келлеръ собирался ѣхать въ Псковъ, для руководства формировавшейся тамъ Сѣверо-Западной антибольшевицкою арміей. Онъ уже принялъ это назначеніе и даже выслушалъ напутственный молебенъ въ Печерской Лаврѣ, и его высокая фигура, въ енотовой шапкѣ, съ вышитымъ на рукавѣ шинели восьмиконечнымъ крестомъ, не появлялась больше въ Купеческомъ саду.

Всѣ пути оказались теперь, однако, перехваченными повстанцами и Кіевъ очутился на положеніи осажденной крѣпости. Это отразилось, косвеннымъ образомъ, и на Добровольческой Арміи, лишенной притока новыхъ укомплектованій и періодическаго снабженія боевыми припасами.

Приблизительно, въ это же время, было получено свѣдѣніе, что въ Екатеринодарѣ, послѣ продолжительной болѣзни, скончался основоположникъ добровольческаго движенія, бывшій начальникъ штаба верховнаго главнокомандую-

щаго, генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ.

Повстанцы, руководимые Петлюрой и его начальникомъ штаба, отаманомъ Осѣцкимъ, всего какой нибудь мѣсяцъ тому назадъ состоявшимъ на гетманской службѣ, въ качествѣ командира корпуса «желѣзнодорожной охраны», имѣя во главѣ войскъ, такъ называемый, «Осадный Корпусъ», подъ начальствомъ бывшихъ австрійскихъ лейтенантовъ, Коновальца и Мельника, медленно приближались къ Кіеву.

Рѣшительныя распоряженія графа Келлера, не останавливавшагося передъ крутыми мѣрами, появлявшагося на самыхъ опасныхъ пунктахъ передовыхъ позицій, увлекавшаго личнымъ примѣромъ, вдохнули вѣру въ ряды малочисленныхъ защитниковъ Кіева.

Первая атака повстанцевъ, со стороны станціи Боярки, была отбита. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этой удачѣ значительная роль принадлежала нѣмцамъ, занявшимъ своими войсками наиболѣе важные «нейтральные пункты» и сократившимъ, такимъ образомъ, общій фронтъ. Одновременно, нѣмецкое командованіе заявило гетману, что не допуститъ вторженія повстанцевъ въ городъ и приметъ, съ своей стороны, всѣ необходимыя мѣры.

Дѣйствительно, черезъ недѣлю, при повторномъ наступленіи войскъ бѣлоцерковской Директоріи, нѣмцы однимъ артиллерійскимъ огнемъ остановили продвиженіе, а пѣхотная колонна, вышедшая во флангъ, въ увлеченіи едва не сбросила петлюровское «війско» въ Днѣпръ.

Канонада, державшая цѣлую недѣлю кіевскихъ обывателей въ трепетѣ, прекратилась.

Повстанцы отошли къ исходной базѣ, къ Фастову...

И въ то время, какъ послѣдніе, учтя недочеты своей организаціи, устраивались вновь, налаживали тылъ и увеличивали живую силу умѣлой пропагандой, посулами и насильственной мобилизаціей, правительство гетмана, на этотъ разъ во главѣ съ Гербелемъ, въ неистребимой увѣренности въ нѣмецкой помощи, обнаружило преступную безпечность и бездарность.

Усиленіе защиты Кіева выразилось только въ привлеченіи учащейся молодежи къ тыловой работѣ, разработкѣ проэкта общей мобилизаціи да въ назначеніи генерала Кирпичева командиромъ мифическаго русскаго корпуса...

Я хорошо зналъ, а позднѣе познакомился еще ближе съ этимъ кіевскимъ «полководцемъ», которому благодарные кіевляне уже за-

казали и готовились поднести украшенную золотомъ и алмазами почетную шашку, съ надписью:

„Доблестному защитнику Кіева“.

Къ сожалѣнію, капризная исторія отказала генералу въ этомъ тріумфѣ и уготовила, взамѣнъ, желѣзную рѣшотку въ Педагогическомъ музеѣ. Но я не склоненъ къ злословью и отмѣчу лишь, что въ концѣ концовъ, генералъ Кирпичевъ не въ правѣ претендовать на выпавшій жребій. Онъ останется живъ, невредимъ и, при наличіи болѣе рентабельной нежели карбованцы, англійской валюты, откроетъ впослѣдствіи табачную лавочку въ Александріи.

Графъ Келлеръ, какъ слишкомъ рѣзкій и прямолинейный человѣкъ, въ то же время устраненъ съ поста, и главнокомандующимъ назначенъ личный другъ гетмана, генералъ князь Долгоруковъ...

А въ кіевскихъ газетахъ, по приказанію властей, печатались сенсаціонныя извѣстія, изготовляемыя въ кабинетѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Игоря Кистяковскаго, или иначе, на украинскій манеръ — «Кистяківскаго». Это должно было восполнить недостатокъ въ живой силѣ и подбодрить пріунывшихъ было кіевлянъ.

Изъ этихъ радіо, домашняго производства, взволнованный столичный обыватель узнавалъ,

что въ Жмеринкѣ уже сосредоточена румынская армія, что въ Винницѣ стоитъ дивизія зуавовъ, что въ Казатинъ прибыли англійскіе танки и броневики, а къ Фастову подходитъ бригада сенегальскихъ стрѣлковъ, для удара въ тылъ коварному врагу.

Все это было, конечно, чистымъ вздоромъ и участь украинской столицы зависѣла всецѣло отъ поведенія нѣмецкихъ войскъ...

Руководящая роль принадлежала теперь «совдепу», съ унтеръ-офицеромъ Кирхнеромъ во главѣ, совдепу, имѣвшему весьма немного общаго съ россійскимъ образцомъ, работавшему въ самой тѣсной связи съ военнымъ командованіемъ.

Къ слову сказать, революціонный взрывъ не отразился, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны на поведеніи нѣмецкихъ солдатъ. Та же солидность и достоинство, то же уваженіе къ мундиру, то же отношеніе къ командному составу. Не болѣе сутокъ или двухъ наблюдалась нѣкоторая растерянность. Нѣмцы позволили себѣ даже извѣстную вольность, одѣвъ часовыхъ въ фуражки. Но черезъ нѣсколько дней, попрежнему, какъ изваянія, стояли снова на постахъ въ своихъ тяжелыхъ, глубоко сидящихъ шлемахъ. А кіевляне приэтомъ еще увѣряли, что изъ особаго почтенія, нѣмецкіе солдаты называютъ своихъ офицеровъ «оберъ-камарадами»..

Когда въ началѣ декабря, Директорія предприняла свое послѣднее наступленіе для овла-

дѣнія столицей и подошла къ предмѣстьямъ Кіева, оберкоммандо, по рѣшенію совѣта солдатскихъ депутатовъ, выслало парламентеровъ.

Въ результатѣ переговоровъ, нѣмцы отвели свои войска съ позицій и заявили о нейтралитетѣ...

Тѣснѣй и тѣснѣе сжималось петлюровское кольцо вокругъ обреченнаго города. Ирпень, Пепелюха, Пуща-Водица, Серебрянка и Куреневка, Святошино и Деміевка, всѣ окрестныя деревни и села, и даже Постъ Волынскій, уже перешли въ руки повстанцевъ.

Участь Кіева была рѣшена...

Я вспоминаю этотъ знаменательный день, четырнадцатаго декабря 1918 года, когда перевернулась очередная страница украинской исторіи, коротенькая страница, возглавленная гетманомъ Павло Скоропадскимъ.

Былъ ясный, морозный, солнечный день.

Со стороны Святошина глухо доносились удары пушекъ:

— Бамммъ-бамммъ!

Со стороны Печерскихъ холмовъ, то затихая, то разгораясь съ новою силой, трещалъ ружейный огонь:

— Тра-та!.. Тра-та!..

На кіевскихъ улицахъ, какъ всегда, кипѣла оживленная жизнь, звенѣлъ трамвай, прогуливались пѣшеходы, пролетали щегольскія сани.

Словомъ, обычная картина, не нарушаемая боевой обстановкой, къ которой кіевскій обыватель, такъ или иначе, сумѣлъ приспособиться и привыкнуть. Мнѣ кажется, онъ былъ бы даже огорченъ прекращеніемъ осады. До того было все несерьезно. Нѣмецкому нейтралитету никто не вѣрилъ и не придавалъ значенія. Офиціальные бюллетени правительства разсѣивали тревогу...

Въ штабѣ боевого участка, на Прорѣзной улицѣ, трещатъ и поютъ телефоны:

— Тръ-тръ!.. Тіу-тіу!..

Бѣгаютъ ординарцы, стучатъ машинки, кто-то хриплымъ голосомъ отдаетъ распоряженія...

На углу Фундуклеевской, группа офицеровъ, въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ съ золотыми погонами, устанавливаетъ пулеметъ.

Двѣ миловидныхъ барышни, въ мѣховыхъ шубкахъ, стоятъ у смертоноснаго орудія, о чемъ-то спрашиваютъ у офицеровъ, смѣются плутовскими глазками, гладятъ перчаткою по стволу...

Огонь внезапно смолкъ.

Быстро упали сумерки и, когда пройдясь по неожиданно опустѣвшему Крещатику, я подошелъ къ Думской площади, надвинулся вплотную вечеръ. На площади, у памятника Столыпину, стояла группа нѣмцевъ, съ бѣлыми повязками на рукавахъ, а рядомъ съ ними—гайдамакъ, съ хвостатымъ шлыкомъ на папахѣ.

— Военноплѣнный!—подумалъ я и обратился къ торопливо проходившему незнакомцу, въ сѣрой украинской свиткѣ:

— Какъ дѣла?

— Петлюра, дай Боже!.. Усе добре!.. Вiйско, ма будь, подходящее!..

Я не успѣлъ опомниться отъ изумленiя.

Съ горы, по Институтской, катился взводъ. А передо мною, съ воспаленными глазами, въ бѣлой папахѣ и въ аломъ башлыкѣ, обмотанномъ вкругъ шеи, стоялъ нѣкто, держа въ рукѣ наганъ:

— Добродiй, ваши документы!

14

СИМОНЪ ПЕТЛЮРА

Эта любопытная фигура, вынырнувшая на поверхность изъ абсолютнаго мрака и сыгравшая въ ходѣ украинской гражданской войны извѣстную роль, еще ожидаетъ своего изслѣдователя. Въ нелицепріятномъ свѣтѣ исторіи, будутъ представлены ея положительныя и отрицательныя черты.

Что касается неписанной монографіи, имѣющейся въ нашемъ распоряженіи, она даетъ весьма скудный, иногда противорѣчивый и, въ общемъ, не вполнѣ убѣдительный матеріалъ...

Сынъ полтавскаго «ванькò», безвѣстный банковскій бухгалтеръ, въ минуты пріятельскаго досуга, тренькавшій, подъ добрую россійскую «горілку», на старой гитарѣ и не безъ чувства распѣвавшій «Віють вітры», «Ще не вмерла Украина» и прочія чудесныя мелодіи малорусскаго репертуара...

Съ началомъ міровой войны, въ избыткѣ патріотическихъ и воинственныхъ горѣній, смѣнившій пиджакъ на френчъ и шпоры земгусара...

И вдругъ—диктаторъ Украины и «Головной Отаманъ» революціонныхъ войскъ!..

Кто онъ, сей кобелякскій Гарибальди, дотолѣ скромно проливавшій чернила, теперь же, съ сугубой расточительностью, льющій человѣческую кровь?..

Я познакомился съ этимъ оригинальнымъ персонажемъ въ тѣ приснопамятные кіевскіе дни, когда въ связи съ апрѣльскимъ переворотомъ, посаженный заботливой нѣмецкою рукою подъ замокъ, въ октябрѣ того же года, онъ тою же рукою былъ выпущенъ на волю, и тотчасъ принялъ участіе въ работѣ по ниспроверженію ясновельможнаго пана гетмана съ престола.

И въ результатѣ, послѣ полуторамѣсячной возни, сломивъ упорство горсти русскихъ добровольцевъ и гетманскихъ сердюковъ, одержалъ побѣду, и восемнадцаго декабря, торжественно, въ составѣ Директоріи, въѣхалъ въ Кіевъ...

Я вспоминаю этотъ яркій день, когда расцвѣченный отъ головы до ногъ «блакитно-желтымъ» цвѣтомъ флаговъ, символизирующихъ голубое украинское небо и тучную пше-

ницу полей, украшенный гирляндами изъ хвои, кричащими плакатами на деревянныхъ аркахъ и колоннахъ, гудя тревожными и взбудораженными толпами народа, Кіевъ встрѣчалъ своего новаго завоевателя...

Кортежъ имѣлъ весьма величественный видъ и если бы не морозъ, безжалостно щипавшій носъ и щеки всѣмъ участникамъ очередного зрѣлища, независимо ихъ національныхъ и политическихъ убѣжденій, парадъ былъ бы совсѣмъ удачнымъ.

Вначалѣ шли войска.

Въ головѣ маршировала пѣхота, въ составѣ бригады синежупанниковъ, «сѣчевиковъ», —опоры новой власти, обработанныхъ въ извѣстномъ самостійномъ духѣ въ австрійскихъ лагеряхъ для военноплѣнныхъ — подъ командою галиційскихъ офицеровъ.

Бойко семенили ноги въ защитныхъ обмоткахъ, ходуномъ плясали руки, описывая полукругъ, отъ пояса до бедра, и звенѣлъ на этотъ разъ не «Флорентинеръ», а другой, старый, безконечно знакомый маршъ—«Подъ Двуглавымъ Орломъ»:

— Трръ-трръ!.. Бумъ-бумъ-бумъ!..

Потомъ, по той же Софійской площади, протарахтѣли двѣ - три запряжки артиллеріи и продефилировалъ мелкой рысцой — трухъ-трухъ-трухъ—гайдамацкій «кінный» полкъ, въ папахахъ Лубенскихъ гусаръ, предусмотрительно добытыхъ изъ гетманскихъ цейхгаузовъ.

— Струнко!—звучали украинскія команды, хрустѣлъ снѣгъ подъ кованымя копытами, ржали долгогривые кони и весело трепыхался блакитно-желтый прапоръ...

Затѣмъ, прослѣдовало духовенство, въ парадныхъ ризахъ, и цѣлый рядъ депутацій, включительно до мужскихъ и женскихъ гимназій.

И наконецъ, на нѣсколькихъ автомобиляхъ, украшенныхъ цвѣтами, подъ грохотъ рукоплесканій, промчались герои дня.

Припоминается, что особый успѣхъ выпалъ на долю главнаго распорядителя парада, трагика Національнаго театра, добродія Садовскаго, метавшагося по всѣмъ направленіямъ въ своемъ несравненномъ блакитномъ, подбитомъ овчиной жупанѣ, необозримыхъ шароварахъ желтаго шелка, съ алымъ шлыкомъ на барашковой шапкѣ, и принимаемаго всѣми за Петлюру.

Послѣдній, разочаровавъ своимъ круглымъ бабьимъ лицомъ и добродушнымъ видомъ, въ обыкновенной свиткѣ и папахѣ, съ купою саблею на боку, замыкалъ шествіе и, стоя въ автомобилѣ, усердно козырялъ и улыбался.

А къ вечеру, опять полилась кровь и снова начались аресты, обыски, разстрѣлы...

Симонъ Петлюра!..

Откуда эта популярность и успѣхъ?

Не есть ли это массовый психозъ, безсознательная потребность толпы, въ періоды великихъ потрясеній, къ новымъ декораціямъ, стремленіе поклониться новому пророку, съ горячимъ пыломъ фанатизма зовущему на новый, свѣтлый путь?

Какъ бы то ни было, Симонъ Петлюра пользовался широкой популярностью въ украинскихъ демократическихъ кругахъ и обаяніемъ въ своемъ революціонномъ войскѣ. Онъ вѣрилъ искренно въ свое призваніе, повидимому не преслѣдовалъ личныхъ корыстныхъ цѣлей, стремясь облагодѣтельствовать по своему украинскій народъ.

Бѣда лишь въ томъ, что этимъ доморощеннымъ пророкамъ, быть можетъ, честнымъ и вполнѣ порядочнымъ по существу, изъ-за деревьевъ очень часто не бываетъ видно лѣса, и призрачный миражъ, при столкновеніи съ дѣйствительностью, смѣняется обидной прозой.

Бѣда лишь въ томъ, что эти пылкіе «избранники народа», являются, на самомъ дѣлѣ, куклою въ чьихъ-то дьявольскихъ рукахъ и, проповѣдуя одно, творятъ незримо для себя другое.

Въ этомъ отношеніи, Симонъ Петлюра могъ, съ чистымъ сердцемъ, пожать руку тѣмъ представителямъ русской революціонной и соціалистической демократіи, во главѣ съ Керенскимъ, которая, въ свое время, съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, перекинула мостъ отъ буржуазной республики въ царство утопиче-

скаго, гиблаго, несущаго хаосъ и смерть, коммунизма.

Въ этой борьбѣ двухъ, оспаривавшихъ гегемонію, силъ, всѣ выгоды, какъ и слѣдовало ожидать, достались на долю третьей.

Эта историческая заслуга, главнымъ образомъ, эсеровской демократіи, по справедливости, не можетъ быть отъ нее отнята...

И не успѣли просохнуть краски на новыхъ вывѣскахъ украинской столицы, не успѣлъ привыкнуть ошеломленный обыватель къ «голярнямъ», «друкарнямъ», «скарбницамъ» и прочимъ самостійнымъ словесамъ, какъ на смѣну славной Директоріи, предусмотрительно махнувшей на самую австрійскую границу, предшествуемый «червоннімъ війскомъ», шелъ торжествующій совдепъ.

Какъ мало пониманія простыхъ и вѣчныхъ истинъ!..

Какъ много расточительныхъ посуловъ, крови, жертвъ!...

Съ крушеніемъ гетманской власти, на престолъ самостійной украинской республики, возсѣла теплая компанія – изъ «собачьихъ цырульниковъ», какъ окрестила тотчасъ же уличная молва — въ составѣ пятичленной Директоріи.

И какъ принято въ этихъ случаяхъ, при всѣхъ переворотахъ отъ сотворенія міра, на-

чало правленія новыхъ гастролеровъ ознаменовалось широковѣщательными воззваніями къ народу и актами политической расправы.

На дѣятелей и сотрудниковъ павшаго режима шла настоящая облава. Самъ гетманъ, въ день переворота, былъ своевременно укрытъ въ германскомъ посольствѣ и, въ тотъ же день, подъ видомъ раненаго нѣмецкаго офицера, благополучно вывезенъ изъ Кіева.

Министры, за исключеніемъ безслѣдно скрывшагося Кистяковскаго, были водворены въ Лукьяновскую тюрьму.

Бывшій главнокомандующій, генералъ графъ Келлеръ, отказавшійся отъ предложенной ему нѣмецкой защиты, былъ арестованъ, выведенъ на Софійскую площадь и, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ памятника Богдану Хмѣльницкому, принялъ, вмѣстѣ съ обоими своими адъютантами, Пашковымъ и Пантелѣевымъ, мужественную смерть.

Кіевскій губерніальный староста, генеральнаго штаба генералъ Андріановъ, всего нѣсколько дней тому назадъ занявшій эту должность, старый школьный пріятель, незабвенный Павелъ Марковичъ, былъ звѣрски умерщвленъ въ номерѣ гостинницы «Древняя Русь».

Гетманскихъ офицеровъ ловили на улицахъ, въ кинематографахъ, въ квартирахъ, и направляли, подъ конвоемъ, въ зданіе Педагогическаго Музея. Лицъ, обнаруживаемыхъ въ русскихъ погонахъ, нерѣдко пристрѣливали на

мѣстѣ. Не мало погибло этихъ несчастныхъ въ вихревые кіевскіе дни...

На моихъ глазахъ, толпа петлюровскихъ гайдамаковъ, тутъ же, въ центрѣ Крещатика, сорвала съ молоденькаго русскаго офицера, почти мальчика, походную шинель и поволокла его, дрожавшаго отъ холода и испуга, тщетно молившаго о пощадѣ, въ ближайшую подворотню, для казни.

Старухи, женщины, дѣвушки, дѣти, со слѣдами муки и отчаянія на лицѣ, по цѣлымъ днямъ толпятся у подъѣздовъ военныхъ учрежденій, умоляя выдать тѣло разстрѣляннаго сына, мужа, жениха, или отца. Кругомъ налеты, обыски, аресты, грабежи.

Совмѣстно съ политическими, изъ тюремъ высыпала вся уголовная братія и стала сводить счеты съ державной вартой и чинами уголовнаго розыска.

По цѣлымъ днямъ ревутъ и проносятся автомобили, трещитъ ружейный огонь, мчатся всадники съ развѣвающимися шлыками на гайдамацкихъ папахахъ, въ безпорядкѣ проходятъ толпы разнузданныхъ, озлобленныхъ, жадущихъ поживы вооруженныхъ людей.

Словомъ, та же картина и тѣ же самыя сцены, столь хорошо знакомыя по петроградскимъ революціоннымъ днямъ...

Застрявшій въ городѣ нѣмецкій гарнизонъ, вначалѣ съ любопытнымъ и злораднымъ смѣхомъ, наблюдалъ эту жизнь. Затѣмъ, изъ чувства самосохраненія, былъ принужденъ при-

нять необходимыя мѣры, сосредоточился на Липкахъ, выставилъ пулеметы, отгородился колючею проволокой и рогатками. Солдаты ходили по улицамъ цѣлыми группами, вооруженные до зубовъ. А черезъ нѣкоторое время, эвакуируемые на родину нѣмецкіе эшелоны, вступали съ гайдамацкою вольницею въ настоящіе бои.

Много ихъ полегло въ этихъ схваткахъ съ петлюровскими козаками, относившимся къ нѣмцамъ съ неслыханною жестокостью, выбрасывавшихъ на трескучій морозъ въ одномъ бѣльѣ, отнимавшихъ всѣ продукты и вещи. Далеко не всѣ нѣмцы докатились благополучно до предѣловъ возлюбленнаго отечества...

Между тѣмъ, Директорія, съ вполнѣ оправдываемой поспѣшностью, приступила къ государственной работѣ.

Сначала закрыла всѣ русскія зрѣлища и прекратила выпускъ газетъ на русскомъ языкѣ. Всѣ вывѣски, «згідно наказу», въ трехдневный срокъ, замѣнила національными названіями. Въ правительственныхъ учрежденіяхъ шла персональная перетасовка.

Въ этомъ отношеніи, нѣкоторые дѣятели прежняго гетманскаго режима обнаружили удивительную приспособляемость и рѣдкій оппортунизмъ. Я обойду молчаніемъ имена этихъ политическихъ ренегатовъ...

Съ особой настойчивостью, какъ подобаетъ вполнѣ самостоятельному государству, Директорія пыталась завязать сношенія съ иностраннымъ міромъ и цѣлый рой новоиспеченныхъ украинскихъ дипломатовъ, снабженныхъ жарбованцами, вѣрительными и прочими филькиными грамотами, былъ разосланъ во всѣ концы.

Однако, рожденіе къ жизни новаго государственнаго образованія не находило отклика у иностранцевъ.

— Цуръ тобі пекъ!—негодовали самостійные дипломаты.—Не признаютъ, собачьи дѣти... Ни де юре, ни де журе!—сѣтовали украинскіе Талейраны и Меттернихи, осѣвъ въ Одессѣ, предусмотрительно выжидая дальнѣйшее развитіе событій...

Событія же, съ калейдоскопической быстротой, слѣдовали одно за другимъ.

Сначала развалилась армія.

Сѣчевики еще держались кое-какъ въ повиновеніи. Бойко маршировали по Крещатику въ окопныхъ каскахъ французскаго образца. По командѣ «струнко!», отдавали должную честь. По командѣ «перша чета на плече—рушъ!», стройно вскидывали винтовки. Вообще, вели себя сравнительно прилично и, какъ правительственная гвардія, держали необходимый фасонъ.

Прочее же «військо», не взирая на всѣ увѣщанія и хлопоты самого «Головного Отамана» Петлюры, не заслуживало ни малѣйшаго

довѣрія и, съ большими усиліями, было, въ концѣ концовъ, удалено изъ полнаго соблазновъ столичнаго района.

Аграрная реформа свелась къ разгрому и уничтоженію помѣщичьихъ имѣній, плантацій, экономій, хуторовъ, къ разрушенію сахарныхъ, конскихъ, винныхъ и прочихъ заводовъ.

На «залізніцахъ» царствовалъ невѣроятный хаосъ, и господа Махно и Попсуй-Шапки, облюбовавъ наиболѣе важные узлы, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ пополняя личную «скарбницу», взимали дань.

На сѣверо-востокѣ сгущались настоящія тучи.

Правительство, учтя шаткость своего положенія, пыталось было завязать переговоры и даже направило въ Москву спеціальнаго посла. Но встрѣтивъ презрительную усмѣшку, торжественно объявило войну и метнулось въ объятья Антанты, высаживавшей къ тому времени свои первые эшелоны.

Тучи сгущались все больше.

Въ Черниговщинѣ, въ Харьківщинѣ уже произошли первыя схватки. Красный потокъ, неудержимо, съ настойчивою послѣдовательностью, распространялся все шире и, почти безъ сопротивленія, катился къ Кіеву...

Моя кіевская квартира, въ меблированныхъ комнатахъ Позднякова, на Трехсвятительской улицѣ, при всѣхъ достоинствахъ, не отвѣчала одному существенному условію.

Окна комнаты выходили на дворъ, въ ней было тепло и уютно. Сначала я занималъ большой парадный номеръ, съ балкономъ и панорамой на Владимирскую Горку, гдѣ стоитъ памятникъ Равноапостольному съ сіяющимъ крестомъ въ рукѣ. Съ пріѣздомъ посла Всевеликаго Войска Донского, атамана «Зимовой Станицы», хорошо знакомаго мнѣ генерала генеральнаго штаба Черячукина, я уступилъ ему свое помѣщеніе и перебрался въ нижній этажъ.

Дѣло въ томъ, что меблированныя комнаты Познякова, населенныя почти исключительно пріѣзжею публикой, были слишкомъ на виду у новыхъ властей, чтобы не остановить на себѣ вниманіе политическаго отдѣла.

Обыски и аресты стали обычнымъ явленіемъ. Каждый день, къ подъѣзду гостинницы, подъѣзжалъ автомобиль, весьма непривѣтливаго, мрачнаго вида, кого-то забиралъ и увозилъ по направленію къ Пушкинской улицѣ. Стать очереднымъ пассажиромъ не входило въ мои расчеты.

Изъ этихъ соображеній, я покинулъ гостепріимный кровъ меблированныхъ комнатъ и переселился къ старому, вѣрному другу, на окраину города, въ Астрономическій переулокъ.

Мой другъ, бывшій иркутскій гусаръ, полтавскій помѣщикъ и одновременно подданный Рѣчи Посполитой, случайно встрѣтивъ на улицѣ и едва признавъ меня въ національной украин-

ской папахѣ и бекешѣ съ енотовымъ воротникомъ, самъ предложилъ переѣхать къ нему. Я охотно воспользовался этой любезностью и не смѣю претендовать на дни, проведенные подъ дружеской кровлей и защитой польскаго одноголоваго орла...

Кіевъ, между тѣмъ, сталъ неузнаваемъ.

Исчезла веселая, праздная, нарядно убранная толпа. Исчезло богатство красокъ и жизни. Кругомъ сѣро, злобно, тревожно.

Давно улетѣли первыя ласточки.

Все мчится прочь, все улетаетъ въ Одессу, въ Варшаву. Кіевская атмосфера начинаетъ рѣшительно не нравится:

— Хай жіве вільна Украина!

Но не пора-ли и мнѣ послѣдовать на югъ, къ берегамъ теплаго моря и лично поздравить съ прибытіемъ добрыхъ французскихъ и англійскихъ друзей?..

15

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТЪ

Въ началѣ января, объятая революціоннымъ пожаромъ, Украина пылала со всѣхъ концовъ.

На сѣверо-востокѣ, неудержимой лавиной, ползетъ и катится красноармейскій фронтъ.

На западѣ, торжественно присоединенная къ Великой Украинѣ — Галиція, сцѣпилась съ поляками и взываетъ о помощи.

На крайнемъ югѣ, добровольцы выжимаютъ украинскіе войска изъ одесской зоны.

И наконецъ, внутри, отъ края до края, идетъ разбой, еврейскіе погромы, партизанская война.

Жизнь въ Кіевѣ становится нестерпимой. Введено осадное положеніе. Дороговизна растетъ съ каждымъ днемъ. Ближайшее будущее рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Между тѣмъ, выбраться изъ этого муравейника не такъ просто.

Къ Бахмачу подходятъ совѣтскія войска... Въ Голобахъ — схватки нѣмецко-польско-украинскихъ отрядовъ... На Лозовой — сидитъ бандитъ Махно... Передъ Одессой — русскій фронтъ и украинскій кордонъ...

Однако, съ помощью Всевышняго и одного, весьма уважаемаго мною лица, достаю билетъ, сажусь въ вагонъ и покидаю Кіевъ:

— Хай живе вільна Украина!..

Мнѣ кажется, я совершилъ непростительную оплошность, помѣстившись въ купэ международнаго экспресса.

Что дѣлать, у меня какое-то особое влеченіе къ этимъ изящнымъ, комфортабельнымъ вагонамъ, съ золочеными литерами, идущими по всему фронтону, отъ одной площадки къ другой!

Мои кіевскіе друзья — ахъ, я много могъ бы разсказать забавнаго, напримѣръ, какъ вмѣсто меня, къ нимъ явились, однажды, на карточный вечеръ, бандиты, въ маскахъ, съ пистолетомъ въ каждой рукѣ — состоятельные московскіе коммерсанты, люди вполнѣ интеллигентные и культурные, обладатели значительныхъ суммъ въ иностранной валютѣ и молодыхъ, интересныхъ, достаточно избалованныхъ половинъ, оказались болѣе предусмотрительными.

Они сѣли въ вагонъ третьяго класса, не взирая на то, что съ тѣмъ же правомъ и даже несравненно большимъ, нежели я, могли позволить себѣ удовольствіе сидѣть на мягкомъ диванѣ.

Какъ люди, искушенные опытомъ, они сдѣлали это вполнѣ сознательно, и неоднократно, на остановкахъ, приглашали меня къ себѣ. Я не послѣдовалъ ихъ совѣту и могу теперь выразить только запоздалое сожалѣніе. Впрочемъ, кто знаетъ, какъ сложилась бы въ этомъ случаѣ моя судьба?..

Итакъ, я въ купэ.

Вмѣстѣ со мною сидитъ бывшій московскій городской голова Челноковъ, крупный, неподвижный мужчина, съ неизмѣннымъ костылемъ въ рукахъ, и богатый кіевскій еврей-финансистъ.

На противоположномъ диванѣ занимаетъ мѣсто главноуправляющій могилевскимъ лѣснымъ имѣніемъ великаго князя Николая Николаевича, бывшій лейбъ-гусаръ, старенькій камергеръ Мещериновъ, съ своею женой.

Всѣ мы направляемся въ Одессу, настроены радужно, время протекаетъ въ оживленной бесѣдѣ. Мои спутники, время отъ времени, копаются въ дорожныхъ сверткахъ и угощаютъ меня вкусною снѣдью...

Къ вечеру прибываемъ въ Казатинъ... Утромъ—въ Винницу... Въ полдень — подъѣзжаемъ къ Раздѣльной... Никто не тревожитъ... Въ общемъ, идиллія, напоминающая рельсовый

вояжъ далекаго невозвратнаго времени, въ условіяхъ самаго изысканнаго комфорта... Нужно замѣтить, что поддержаніе въ полномъ порядкѣ регулярнаго сообщенія съ Одессой составляло, кажется, основную задачу украинскихъ желѣзнодорожныхъ властей...

Въ окно разстилается необъятная новороссійская равнина, покрытая снѣжнымъ пуховымъ одѣяломъ. Ни деревца, ни единаго кустика, кругомъ — ошеломляющій просторъ...

„Пастухи пустыни, что мы знаемъ?
Мы, какъ сказки дѣтства, вспоминаемъ
Минареты нашихъ отчихъ странъ..."

Отбрасывая на полотно бирюзовыя тѣни, въ голубомъ небѣ сверкаетъ январьское солнце. Въ воздухѣ тепло и порою чудится соленый запахъ моря.

Одесса!..

Городъ изумительнаго очарованія, легкомысленнаго веселья и смѣха!.. Привѣтъ тебѣ, южная, ласкающая Пальмира!..

Я выхожу въ корридоръ, закуриваю папиросу, вступаю въ бесѣду съ спутниками—бывшимъ полковникомъ Кирасирскаго Его Величества полка Старженецкимъ-Лаппо и молодымъ бессарабскимъ помѣщикомъ Крупенскимъ, который ѣдетъ съ женой и двумя прехорошенькими дѣвочками.

Бесѣда порхаетъ по всѣмъ направленіямъ. Каждый вспоминаетъ эпизоды изъ своей бѣженской одиссеи, дѣлится кіевскими пережи-

ваніями, планами въ отношеніи будущаго и, въ концѣ концовъ, разговоръ останавливается на екатеринбургской трагедіи, продолжающей быть наиболѣе острою темой.

Въ самомъ дѣлѣ, несчастная доля царской семьи вызываетъ сочувствіе и состраданіе, которыя еще долго будутъ имѣть откликъ въ сердцѣ русскаго человѣка...

Сознаніе не можетъ отдѣлаться отъ терзающихъ мыслей и настойчиво ищетъ мотивы, которые привели императорскую Россію къ закату и роковому паденію.

Многое становится теперь, болѣе или менѣе, яснымъ.

Несчастный царь, по натурѣ мягкій и деликатный, честный, порядочный человѣкъ, можетъ быть, идеалъ конституціоннаго монарха, самодержавный владыка, на слабыя плечи котораго выпало тяжкое бремя государственнаго переустройства, въ соотвѣтствіи съ духомъ времени, съ требованіями передовой части русскаго общества, съ чаяніями пробуждавшихся отъ вѣковой спячки массъ, къ сожалѣнію, не оказался на высотѣ поставленной передъ нимъ историческимъ ходомъ вещей задачи.

Путь либеральныхъ реформъ, на который такъ или иначе вступила страна, вызвалъ борьбу престола съ общественностью, въ подра-

жаніи западно-европейскому образцу усматривавшей панацею отъ всѣхъ политическихъ, экономическихъ, соціальныхъ недуговъ, съ русской либеральной общественностью, въ своихъ вполнѣ достойныхъ стремленіяхъ опережавшей, однако, общій темпъ русской жизни.

Навязанная Россіи война, совершенно ненужная, въ сущности, и безцѣльная, вызванная ошибочной дипломатическою игрой близорукихъ политиковъ послѣдняго царствованія, война, отъ которой Россія, при всемъ желаніи, не была, однако, по стратегическимъ соображеніямъ, въ состояніи отказаться, стала препятствіемъ на пути къ политическому прогрессу и широкому развитію производительныхъ силъ.

Нельзя игнорировать и ту темную силу, которая толкала императора въ сторону реакціи, торжество которой, въ особенности, выразилось, въ такой наглядной формѣ, въ періодъ непосредственно предшествовавшій государственному перевороту.

Неудачныя назначенія, носившія характеръ общественнаго вызова, тяжелая затяжная война, личные промахи императора, роковое воздѣйствіе на него больной императрицы, работа явныхъ и тайныхъ враговъ — все это фатальнымъ образомъ подтачивало устои трона.

Въ этомъ положеніи, послѣдній русскій самодержецъ не нашелъ въ себѣ ни дарованій, ни смѣлой рѣшимости стряхнуть гнетъ постороннихъ вліяній, возвыситься надъ толпой

окружавшихъ его престолъ людей и, цѣною извѣстныхъ уступокъ народу и русскому обществу, довести страну до побѣды.

О, конечно, едва-ли можно было строить иллюзіи въ томъ отношеніи, что съ дарованіемъ конституціи, отвѣтственнаго передъ законодательными палатами министерства и прочими требованіями передовой части русскаго общества, государственная машина заработаетъ безъ перебоевъ, въ полномъ контактѣ со всѣми общественными и народными силами!

Можно себѣ представить, что это была бы за министерская чехарда] и парламентскій «гандикапъ», при отсутствіи прочно отстоявшихся партій, умѣренности и выдержки партійныхъ лидеровъ, при отсутствіи политической зрѣлости массъ, въ атмосферѣ тяжелой войны и общаго недовольства?..

Однако, при всемъ томъ, горячо ожидавшаяся реформа могла бы, безъ сомнѣнія, предотвратить взрывъ, органическіе недочеты всей государственной и правительственной системы снять съ плечъ самодержавной власти, и закончить войну достойнымъ образомъ.

Есть данныя утверждать, что 6 декабря 1916 года, государь императоръ, на торжественномъ засѣданіи Государственной Думы, имѣлъ намѣреніе объявить актъ рѣшающаго государственнаго значенія.

Передавали, что въ государственной типографіи уже были заготовлены почетные пригласительные билеты, для врученія ихъ высшимъ сановникамъ и лицамъ дипломатическаго корпуса.

Всѣ сроки приблизились совершенно вплотную и, можетъ быть, это было бы послѣдней спасительною попыткой уберечь государственный корабль отъ аваріи и ввести его въ надежную пристань.

Къ глубокому прискорбію, въ послѣднюю минуту, подъ давленіемъ тайныхъ силъ, ни торжественное засѣданіе въ высочайшемъ присутствіемъ, ни, тѣмъ болѣе, оглашеніе высокаго акта не состоялось.

Катастрофа надвигалась неотвратимо.

Чувства обыкновеннаго человѣка, отца и мужа, въ эти роковые для всей послѣдующей русской исторіи дни, одержали у императора верхъ надъ разумомъ истиннаго Вождя.

Дальнѣйшее поведеніе, граничившее съ безволіемъ, растерянностью и слѣпою покорностью Року, не могло измѣнить предопредѣленныхъ судьбою событій и, вслѣдъ за крушеніемъ императорскаго престола, увлекало въ бездну Россію.

Что думали, однако, тѣ лучшіе представители русскихъ общественныхъ силъ, хитроумные фарисеи и мытари передовой интеллигенціи, нанося режиму послѣдній толчокъ и пристегивая къ титанической войнѣ революцію,

нагромождая, по образному выраженію, Пеліонъ на Оссу?

Впрочемъ, кто понималъ что нибудь въ эти безумные дни?..

Сверкаетъ бирюзовое небо... Горитъ снѣговой коверъ новороссійской равнины... Отъ Одессы отдѣляетъ всего какихъ нибудь тридцать верстъ...

Я живо рисую въ воображеніи картины тѣхъ незабвенныхъ дней, когда двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, посѣтилъ впервые этотъ изумительный городъ. Тогда былъ май и на одесскихъ бульварахъ расцвѣтали акаціи.

Мягко цокали стальныя подковы по плитняку гладкихъ, убѣгающихъ во всѣ стороны улицъ.

Панели и мостовые, скверы, сады, кафэ Фанкони и Робинà — были наполнены яркой, пестрой, оживленной толпой...

А на бульварѣ, со скамейки, затѣненной свѣжей листвою каштановъ, разстилался ласкающій видъ на тихое, спокойное, переливающееся жемчугами и топазами море...

Паровозный гудокъ прерываетъ воспоминанія.

— Выгòда!

Послѣдняя остановка...

Въ вагонъ входитъ группа незнакомыхъ лицъ — какіе-то студенты въ выцвѣтшихъ

картузахъ, за ними десятокъ мрачныхъ казаковъ, въ полушубкахъ, вывороченныхъ мѣхомъ наружу, съ винтовками въ рукахъ.

Контрольный украинскій пунктъ... Провѣрка документовъ.

Въ вагонѣ волненіе... Настроеніе внезапно падаетъ... У многихъ, несомнѣнно, сжимается сердце...

По требованію студента, подаю бумаги и кошелекъ. Студентъ пересчиталъ пачку карбованцевъ, фальшивыхъ, къ моему удовлетворенію, не нашелъ и, съ улыбкою, возвращаетъ деньги. Гайдамакъ копается въ вещахъ, вынимаетъ изъ чемодана связку писемъ, газетныхъ вырѣзокъ, открытокъ съ видами Днѣпра и кинематографической дивы Хенни Портенъ.

Студентъ внимательно изучаетъ «посвидченне» и другіе документы, цѣдитъ что-то сквозь зубы помощнику и неожиданно произноситъ:

— Пане техникъ, васъ треба затримати!

Я пытаюсь энергично протестовать... Почему, на какомъ основаніи, бумаги въ полномъ порядкѣ?..

Увы, спасенья нѣтъ!.. Не выручаетъ меня и фуражка съ желѣзнодорожной эмблемой... Студентъ разводитъ руками... Ехидный взоръ пронизываетъ насквозь.

Дальнѣйшее сопротивленіе безцѣльно.

Я беру чемоданъ и провожаемый безмолвными взорами и сочувственнымъ рукопожатіемъ спутниковъ, выхожу на перронъ.

Выпустивъ клубъ бѣлаго дыма, поѣздъ скрывается въ голубоватой дали...

16

СТАНЦІЯ ВЫГОДА

Выгòда—маленькая станція, въ двухъ перегонахъ отъ Одессы, затерянная въ снѣговомъ просторѣ.

Шесть сутокъ, проведенныхъ въ этой глухой, забытой Богомъ и людьми дырѣ, въ вонючемъ, омерзительномъ клоповникѣ, въ тѣсномъ сообществѣ съ особами различныхъ званій, отъ графа до ничтожнаго карманщика, безъ сна, безъ пищи, если не считать куска гнилого сала и краюхи черстваго, заплеснѣвшаго хлѣба, подъ непристойныя ругательства и пьяный хохотъ караула, въ атмосферѣ полнаго безправія и ожиданія ежеминутнаго разстрѣла, мнѣ представляется какимъ-то болѣзненнымъ, кошмарнымъ, отвратительнымъ приключеніемъ.

Предупредительно высаженный изъ вагона, я не успѣлъ войти въ мою темницу, какъ двое молодыхъ людей, сопровождаемыхъ кон-

воемъ, съ истерическимъ плачемъ, кидаются на валявшуюся на полу шинель.

Военно-революціоннымъ судомъ, исправлявшимъ свои функціи въ одномъ изъ вагоновъ стоявшаго на запасныхъ путяхъ поѣзда, они приговорены къ смертной казни за участіе въ оборонѣ Кіева. И черезъ пять минутъ, обоихъ, еле держащихся на ногахъ, выводятъ.

— Тахъ-тахъ!

До насъ доносятся выстрѣлы...

Всѣхъ заключенныхъ было, въ общемъ, человѣкъ до тридцати. Одни сидѣли за мелкое мошенничество. Другіе за то, что имѣли несчастье обладать имѣніемъ. Военноплѣнный офицеръ, вернувшійся изъ австрійскаго лагеря, былъ арестованъ за обнаруженную у него въ вещахъ карту франко-германскаго фронта. Молодой студентъ, бѣжавшій изъ краснаго Петрограда, арестованъ за царскую печать съ двуглавымъ орломъ, на документѣ.

Я понялъ очень скоро, что никакія объясненія и просьбы не въ состояніи поколебать предвзятаго рѣшенія моихъ невѣжественныхъ судей, замкнулся и ожидалъ конца...

Когда спустился вечеръ и коммерсантъ-еврей изъ Елисаветграда засвѣтилъ огарокъ, лежавшій рядомъ съ нимъ агентъ американской фирмы, типичнѣйшій комми, веснусчатый, рыжеволосый, съ безбровыми глазами и бри-

тою губой, гнусавымъ, раздражающимъ фальцетомъ запѣлъ какой-то разухабистый мотивъ. Онъ пѣлъ по англійски, умышленно коверкая слова и, подражая кастаньетамъ, щелкалъ пальцами.

Одѣтый въ грязныя лохмотья поручикъ, съ забинтованной рукой, бесѣдовалъ съ моимъ сосѣдомъ, ветеринарнымъ докторомъ, грузиномъ Чикваидзе. Докторъ молчалъ и, нервно попыхивая папиросой, неподвижно сидѣлъ въ углу, на чемоданѣ.

Елисаветградскій коммерсантъ, кряхтя и медленно копаясь въ дорожномъ мѣшкѣ, досталъ мохнатый пледъ, подушку въ полосатой наволочкѣ и приготовился къ ночлегу. Но сонъ не шелъ. Онъ вскорѣ повернулся на бокъ и, склонившись къ Капнисту, шепталъ ему прерывистымъ и задыхающимся голосомъ:

— Ай, ай, ай,ай!.. Пьять тісяцівъ карбованцівъ!.. Ваше ясновельможное сіятельство!.. Подумайте себѣ?.. Ферштолтенеръ керлъ!.. Вѣдь у мине фамилія, у мине ребенки?..

Онъ вздрагивалъ, какъ одержимый тикомъ или другою нервной болѣзнью, а на губахъ кривилась жалкая улыбка.

Наискосокъ, въ противоположномъ углу, слышалась возня, заглушенная брань, рыданья, стоны. Юродивый мальчишка катался на полу, хрипѣлъ и скребъ обѣими руками худую, смуглую, изъѣденную паршею грудь.

На табуретѣ, у дверей, въ мохнатомъ вывороченномъ полушубкѣ и нахлобученной па-

пахѣ, сидѣлъ козакъ. Онъ курилъ трубку и, поминутно, тонкою струею сплевывая на полъ, глядѣлъ на насъ холоднымъ, безучастнымъ взоромъ. Лишь изрѣдка, когда разговоръ случайно оживлялся и раздавался смѣхъ или возня, онъ принималъ сердитый видъ, стучалъ прикладомъ и кричалъ:

— Геть!.. Щобъ васъ усіхъ поразорвало, сучьи діты!.. Мовчать!.. Зара піду до осаула!..

Всю ночь и не смыкая почти глазъ, я просидѣлъ въ своемъ углу, отдавшись грустнымъ размышленіямъ. Меня интересовалъ вопросъ за что я арестованъ и чѣмъ, такъ неудачно для себя, навлекъ какія-то таинственныя подозрѣнія?

А между тѣмъ, всѣ документы у меня въ порядкѣ. По облику и по одеждѣ — я мелкій служащій, желѣзнодорожный техникъ, представитель продуктивнаго труда, обыкновенный человѣкъ, далекій политической борьбы. Въ моихъ вещахъ нѣтъ ничего предосудительнаго —двѣ смѣны грубаго бѣлья, четвертка табаку, послѣдній сборникъ Бунина, да нѣсколько открытокъ съ видами Днѣпра.

Въ эти тревожные, мучительно-тоскливые часы, съ особой ясностью передо мною скользнула моя жизнь. Я вспоминалъ съ особою любовью дѣтство. Я вспоминалъ всѣ незначительные эпизоды, годы ученья и свободы, забавы, службу, увлеченія, тяжелыя переживанія войны, картины революціи и, наконецъ, свои бездомные скитальческіе дни. Я вспоминалъ

далекую усадьбу и ту, которая осталась тамъ... Которая томится, какъ и я, въ разлукѣ... Которая, въ эти минуты, находится, безъ всякаго сомнѣнія, въ тревогѣ за меня...

— Прости, мой свѣтлый ангелъ!..

Я вспоминалъ все это съ тихой и покорной грустью. Но временами, гдѣ-то въ уголкѣ души, внезапно подымался негодующій протестъ. Тогда я съ ненавистью вглядывался въ сонную фигуру часового, въ бѣлѣвшія во мракѣ голыя, захарканныя стѣны, прислушиваясь къ хриплому дыханію, шопотамъ и крикамъ измученныхъ, истерзанныхъ людей. Я ежился отъ холода, чесалось тѣло, чувствовалась жажда.

Раздался стукъ, открылась дверь, морозная струя ворвалась въ помѣщеніе и заходила по ногамъ...

Новый часовой былъ юный парень, настроенный, вдобавокъ, музыкально. На протяженіи нѣсколькихъ минутъ, онъ съ любопытствомъ осматривалъ свою винтовку, щелкая затворомъ, вставлялъ и снова вынималъ обойму и, наконецъ, усѣвшись плотно на скамьѣ и положивъ ружье между колѣнъ, откашлялся и затянулъ тягучую, томительную пѣсню.

Въ ней фигурировалъ козакъ, собравшійся въ походъ, коварный нѣмецъ, дивчина и яворъ, разлука, клятвы, слезы и все, что съ безыскусственной, наивною и трогательною простотой, передаетъ на тысячу ладовъ, народный эпосъ:

„Що люби-ивъ та коха-авъ,
Собі дів-чину мавъ,
Якъ зіронь-ку ясну-у...

Онъ пѣлъ и, незамѣтно повышая голосъ, глядѣлъ меланхолически въ окно, сѣрѣвшее проблесками зимняго разсвѣта:

„Та за гер-манами,
Та за во-рогами,
Покину-увъ нещасну-у...“

Уже было совсѣмъ свѣтло и въ комнатѣ царило оживленіе, когда я неожиданно очнулся.

Въ бекешѣ съ смушковымъ воротникомъ и синими шнурами на груди, вооруженный кухоннымъ ножемъ, неподалеку отъ меня, верхомъ на колченогой узенькой скамьѣ, сидѣлъ молодой помѣщикъ изъ «Проскірова», панъ Заремба. Онъ рѣзалъ толстыми кусками буханокъ черного заплеснѣвшаго хлѣба, кидалъ куски въ протягивавшіяся къ нему руки и весело кричалъ:

— Пончки, пончки!.. Свиже, горонце, досконале!.. Тши гроши за пару!... Панъ техникъ, проше покоштовать!

Кругомъ возились, двигались, шумѣли. Звучалъ неугомонный разговоръ, тяжеловѣсный споръ и матерная ругань. Въ одномъ углу, артель какихъ-то дотолѣ незамѣтныхъ лицъ, въ овчинныхъ свиткахъ и грубыхъ закоруз-

лыхъ сапогахъ, усѣвшись въ кругъ, съ спокойнымъ, дѣловитымъ видомъ пила чай, закусывая баранками и мелкими морщинистыми яблоками.

— Остапъ!.. Холера!.. Щобъ ты сказывся! — кричалъ невзрачный мужиченко, наскакивая на своего невозмутимаго сосѣда. — Віддай міні мои гроши!.. Ратуйте, добрі люди!.. Це вінъ, холера, вінъ скралъ мои гроши!..

Въ другомъ углу военноплѣнный офицеръ, съ помощью студента, затягивалъ ремнями свой мѣшокъ. Высокій, худощавый парень, съ заячьей губой, цѣдилъ изъ чайника остывшій мутный чай. Елисаветградскій коммерсантъ шептался съ молодымъ евреемъ. Табачный дымъ густыми сизыми клубами струился въ воздухѣ, пропитанномъ тяжелымъ запахомъ человѣческихъ испареній. На грязномъ, каменномъ, насквозь проплеванномъ полу, валялись корки хлѣба, окурки, клочки газетной и оберточной бумаги.

— Коллега, извиняюсь!.. Считаю долгомъ васъ предупредить...

Студентъ наклонился и выразительно повелъ глазами въ противоположный уголъ:

— Рекомендую быть какъ можно осторожнѣе!.. Среди арестованныхъ имѣются шпики!.. Кстати, наблюдайте за вещами!..

А въ это время, американецъ изъ Чикаго, лежа съ закинутыми за голову руками, къ потѣхѣ часового и сосѣдей, съ неподражаемымъ искусствомъ имитировалъ животныхъ. Онъ

лаялъ по собачьи, мяукалъ, ржалъ, кудахталъ, каркалъ, свисталъ по ястребиному и заливался соловьиной трелью:

— Чокъ-чокъ-чокъ-чокъ!.. Віуррръ-віурррь!.. Фюи-фюи!.. Чокъ-чокъ-чокъ-чокъ!..

Издалека донесся шумъ. Всѣ бросились къ окну и, черезъ нѣсколько секундъ, свистя и громыхая, промчался поѣздъ. Это былъ почтовый № 5, прибывающій къ двѣнадцати часамъ въ Одессу...

Все стихло на мгновенье.

Затѣмъ, раздался стукъ и дверь открылась.

— Панъ слидчій! — произнесъ чей-то голосъ...

Сопровождаемый помощникомъ коменданта, сотникомъ Конопко, въ комнату вошелъ судебный слѣдователь Тимощукъ. Это былъ худой и низкорослый человѣкъ, съ болѣзненнымъ лицомъ и острымъ взглядомъ сѣрыхъ безпокойныхъ глазъ. Недѣли три тому назадъ, подъ Ананьевымъ, онъ попался въ руки добровольцамъ Слащева и, получивъ порцію шомполовъ, былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны.

Съ тѣхъ поръ, этотъ человѣкъ, изъ бывшихъ интендантскихъ надзирателей службы «постачання», пылалъ, по отношенію къ офицерамъ, неугасимой злобой. Одѣтый въ темную украинскую свитку съ алымъ кушакомъ, изъ-

подъ котораго выглядывала рукоять нагана въ остроконечной шапкѣ, въ высокихъ рыжихъ сапогахъ, онъ производилъ гнетущее, безрадостное впечатлѣніе.

Онъ не успѣлъ войти, какъ нѣсколько хохловъ и два забитыхъ, жалкихъ, испуганныхъ еврея, протягивая руки, бросились къ нему и распростерлись на колѣняхъ. Отъ неожиданности, слидчій сдѣлалъ шагъ назадъ. Въ одно мгновенье, его рука, вооруженная нагайкой, поднялась въ воздухѣ и тотчасъ съ свистомъ опустилась. Костлявымъ кулакомъ другой руки, онъ одновременно ткнулъ ближайшаго мужика въ глазъ. Раздался вой.

— А, стерво!—произнесъ слидчій глухимъ голосомъ, сжимая судорожно нагайку и обводя всѣхъ злобнымъ взглядомъ.—А въ други разъ, пане Конопко! — проговорилъ онъ, обращаясь офиціальнымъ тономъ, съ преувеличенною важностью къ сотнику.—Предлагаю вамъ, по отношенію къ нарушителямъ порядка, принять мѣры!.. На основаніи закона!.. Такъ!

Затѣмъ, онъ сталъ медленно обходить стоявшихъ передъ нимъ людей, бросая грубыя, язвительныя замѣчанія, подтрунивая и смѣясь ехиднымъ мелкимъ смѣхомъ, то неожиданно разражаясь рѣзкой бранью, то по отечески трепля кое-кого изъ арестованныхъ по плечу:

— Шевченко!.. Карый!.. Лейзеровичъ!.. На допросъ!.. Добродій Глинскій!.. Гольдбергъ!.. Такъ само!.. А ты, жідівска шкура? – процѣдилъ онъ, останавливаясь передъ коммерсантомъ.—

Гешефты?.. Спекуляцья?.. Придэшь до моего купэ!.. Хiба не чуешь?..

На Чикваидзе онъ взглянулъ лишь мелькомъ, опасливымъ и торопливымъ взглядомъ. Военноплѣннаго поручика сталъ укорять въ безпечности. Капниста молча обошелъ. И наконецъ, остановился передо мной:

— И на що вамъ сдалась та самая Одесса?.. Море!.. Хе-хе-хе-хе!.. Ой, пане технику!.. Жартуе пане техникъ!.. Море, море!.. Здаеться мiнi часомъ...

Онъ не договорилъ, скосилъ глаза и улыбнулся ядовитою улыбкой:

— Ой, щобъ тыи жарты не зробили пану шкоды!

И покачавъ неодобрительно головой, окинулъ взоромъ еще разъ комнату и вышелъ...

За время своего заключенiя, ближе другихъ я сошелся съ студентомъ. Это былъ весьма развитой молодой человѣкъ, остроумный, находчивый, интересный, съ необычными для своего возраста взглядами, съ нѣкоторымъ философскимъ устремленiемъ мысли.

Связанный узами личной дружбы съ Канегиссеромъ, онъ, вслѣдъ за убiйствомъ послѣднимъ Урицкаго, принужденъ былъ тотчасъ скрыться изъ Петрограда...

Часами, сидя въ углу нашей общей темницы, мы коротали съ нимъ время въ безко-

нечныхъ бесѣдахъ на политическія и литературныя темы, что отвлекало отъ мрачной дѣйствительности и поддерживало моральныя силы

О, милый Борисъ Семеновичъ, не знаю, не вѣдаю, существуешь-ли ты еще на этой грѣшной землѣ, удалось-ли тебѣ избѣжать злодѣйской расправы въ выгодскомъ застѣнкѣ, удалось-ли не спалить крылья въ огнѣ гражданской войны?

Существуешь ты или нѣтъ, но храню о тебѣ лучшую память, славный молодой человѣкъ, съ такой горячею искренностью повѣрившій мнѣ свои сокровенныя думы, съ такимъ трогательнымъ участіемъ отнесшійся къ моей долѣ...

Было время, когда Борисъ Семеновичъ, само собой разумѣется, отдалъ дань революціонному опьяненію въ первые дни «великой-безкровной», манифестировалъ на улицахъ невской столицы и, съ краснымъ флагомъ въ рукѣ, произносилъ даже рѣчи по адресу павшаго самодержавія.

Сейчасъ, его политическое міровоззрѣніе существеннымъ образомъ измѣнилось, какъ измѣнилось оно, вѣроятно, у многихъ.

Молодой студентъ содержится въ заключеніи вторую недѣлю и, такимъ образомъ, является въ нѣкоторомъ родѣ «старостой» нашей тюрьмы. Къ своей судьбѣ онъ относится съ эпическимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ. Въ этомъ маленькомъ человѣкѣ большой зарядъ душевной энергіи, воли и силы, которыя не-

вольно передаются окружающимъ. Онъ держится съ полнымъ достоинствомъ, не скрываетъ своего презрѣнія ни къ слѣдователю, ни къ судьямъ и, съ откровенною смѣлостью не отступаетъ отъ своихъ показаній — ѣхать въ Одессу для поступленія въ Добровольческую армію.

Въ интимной бесѣдѣ со мной дѣлится подробно этими планами, выражая лишь опасеніе, что какъ еврей, быть можетъ, не будетъ допущенъ въ ряды бѣлыхъ войскъ.

Разстрѣлъ же его не пугаетъ.

Да, развѣ человѣческій рокъ, уже съ момента рожденія, не начертанъ на скрижаляхъ таинственною рукой?..

Не столько, впрочемъ, политика, сколько литературныя темы являются главнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ. И мы предаемся имъ съ увлеченіемъ, разбирая произведенія тѣхъ или другихъ мастеровъ, цитируя модныхъ поэтовъ— «Лебединую Стаю» Анны Ахматовой, стихи Блока, Волошина, Гумилева, прислушиваясь къ музыкѣ столь отвѣчающихъ нашему настроенію строфъ:

„Луна плыветъ, какъ круглый щитъ
Давно убитаго героя,
А сердце ноетъ и стучитъ
Уныло чуя роковое.

Чрезъ дымный лугъ и хмурый лѣсъ,
И угрожающее море,
Бредетъ съ копьемъ на перевѣсъ
Мое чудовищное горе

Напрасно я спѣшу къ коню,
Хватаю съ трепетомъ поводья
И, обезумѣвшій, гоню
Его въ ночныя половодья.

Въ болотѣ темномъ дикій бой
Для всѣхъ останется невѣдомъ,
И верхъ одержитъ надо мной
Привыкшій къ сумрачнымъ побѣдамъ.

Мнѣ сразу въ очи хлынетъ мгла,
На полномъ, бѣшеномъ галопѣ,
Я буду выбитъ изъ сѣдла
И покачусь въ ночныя топи.

И утромъ встану я одинъ,
А дѣвы, рады играмъ вѣшнимъ,
Шепнутъ: „Вотъ странный паладинъ
Съ душой, измученной нездѣшнимъ!“

И текли часы, одинъ за другимъ, въ тупой и хмурой печали, въ томительной неизвѣстности, въ тяжеломъ предчувствіи рокового конца.

Насъ выводили въ уборную, находившуюся на противоположномъ концѣ перрона, по очереди, въ сопровожденіи конвоира.

Въ этихъ случаяхъ, я умышленно замедлялъ шаги и развлекалъ вниманіе козака разговоромъ. Вначалѣ, онъ недружелюбно меня выслушивалъ, косился, торопилъ, но постепенно оживлялся самъ и забывалъ служебную инструкцію.

Сверкало январьское солнце.

Впереди разстилалась безбрежная новороссійская равнина. Направо, взоръ упирался въ водокачку, депо и станціонныя сооруженія, окайм-

ленныя оголенными деревьями. Налѣво, на запасномъ пути, чернѣлъ рядъ траурныхъ вагоновъ, съ походнымъ штабомъ отамана Зміенки. И пара рельсъ далеко уходила въ голубоватую даль...

Стемнѣло снова.

И снова длинный зимній вечеръ наполнилъ комнату тоскливымъ настроеніемъ. Особенно томила неизвѣстность. Безсонныя мучительныя ночи, недоѣданье, нервная тревога — невольно клали отпечатокъ. Въ особенности измѣнился графъ, Никита Ростиславовичъ Капнистъ, зажиточный полтавскій помѣщикъ. Его холеное лицо, уже небритое три дня, осунулось и пожелтѣло, ввалились щеки, заострился носъ, а подъ глазами намѣтились круги. Наканунѣ имъ овладѣлъ истерическій припадокъ. И странно было наблюдать взрослаго человѣка, рыдавшаго, какъ ребенокъ, колотившагося о грязный каменный полъ.

Въ углу, укрывшись съ головою кожанымъ тулупомъ, вторыя сутки лежалъ мужикъ. Его трясло. Онъ несомнѣнно былъ серьезно боленъ — горячкой, оспой, быть можетъ, сыпнякомъ?..

Снова донесся отдаленный гулъ и къ станціи, сверкая привѣтливо горящими огнями, подошелъ вечерній поѣздъ. Въ окнахъ задвигались фигуры, къ стеклу прильнуло, на мгновеніе, молодое женское личико, такое ласковое, милое, въ смѣющихся букелькахъ... Затопали шаги... Черезъ минуту поѣздъ отошелъ.

А вскорѣ отворилась дверь и въ комнату ввалился широкоплечій гайдамакъ. За нимъ виднѣлось нѣсколько козаковъ.:

— Добродій Чикваидзе!.. Дэ вінъ?

Врачъ вздрогнулъ, медленно поднялся и молча, съ опущенною головой, избѣгая взоровъ, направился къ выходу.

Всѣ молчали.

Черезъ нѣсколько минутъ донеслись выстрѣлы:

— Тахъ-тахъ!..

На слѣдующій день былъ разстрѣлянъ поручикъ съ забинтованной рукой.

Онъ принялъ смерть безстрашно, съ изумительнымъ спокойствіемъ, и на прощанье передалъ мнѣ письмо и перстень съ дешевенькимъ аметистомъ. Его судьба поистинѣ трагична. Съ неимовѣрными усиліями, ему удалось, послѣ годичнаго пребыванія у большевиковъ, пробраться изъ Волочка въ Сумы, къ женѣ и къ дѣтямъ, и поступить надсмотрщикомъ на сахарную ферму.

При приближеніи красноармейскихъ бандъ, онъ выѣхалъ на Кіевъ и Одессу и, арестованный, подобно мнѣ, сидѣлъ восьмыя сутки въ заключеніи.

Въ его вещахъ былъ обнаруженъ учебникъ географіи, въ которомъ, за неимѣніемъ карты, былъ нанесенъ карандашомъ маршрутъ.

Эта вопіющая улика послужила причиной обвиненія его въ шпіонажѣ и послѣдующаго разстрѣла.

Елисаветградскій коммерсантъ былъ въ тотъ же день отпущенъ на свободу. Нужно было наблюдать его восторгъ и проявленія искренняго счастья. Онъ хохоталъ, копался съ лихорадочной поспѣшностью въ вещахъ и угощалъ насъ залежавшимся печеньемъ, сахаромъ и леденцами.

— Ай, пане грахъ! — шепталъ онъ въ интимно-радостномъ признаніи Капнисту. — Фершолтенеръ копфъ!.. Я жъ не отдалъ ему всѣхъ денегъ!

Но намъ его восторгъ не передался. Всѣ молча и угрюмо смотрѣли на него, а рыжій комиссіонеръ ругалъ его какими-то особыми словами и швырялъ въ еврея корки хлѣба.

На пятый день былъ освобожденъ Заремба, Лейзеровичъ и Капнистъ, и одновремено, нашъ казематъ былъ вновь пополненъ свѣжимъ персоналомъ—солдатомъ-дезертиромъ, торговкой и мелкимъ служащимъ, чиновникомъ губерніальнаго правленія.

Послѣдній оказался тихимъ безотвѣтнымъ человѣкомъ, возбудившимъ общее сочувствіе. Вдобавокъ, онъ снабжалъ насъ папиросами и бѣгалъ за водой.

Торговка раздражала плачемъ.

Солдатъ былъ родомъ изъ Рязани, буянъ и выжига, хвастунъ и сквернословъ. Онъ долго упирался и кричалъ на конвоировъ, съ лукаво-

добродушнымъ смѣхомъ толкавшихъ его въ дверь. Затѣмъ, вошелъ, швырнулъ свой узелокъ, усѣлся на полъ, разулся и началъ оправлять свернувшуюся портянку. Черезъ минуту, онъ уже бранился съ сосѣдомъ, не пожелавшимъ уступить ему свой уголъ, замахивался кулакомъ и оралъ:

— Ахъ, ты, мать твою въ прорву!.. Я те покажу, хохлацкая сопилка!.. Листокрадъ!.. Разсѣлся, сукинъ сынъ!..

Затѣмъ, скрутивъ козью ножку, онъ закурилъ ее отъ тлѣющаго въ печкѣ уголька и вскорѣ заплевалъ весь уголъ:

— Эй, тетка!.. Дырявая гвардія! — кричалъ онъ, при общемъ хохотѣ, на торговку. — Заткни глотку!.. Буде тебѣ, дурная, скулить!..

Торговка умолкла, смирилась и сидѣла на своемъ кулькѣ, въ тупомъ, неподвижномъ одиночествѣ.

Потомъ, растянувшись на шинели, солдатъ грызъ сѣмячки и самоувѣреннымъ тономъ повѣствовалъ сосѣду легенды о войнѣ:

— Какъ, значитъ, было энто дѣло подъ Аршавой!.. Въ двадцать девятомъ пѣхотномъ Черниговскомъ генералъ-фитьмаршала грахва Дибича Забалканскаго!.. Слыхалъ, чай?.. Ну, то-то... Вотъ ротный, значитъ, мнѣ и говоритъ... Антабкинъ, подь сюды, такой-сякой! Ерой ты, ай нѣтъ?..

Онъ сдѣлалъ паузу, зажмурился и снова продолжалъ разсказъ, нелѣпый вздоръ, безсмысленную и пустую похвальбу. Дальнѣйшая

его судьба, равно и всѣхъ другихъ, мнѣ неизвѣстна. Ибо, подъ самый вечеръ, на седьмыя сутки, въ сопровожденіи двухъ козаковъ, вошелъ Конопко и сказалъ:

— Панъ техникъ! Збирайтеся въ походъ!

А черезъ полчаса, мы уже сидѣли въ маленькомъ купэ и ѣхали на Кіевъ...

Два дня совмѣстнаго путешествія сблизили насъ настолько, что подъ конецъ, я чувствовалъ въ моихъ свирѣпыхъ конвоирахъ доброжелательныхъ и преданныхъ друзей. Я пользовался неограниченной свободой, на остановкахъ выходилъ одинъ, шатался по вокзаламъ и, при желаніи, имѣлъ полную возможность скрыться. Въ бесѣдѣ съ сотникомъ, я даже высказалъ ему свои предположенія.

Конопко улыбнулся:

— О, не, добродій!.. Вы не убѣжите!

— А почему бы мнѣ не убѣжать?

— Такъ, пане техникъ!..

Да, милый другъ, ты правъ... Ты совершенно правъ — я не убѣгу... Но не ищи въ моей натурѣ особаго благородства... Повѣрь, что при другихъ условіяхъ, я самымъ откровеннымъ образомъ надулъ бы и тебя и твою стражу, и упорхнулъ, какъ воробей... Мнѣ просто — надоѣло все, я утомленъ, озлобленъ и, кажется, встрѣчу теперь все съ улыбкой!..

Уже темнѣло, когда мы подъѣзжали къ Кіеву...

Четырехмѣстный рыдванъ подкатилъ насъ къ помѣщенію слѣдственной комиссіи, въ Крещатицкомъ переулкѣ. Конопко побѣжалъ наверхъ, а я и оба конвоира усѣлись на скамьѣ.

Минутъ черезъ пятнадцать Конопко возвратился, съ опечаленнымъ лицомъ, и на прощанье крѣпко пожалъ руку:

— Я ничего не можу зробить!.. Всего найкращаго, добродій!.. Дай Боже!..

А черезъ полчаса, введенный въ помѣщеніе, я стоялъ передъ столомъ и давалъ свои невинныя, весьма тщательно продуманныя, показанія.

— Такъ, такъ!..—глядя куда-то въ сторону, съ усмѣшкою плотно сжатыхъ губъ, поддакивалъ сидѣвшій незнакомецъ, съ бритою, какъ у каторжанина, головой. А може «панъ отàманъ», буде ласковъ объяснить происхожденіе цієй цидулы?..

И съ этими словами, слѣдователь протянулъ бумажку.

Отъ неожиданности, я вздрогнулъ.

Это было именное свидѣтельство отъ походной канцеляріи ясновельможнаго пана гетмана, которое, какимъ-то непонятнымъ для меня образомъ, оказалось въ моихъ вещахъ вмѣстѣ съ другими документами.

Я просмотрѣлъ бумажку, потомъ взглянулъ на окно, сверкавшее огнями оживленныхъ улицъ, откуда доносился гулъ, звонки трамвая, кипѣло безпокойное движеніе и жизнь, и неожиданно для самого себя, залился вызывающимъ, наглымъ смѣхомъ...

17

«ОСОБЫЙ КОРПУСЪ»

Сверкалъ и кипѣлъ ночными огнями Крещатикъ.

Двадцать четыре казака — шесть впереди и шесть сзади, и по шести съ обѣихъ сторонъ, въ лохматыхъ гайдамацкихъ папахахъ съ красными шлыками, въ овчинныхъ тулупахъ, при шашкахъ, патронныхъ сумкахъ, съ заряженными винтовками, мѣрно шагали по серединѣ проспекта.

А между ними, съ маленькимъ чемоданомъ въ рукѣ, въ сѣрой бекешѣ изъ обыкновеннаго солдатскаго сукна, съ енотовымъ воротникомъ, шагалъ по рыхлому снѣгу блѣдный и худой человѣкъ, съ недоумѣвающимъ взглядомъ, съ жалкой, растерянною улыбкой, созерцающій, можетъ быть, въ послѣдній разъ блескъ шумныхъ кіевскихъ улицъ и кроткія звѣзды, мигающія съ чернаго купола неба.

Но кто изъ толпы обратилъ какое нибудь вниманіе на подобное зрѣлище?..

Кто не видѣлъ каждый день, каждый часъ вооруженныхъ людей?..

Кого могъ интересовать преступникъ, оберегаемый вполнѣ надежнымъ конвоемъ?..

Жизнь сверкала, кипѣла и растекалась тысячами маленькихъ ручейковъ, занятыхъ своимъ маленькимъ дѣломъ и устремленіемъ, а преступникъ, чуждый всѣмъ и отверженный, былъ предоставленъ самому себѣ и закону. Вдобавокъ, онъ не заслуживалъ никакого участія и, по мѣрѣ своей вины, понесетъ должную кару.

Ибо суровъ военный законъ, но справедливъ.

Однако, подобныя размышленія не заслонили въ сознаніи мимолетныхъ уличныхъ впечатлѣній, и при взглядѣ на освѣщенныя витрины магазиновъ, на зазывающіе огни кино, паштетныхъ и гастрономическихъ лавокъ, на суетящуюся, фланирующую, бѣгущую по панелямъ толпу, въ душѣ, съ необыкновенною силой, снова проснулось какое-то особое настроеніе, жгучее желаніе принять участіе въ этомъ движеніи, слиться съ этимъ буйнымъ потокомъ, мчащемуся навстрѣчу радостямъ жизни и наслажденіямъ.

Я даже ощутилъ нѣкоторый комизмъ того пикантнаго положенія, въ которомъ, смѣю увѣрить, никогда раньше не находился. Мнѣ

даже доставило чувство извѣстнаго удовлетворенія то обстоятельство, что не одинъ человѣкъ и не два, а цѣлый вооруженный отрядъ сопровождаетъ меня въ этомъ шествіи по стогнамъ украинской столицы.

Однако, шествіе это заняло, къ сожалѣнію, промежутокъ времени не болѣе получаса, послѣ чего я очутился на Пушкинской улицѣ, въ казематѣ такъ называемаго «Особаго Корпуса».

Процедура сдачи и пріема, въ свою очередь, протекла очень быстро.

Преступника занесли въ списокъ, проконтролировали еще разъ содержимое его чемодана, и по крутымъ ступенямъ повели наверхъ.

Пройдя черезъ караульное помѣщеніе, въ которомъ полтора десятка полупьяныхъ казаковъ рѣзались въ карты и играли въ самодѣльныя шашки, изъ хлѣбнаго мякиша, я очутился въ комнатѣ для арестованныхъ. Ихъ было не менѣе двадцати человѣкъ, различнаго возраста, исключительно русскихъ и гетманскихъ офицеровъ, принимавшихъ участіе въ оборонѣ Кіева.

Мое появленіе не осталось незамѣченнымъ. Кое-кто всталъ, другіе приподнялись и вытянули головы, а лежавшій на нарахъ, подъ потолкомъ, худой, изможденный, обросшій бородой офицеръ, въ капитанскихъ погонахъ, даже привѣтствовалъ мое появленіе фразой, звучавшей не слишкомъ успокоительно:

„Оставь надежду навсегда всякъ сюда идущій.“

Толстый сторожъ, въ ватной тѣлогрѣйкѣ, типичный хохолъ съ сѣдыми, свисающими книзу усами, съ сизымъ, лоснящимся носомъ, звякая связкой ключей, обшарилъ карманы и, извлекая пачку газетной бумаги, за которой былъ предусмотрительно скрытъ серебряный портсигаръ и золотой перстень, вопрошалъ сиплымъ отъ хроническаго катарра, махорки и перепоя голосомъ:

— Що се таке?..

Такимъ образомъ, я былъ лишенъ перочиннаго ножа и пары цѣнныхъ англійскихъ бритвъ—арестованнымъ оружія не полагается. Къ моему удовлетворенію, контроль пьянаго сторожа былъ довольно поверхностный, и не былъ даже изслѣдованъ задній карманъ брюкъ, въ которомъ лежалъ шестизарядный Смитъ-Вессонъ.

Къ моимъ услугамъ были предоставлены узкія голыя деревянныя нары, на которыхъ я и провелъ, почти исключительно въ горизонтальномъ положеніи, всѣ восемь сутокъ моего новаго тюремнаго стажа...

Чувство справедливости обязываетъ отмѣтить, что обстановка и условія заключенія въ «Особомъ Корпусѣ», существеннымъ образомъ отличались отъ тѣхъ, которыя еще такъ недавно, я испыталъ на маленькой, забытой

людьми и Богомъ, желѣзнодорожной станціи, въ двухъ перегонахъ отъ Одессы.

Во первыхъ, въ отношеніи общества, всѣ преимущества были, конечно, здѣсь. Пища доставлялась изъ сосѣдной паштетной, за собственный счетъ. У кого не было средствъ, тѣмъ приходили на помощь другіе. Разрѣшалось читать и пріобрѣтать правительственныя газеты. Наконецъ, въ извѣстные дни, къ арестованнымъ допускались близкіе родственники, и каждый день заходила, между прочимъ, пожилая сестра милосердія, изъ шведской общины Краснаго Креста, исполнявшая обязанности добровольнаго почтальона.

Ежедневно, передъ обѣдомъ, арестованныхъ навѣщалъ комендантъ, сотникъ Петровскій, личность отличавшаяся сравнительной мягкостью обращенія и порой, видимо, даже смущавшаяся своею ролью.

Нѣтъ, положительно я не могу быть въ претензіи на эти восемь сутокъ, проведенныхъ за рѣшоткой «Особаго Корпуса», въ особенности если принять во вниманіе степень моего преступленія!..

Мучила лишь неизвѣстность. Крайне тревожили и волновали слухи о предстоящемъ отъѣздѣ Директоріи, о приближеніи къ Кіеву совѣтскихъ войскъ, передъ напоромъ которыхъ, безъ всякаго сопротивленія, отступаютъ революціонные украинскіе отряды.

Мысль попасть въ руки большевиковъ наполняла сознаніе ужасомъ.

Ахъ, какъ клялъ я въ эти минуты свою опрометчивость и неосторожность, заставившія меня испытать кошмары выгодскаго застѣнка, приведшія меня вмѣсто бульваровъ Одессы къ рѣшеткѣ «Особаго Корпуса» и, можетъ быть, въ ближайшемъ будущемъ, передающія въ лапы моихъ лютыхъ враговъ!..

Тѣ же чувства наполняли остальныхъ арестованныхъ.

Единственный человѣкъ, пѣхотный капитанъ Кущъ, тотъ самый, который привѣтствовалъ мое появленіе дантовской фразой, сохранялъ видимое спокойствіе. Онъ находился въ заключеніи уже болѣе мѣсяца, свыкся съ своею долей, благодаря крайне общительному характеру пользовался общей симпатіей. По причинѣ же абсолютнаго безденежья, существовалъ въ складчину, за счетъ заключенныхъ. Цѣлыми днями, лежа на своихъ нарахъ, подъ потолкомъ, капитанъ дымилъ трубкой, развлекалъ общество шутками или же распѣвалъ военные и патріотическіе стишки:

„Гей ты, Русь моя,
Русь любимая,
Русь Единая,
Не-дѣ-ли-мая!..“

Такъ протекли четыре дня, пока не произошло обстоятельство, существеннымъ образомъ измѣнившее обстановку.

На пятый день, къ вечеру, въ камеру вошелъ комендантъ, съ листомъ бумаги въ рукѣ. Лицо его выражало особенное смущеніе. Его

появленіе, въ неурочный часъ, произвело впечатлѣніе. Арестованные приподнялись на нарахъ, другіе кинулись къ сотнику съ вопросительными словами. Комендантъ остановился посреди комнаты, прочелъ по списку фамиліи заключенныхъ, выдержалъ паузу. На одно мгновенье, но только на одно лишь мгновенье, мелькнула мысль о свободѣ, ибо комендантъ развелъ тотчасъ руками и, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, произнесъ:

— Въ Лукьяновскую тюрьму!

Настроеніе сразу упало. Офицеры стали молча собирать вещи. И что было особенно поразительнымъ, никто не выразилъ ни малѣйшаго протеста, ни возмущенія, совершенно пассивно подчиняясь новому требованію.

Впрочемъ, не то ли самое испыталъ когда-то и я, послѣ шестидневнаго пребыванія въ застѣнкѣ маленькой станціи?.. Воля притуплена... Сила сопротивленія доведена до нуля...

И вотъ, одинъ за другимъ, мои компаньоны покидаютъ камеру. Капитанъ Кущъ, удовлетворенный, безъ сомнѣнія, перемѣною обстановки, спрыгнувъ съ наръ, начинаетъ комично разминать ноги, занимается присѣданіемъ подъ собственную команду, очередной шуткой ободряетъ друзей, а въ заключеніе, размахивая руками, выводитъ демонстративно слова стараго гимна:

„Боже, Царя храни,
Си-льный
Дер-жа-вный!..“

Одинъ за другимъ, съ вещами въ рукахъ, заключенные покидаютъ общую камеру. А я продолжаю лежать на нарахъ, закинувъ руки за голову, съ папиросой въ зубахъ, въ какомъ-то необъяснимомъ и до сихъ поръ непонятномъ для меня настроеніи, не отдавая себѣ отчета въ своемъ планѣ дѣйствій, продиктованномъ, безъ сомнѣнія, нервнымъ капризомъ.

И на вопросъ коменданта, медленно, сквозь зубы, цѣжу:

— Въ Лукьяновскую тюрьму я не пойду!

Комендантъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня. Въ его распоряженіи находится вооруженная стража, полтора десятка рослыхъ козаковъ, которые, въ одно мгновенье, могутъ меня стащить съ наръ, при малѣйшемъ сопротивленіи связать или избить, заставить такъ или иначе подчиниться приказу.

Но комендантъ къ стражѣ почему-то не обращается, а произноситъ тихимъ, загадочнымъ голосомъ:

— Панъ отаманъ, какъ вамъ будетъ угодно!

Я провелъ, въ одиночествѣ, безпокойную ночь.

Пьяная стража, находившаяся тутъ же, въ сосѣдней комнатѣ, могла, при желаніи, зарѣзать меня, какъ курчонка. Никто не пришелъ бы на помощь. Никто бы не былъ свидѣтелемъ убійства Этотъ страхъ одиночества охва-

тилъ меня съ такой силой, что я искренно сталъ сожалѣть о своемъ глупомъ капризѣ, который, безъ сомнѣнія, не пройдетъ для меня безнаказанно.

Однако, ночь протекла совершенно благополучно.

А на другой день, въ мою камеру, ввели двухъ новыхъ людей.

Одинъ изъ нихъ былъ молодой князь Голицынъ, какъ оказалось, бывшій лицеистъ, арестованный, въ сущности, по ошибкѣ. Политическій розыскъ искалъ его дядю, стараго князя Голицына, предсѣдателя извѣстнаго «Протофиса».

Другимъ—былъ бухгалтеръ Новаго банка, Семенъ Абрамовичъ Бѣленькій, арестованный за выдачу женѣ бывшаго городского головы, Ольгѣ Дьяковой, ордера на полученіе сорока тысячъ карбованцевъ, собранныхъ городомъ, въ пользу защитниковъ Кіева.

Такимъ образомъ, я очутился въ новомъ обществѣ, раздѣлившемъ мое одиночество самымъ трогательнымъ для меня образомъ. Къ бухгалтеру приходила жена, къ молодому князю приходила невѣста. Обѣ женщины являлись не только съ ласками, не только со словами утѣшенія и надежды, но каждый разъ приносили узелки, съ съѣстными припасами домашняго изготовленія.

Первыя сутки, князь и бухгалтеръ находились хотя и въ нѣсколько повышенномъ, но спокойномъ и достаточно бодромъ настроеніи,

ожидая, съ минуты на минуту, освобожденія. Но часы протекали безплодно. На другой день наступила реакція и мои новые компаньоны, упавъ духомъ, стали совершенно неузнаваемы. Я прилагалъ всѣ усилія ихъ успокоить, но это не помогало.

О, въ этомъ отношеніи я имѣлъ передъ ними огромное преимущество! Продолжительный, двухнедѣльный опытъ, выковалъ какую-то непроницаемую броню, которая не поддается уже скорбному психологическому воздѣйствію и пріучаетъ переносить лишенія съ удивительной стойкостью...

На восьмыя сутки, произошло, наконецъ, событіе, положившее, самымъ неожиданнымъ образомъ, предѣлъ всему.

Зданіе «Особаго Корпуса», по какимъ-то соображеніямъ, подлежало быть освобожденнымъ отъ преступнаго элемента и заключенные переводились въ гостинницу «Франція».

Но на этотъ разъ тюремныя власти допустили непозволительную небрежность. Можетъ быть, это произошло по недостатку и малочисленности тюремнаго персонала? Можетъ быть, проистекало изъ переоцѣнки духовнаго облика заключенныхъ? Можетъ быть, наконецъ, изъ того соображенія, что размѣръ преступленія не соотвѣтствовалъ расходу той живой силы, которая, согласно устава, должна сопровождать преступниковъ при переходѣ изъ одного мѣста заключенія въ другое?

Какъ бы то ни было, на этотъ разъ, не двадцать четыре козака, при всеоружіи, и даже не четыре, и даже не два, а только старый сторожъ, Тарасъ Даниловичъ, съ связкой ключей въ одномъ карманѣ и съ полубутылкой «горілки» въ другомъ, сопровождалъ трехъ арестантовъ, на пути слѣдованія отъ Пушкинской улицы до Крещатика...

И вотъ, я снова дышу морознымъ, бодрящимъ воздухомъ Кіева, и съ жадностью наблюдаю безпокойную жизнь улицъ, панелей и мостовыхъ, мятущееся движеніе, стремительные шаги пѣшеходовъ, улыбки женщинъ, звонки трамвая, ржаніе лошадей, ревъ проносящихся казенныхъ Бенцовъ, Фіатовъ и Мерседесъ, доставшихся по наслѣдству отъ всѣхъ фронтовъ, отъ всѣхъ предшествовавшихъ властей.

И снова, какъ волкъ, почуявшій призракъ свободы, узрѣвшій опушку родного лѣса и уходящую въ даль синеватую мглу, я подымаю голову и глубоко вздыхаю расширенной грудью...

На поворотѣ, дѣлаю остановку. Тарасъ Даниловичъ легонько подталкиваетъ кулакомъ въ спину. Останавливаться, дескать, арестованнымъ не полагается. Тогда я обращаюсь къ сторожу съ коварною фразой:

— Можетъ быть, Тарасъ Даниловичъ дастъ мнѣ понести чемоданчикъ?

Но Тарасъ Даниловичъ Пывень не такъ наивенъ, какъ кажется... Что бы отдать арестанту чемоданъ изъ прекраснаго варшавскаго дерматоида?.. Чтобы выпустить изъ рукъ этотъ драгоцѣнный залогъ?.. Хо-хо-хо-хо!.. Дурней нема на світі!..

И Тарасъ Даниловичъ ухмыляется лукавой улыбкой и снова торопитъ толчкомъ.

Я наклоняюсь и развязываю шнурокъ на ботинкѣ:

— Почекайте, Тарасъ Даниловичъ!

Потомъ, снова плотно завязываю шнурокъ. Сторожъ стоитъ надо мной, ругается и торопитъ:

— Та идить же, небòго! Швыдче!.. Чи мнѣ васъ пильновать?

Между тѣмъ, князь и бухгалтеръ Новаго банка уже далеко впереди. Тарасъ Даниловичъ кидается за ними въ догонку, на полпути останавливается, кричитъ и угрожающе стискиваетъ по моему адресу кулакъ.

Положеніе его становится явно трагическимъ. Два преступника впереди, одинъ сзади, а между ними стоитъ съ вещами старый сторожъ, въ колебаніи, въ нерѣшимости, въ какую сторону кинуться, чтобы добыча не ускользнула изъ рукъ.

Соблазнъ меня искушаетъ. Онъ чрезвычайно великъ и противостоять ему я не въ состояніи:

— До свиданья, Тарасъ Даниловичъ!.. Видитъ Богъ, я не желаю вамъ ничего дурного и

даже жертвую чемоданъ въ вашу пользу!.. Но не для того затрачены мною усилія, чтобы, при вашемъ содѣйствіи, попасть снова въ красныя лапы!.. Прощайте, мой другъ!

Я быстро приподымаюсь и дѣлаю маленькое движеніе въ сторону, совсѣмъ маленькое и незамѣтное движеніе... Черезъ мгновенье, какъ гвоздь, теряюсь въ толпѣ.

Я на свободѣ!..

А въ это время, объятый тревогой, паникой и растерянностью, Кіевъ переживалъ послѣдніе дни. Съ лихорадочною поспѣшностью происходила эвакуація правительственныхъ учрежденій, Директорія сидѣла въ поѣздѣ, а въ переходѣ отъ столицы колыхались красныя знамена...

18

ВЪ ДОРОГѢ

Лютъ январьскій морозъ...

Тревоженъ кіевскій воздухъ...

Уже не оставалось сомнѣній въ томъ, что вступленіе совѣтскихъ войскъ въ украинскую столицу является вопросомъ самаго близкаго времени — сутокъ, дня, можетъ быть, всего нѣсколькихъ часовъ.

Директорія отбыла въ Винницу и оттуда, съ растерянностью нашкодившихъ школьниковъ, взываетъ за помощью къ Антантѣ. Правительственныя учрежденія мечутся въ эвакуаціонной горячкѣ, грузятъ государственное «майно» на поѣзда, мчатся на австрійскую границу. Войска, безъ сопротивленія, отходятъ подъ напоромъ большевиковъ, сдаются въ плѣнъ, переходятъ цѣлыми частями къ противнику...

На улицахъ кіевскихъ творится нѣчто неописуемое.

Повозки и сани, груженыя различною кладью, забили весь Кіевъ. Отъ нижняго города, отъ Подола, до верхняго Печорска, отъ Владимірской Горки до Маріинско-Благовѣщенской и Бибиковскаго бульвара — не проѣхать, не протолкаться. Все скачетъ, несется по одному направленію, въ сторону желѣзнодорожнаго вокзала.

Паштетныя и кафэ, Семадени и Франсуа, Паяръ, Прага, Континенталь и даже Максимъ, что на Николаевской улицѣ — все сникло, безмолвствуетъ. Съ грохотомъ опускаются желѣзныя ставни магазиновъ Крещатика. Атмосфера сгущается до предѣла. Все замираетъ въ трепетѣ, въ страхѣ.

Промедленіе времени — смерти подобно!..

Мое положеніе осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что вмѣстѣ съ вещами погибли послѣднія сбереженія. Въ кошелькѣ какая-то мелочь. Знакомыхъ, друзей, къ сожалѣнію, никого нѣтъ. Всѣ разлетѣлись въ различныя стороны...

И я — одинокій бѣглецъ, предоставленный собственной участи, имѣющій всѣ шансы снова попасть подъ замокъ петлюровской шайки или, что значительно горше, въ объятья неуклонно ползущаго краснаго спрута.

Единственный старый другъ, прапорщикъ кавалеріи, Александръ Александровичъ Бе-

ренсъ, пріютившій меня, на свой страхъ, въ подвалѣ, на Липкахъ, рядомъ съ главнымъ петлюровскимъ штабомъ—въ этомъ отношеніи я поступилъ, какъ опытный преступникъ-рецидивистъ — не въ состояніи оказать мнѣ матеріальную помощь.

И вотъ, при этихъ условіяхъ, ничего больше не оставалось, какъ отважиться на безумное предпріятіе, на которое, при другой обстановкѣ, я ни въ какомъ бы случаѣ не рѣшился.

Какъ затравленный звѣрь, я дерзаю теперь на все. Колебанія, смущенія, страхъ — все это отбрасываю я небольшимъ усиліемъ воли, доведенный почти до отчаянія, сосредоточенный на единственной мысли о побѣгѣ изъ Кіева и сохраненіи завоеванной свободы...

Дѣло въ томъ, что въ связи съ гетманской мобилизаціей и послѣдними распоряженіями правительства по оборонѣ столицы отъ петлюровскихъ бандъ, имѣвшими мѣсто полтора мѣсяца тому назадъ, мнѣ, какъ члену Техническаго Комитета, «тимчасово прилученнаго» въ походной гетманской канцеляріи, причиталось, въ видѣ единовременнаго пособія на мобилизацію, пять тысячъ карбованцевъ.

Я не успѣлъ ихъ своевременно получить.

Событія развернулись съ такой ошеломляющей быстротой, смѣна власти произошла такъ внезапно, что исключала всякую возможность зайти, какъ обычно, къ кассиру и, росписавшись въ денежной вѣдомости, принять

отъ него пачку свѣженькихъ, пахнущихъ литографскою краской, украинскихъ ассигнацій. Съ крушеніемъ гетмана, эти деньги можно было считать утерянными безвозвратно и навсегда.

Но сейчасъ, какъ это ни рискованно, я принужденъ сдѣлать попытку получить недополученное, въ разсчетѣ на растерянность и паническое настроеніе властей, а главное — роковымъ образомъ поставленный передъ лицомъ этой необходимости. Эта сумма компенсируетъ мою потерю и дастъ возможность, такъ или иначе, выбраться на свободу...

Судьба мнѣ благопріятствуетъ.

И когда, точно воръ, осторожными, неувѣренными шагами, стараясь быть незамѣченнымъ, я зашелъ въ знакомое мнѣ учрежденіе, среди невообразимаго хаоса, связаннаго съ поспѣшною эвакуаціей, я тотчасъ наткнулся на стараго казначея.

Это былъ порядочный человѣкъ, сохранившій совѣсть при всѣхъ режимахъ.

Онъ тотчасъ меня призналъ, нашелъ, что я похудѣлъ, искренно изумился моему пребыванію въ Кіевѣ, выслушалъ объясненіе, улыбнулся и подтвердилъ:

— Якъ же, якъ же, вамъ причитается пять тысячъ карбованцевъ за мобилизацію!.. Это уже проведено по журналу!.. Панъ отаманъ буде ласковъ трошки почекать!

Съ этими словами, старый чиновникъ выразительно приложилъ палецъ къ верхней

губѣ, повернулся и направился въ свой кабинетъ. Черезъ пять минутъ, вручилъ мнѣ украдкой толстую пачку, аккуратно перевязанную шнуркомъ. Одновременно, предложилъ расписаться на клочкѣ бумажки, въ видѣ оправдательнаго документа.

Много разнообразныхъ чувствъ всколыхнулось въ моей груди.

Приливъ необычайной бодрости наполнилъ сознаніе.

О, если есть честные люди на грѣшной землѣ, достойный кіевскій казначей долженъ занять мѣсто въ первомъ, самомъ парадномъ ряду!..

Промедленіе времени—смерти подобно!

Въ моемъ распоряженіи остается нѣсколько часовъ. Безъ колебаній, увлеченный общимъ потокомъ, съ узелкомъ въ рукѣ, мчусь на вокзалъ На Бибиковскомъ бульварѣ, извощикъ неожиданно оборачивается и, указывая кнутовищемъ на четвертый этажъ большого сѣраго дома, говоритъ:

— О це Богровъ жилъ!.. Це іого дяденьки домъ!

Но въ настоящую минуту, эта тема не привлекаетъ моего вниманія. Хотя въ безучастномъ тонѣ возницы не чувствуется особой симпатіи къ убійцѣ Столыпина, но всякій посторонній разговоръ меня раздражаетъ. Мои

мысли заняты рѣшеніемъ сложной личной проблемы...

На вокзалѣ, въ буквальномъ смыслѣ, вавилонское столпотвореніе. У безконечныхъ составовъ сгрудились караваны саней, телѣгъ, казенныхъ грузовиковъ. Кругомъ толпы взволнованнаго и взбудораженнаго люда, въ овчинахъ, въ солдатскихъ шиняляхъ, въ ватныхъ тулупахъ окопнаго образца, въ цвѣтныхъ женскихъ кофтахъ и плахтахъ. Въ морозномъ воздухѣ виситъ площадная брань, крики, тяжеловѣсная козацкая ругань.

— Что предпринять?.. Какъ вырваться изъ этого безумнаго дома?.. На паровозѣ, на крышѣ или на буферахъ?

Частные составы уже давно отошли и поѣздовъ больше не будетъ. Всѣ оставшіеся вагоны заняты правительственными учрежденіями и у каждыхъ дверей стоитъ вооруженная стража.

Въ тревожныхъ размышленіяхъ, шатаюсь по перрону, брожу по станціоннымъ задамъ, по желѣзнодорожнымъ путямъ, мимо груженыхъ поѣздовъ, выискивая хотя бы малѣйшую щель, пока не замѣчаю взвода конныхъ козаковъ, сопровождающихъ какой-то длинный обозъ. Это оказывается — «экспедиція заготовленія государственныхъ паперовъ», эвакуируемая въ Винницу.

Въ головѣ проносится блестящая мысль.

И я дерзаю вторично...

Сначала, осторожно выпытываю, что мнѣ

необходимо. Затѣмъ, сь большими усиліями, разыскиваю главнаго распорядителя, «Голову Рады», добродія Яблонскаго и тономъ, не внушающимъ никакихъ сомнѣній, заявляю, что экстренно командированъ, по распоряженію правительства, съ секретнымъ порученіемъ въ Жмеринку, для ликвидаціи «огнескладовъ».

«Голова Рады»—простой, сердечный, довѣрчивый человѣкъ. Онъ тотчасъ соглашается со мной, что экстренная командировка требуетъ содѣйствія, предупредительно указываетъ номеръ санитарнаго вагона и предлагаетъ не задерживаться на вокзалѣ, такъ какъ, по окончаніи погрузки, эшелонъ немедленно отойдетъ.

— Дай Боже!.. На два мильярда полуфабрикатовъ! — многозначительно докладываетъ господинъ Яблонскій и подымаетъ кверху указательный палецъ:

— Ось якъ!.. Это вамъ, батенька, не фунтъ изюму!

Добродій оглушительно хохочетъ и, сдѣлавъ ручкой, исчезаетъ въ толпѣ...

Какъ, въ сущности, все это просто и легко!.. Лишь было бы желаніе, настойчивость и нѣкоторое упорство!.. О, всего этого не занимать стать!.. Судьба мнѣ положительно благопріятствуетъ!..

Далекій отъ мысли задерживаться на вокзалѣ хотя бы лишнюю минуту, немедленно разыскиваю вагонъ, вхожу и занимаю мѣсто на

длинныхъ нарахъ, покрытыхъ соломенными тюфяками.

Вагонъ набитъ биткомъ.

Администрація, художники, граверы, контролеры, съ семьями, съ пожитками, со всякимъ хозяйственнымъ скарбомъ. Повсюду щирая украинская рѣчь. Въ вагонѣ холодно, клубами валитъ паръ, морозъ щиплетъ носъ, забирается за воротникъ.

— Бррръ!..

Погрузка давно закончена, но эшелонъ стоитъ. Разносится слухъ, что рабочіе не выпускаютъ экспедицію изъ Кіева. Приходится вступать въ переговоры.

Спускается вечеръ.

Въ вагонъ заходитъ группа незнакомыхъ лицъ и таинственнымъ шопотомъ сообщаетъ, что въ пути не исключена возможность нападенія на поѣздъ. Необходимо распространить слухъ, что ѣдетъ не экспедиція, а воинская часть. Для этой цѣли на платформѣ уже поставлено орудіе.

Настроеніе понижается.

Эшелонъ продолжаетъ стоять по прежнему. По свѣдѣніямъ, на этотъ разъ, желѣзнодорожники не выпускаютъ экспедицію. Приходится снова вступать въ переговоры.

И только на разсвѣтѣ, когда забрезжила заря и первые лучи скользнули по вагонамъ, эшелонъ медленно поползъ на западъ.

Всѣ съ облегченіемъ вздыхаютъ.

Вытаскиваются свертки съ хлѣбомъ, съ малороссійскимъ саломъ, съ копченой колбасой. Въ одномъ углу звенитъ стеклянная посуда съ «горілкой», въ другомъ — почтенная компанія рѣжется въ «девятку». Бренчитъ гитара, звучитъ женскій смѣхъ, разносится ласкающая пѣсня:

„Со-о-лнце ны-зэ-эээ-нько-о,
Ве-э-чуръ блы-зэ-эээ-нько-о..."

Я коротаю время въ бесѣдѣ съ молодымъ граверомъ, закончившимъ образованіе въ коллегіи Павла Галагана. Мой собесѣдникъ, воспитанный, интеллигентный юноша, предполагающій, съ возстановленіемъ порядка, уѣхать заграницу. Онъ начинаетъ мнѣ доказывать преимущества бельгійскихъ университетовъ передъ нѣмецкими, какъ совершенно неожиданное обстоятельство обрываетъ его рѣчь на полусловѣ.

Гремитъ ружейный выстрѣлъ:

— Бумсъ!

Внезапный четкій выстрѣлъ, напоминающій скорѣе трескъ петарды или даже взрывъ артиллерійскаго снаряда... И эшелонъ, визжа заржавленными тормазами, вздыхая скрѣпами и сцѣпленіями, остановился.

Всѣ повскакали съ мѣстъ.

Одни хватаются за вещи. Другіе глядятъ испуганными, широко раскрытыми глазами.

Слышенъ плачъ. Кое-кто пытается залѣзть подъ нары. Высокій, сухощавый сотникъ, схвативъ винтовку и, накидавъ въ карманы свитки нѣсколько обоймъ, выскакиваетъ вонъ...

— Ужъ не Махно-ли?.. Вотъ кого недоставало!

Я ничего не понимаю. Но въ глубинѣ души досадую на то, что связался съ экспедиціей:

— Какая непростительная глупость!.. Какъ не понять, что два мильярда всетаки приманка для бандитовъ!.. Вотъ, не угодно, выкручивайся теперь изъ этой веселенькой исторіи?.. А пушка?.. Хотѣлъ бы видѣть смѣльчака, который пожелалъ бы изъ нее пальнуть!.. Проклятіе!..

Къ счастью, тревога моя неосновательна.

Все разъяснилось очень скоро.

Всего лишь — лопнула букса...

Раздался дружный хохотъ. Всѣ быстро успокоились. Снова забренчала гитара и снова полилась задумчивая пѣсня:

„Со-о-лнце ны-зэ-эээ-нько-о,
Ве-э-чуръ блы-зэ-эээ-нько-о,
Вый-ды до мэ-эээ-нэ-э,
Мо-е сердень-ко...“

Красивый теноръ выводитъ нѣжныя слова... Подхватываетъ баритонъ... Густою бархатной октавою рокочетъ басъ... Томно вздыхаютъ струны... И цѣлый рой воспоминаній проносится въ душѣ...

Вновь наступаетъ день и снова опускается вечеръ. Одна за другой бѣгутъ сажени и версты. И наконецъ, глубокой ночью, достопочтенная «экспедиція заготовленія государственныхъ паперовъ», со всѣмъ личнымъ составомъ и многомильоннымъ полуфабрикатомъ, благополучно прибываетъ къ мѣсту назначенія...

Я въ Винницѣ...

Мнѣ предстояло задержаться здѣсь на двое или трое сутокъ.

Я сознательно хотѣлъ провести въ этомъ провинціальномъ городкѣ нѣсколько дней, отдохнуть и привести себя въ порядокъ, набраться свѣжихъ силъ, произвести необходимую развѣдку, оглядѣться и, взвѣсивъ всѣ шансы, продолжать дальнѣйшій путь.

О, теперь я стрѣляный воробей!.. Довольдо!.. Дудки-съ!.. Вѣдь до сихъ поръ я дѣйствовалъ такъ опрометчиво и неосторожно, что право не было бы даже особенно обиднымъ увидѣть раньше времени своихъ далекихъ прародителей... Я разсчитаю теперь все, не забуду самую ничтожную мелочь, до основанія прощупаю всѣ выходы и входы и буду бить навѣрняка... Довольно!.. Рисковать я больше не намѣренъ!

Но когда я вылѣзъ изъ вагона и очутился въ залитомъ огнями залѣ, когда я увидѣлъ снова взволнованную толпу, сидящую въ то-

мительномъ ожиданіи на чемоданахъ, корзинахъ и дорожныхъ сундукахъ, когда я окунулся въ эту атмосферу и нарисовалъ въ воображеніи картину, переносящую меня, всего лишь въ сутки, къ желаннымъ черноморскимъ берегамъ, я началъ колебаться:

— Ѣдутъ же другіе?.. Спокойно сядутъ, проведутъ въ вагонѣ ночь и завтра уже будутъ въ Одессѣ... Не понимаю, почему это для меня запрещено?

И я толкаюсь по вокзалу и прислушиваюсь къ мучительной борьбѣ разсудка съ сердцемъ:

— Ѣхать?.. Не ѣхать?.. Ѣхать?.. Не ѣхать?..

Но вотъ, неожиданно вижу передъ собой плечистую фигуру бывшаго елисаветградскаго гусара, полковника Нереновскаго. Онъ, въ свою очередь, пристально вглядывается въ меня черезъ стекла пенснэ, широкое одутловатое лицо расползается въ улыбку:

— Га-га-га! - грохочетъ полковникъ своимъ густымъ армейскимъ басомъ. — Кого я вижу?.. Какими судьбами?.. Ну, и комиссія?.. Сколько лѣтъ, сколько зимъ?

Обрадовавшись, какъ родному—въ самомъ дѣлѣ, сколько незабвенныхъ воспоминаній, сколько одного вина выпито за круговою чашей, въ Ольгиномъ Штабѣ?—полковникъ трясетъ мою руку, щекочетъ жесткими усами и

въ нѣсколькихъ словахъ передаетъ свою трагикомическую повѣсть.

Еще совсѣмъ недавно, онъ метался по всѣмъ угламъ Совдепіи, проскользнулъ подобно мнѣ на Украину и подобно мнѣ же обрѣлъ сомнительно-надежную пристань въ Кіевѣ. Сейчасъ онъ прибылъ изъ Екатеринослава, въ которомъ бандитъ Махно устроилъ настоящую варфоломеевскую недѣлю.

Полковникъ провелъ въ Винницѣ четыре дня и этой ночью направляется въ Одессу. Какъ говорятъ, это послѣдній поѣздъ. По случаю занятія Одессы добровольцами, нормальное сообщеніе прекращается.

Полковникъ нервно дымитъ крученкой и бросаетъ:

— Довольно маяться!.. Силъ моихъ больше нѣтъ!.. Въ Одессу—и никакихъ гвоздей!..

Его слова, проникнутыя безповоротною рѣшимостью, склоняютъ и меня послѣдовать тому же примѣру. Тѣмъ болѣе, что въ Винницѣ, съ пріѣздомъ Директоріи, политическаго отдѣла и охранки, становится весьма тревожно.

„Въ вагонахъ Директорія,
А снизу — територія...“

Полковникъ знакомитъ меня съ сестрою милосердія, прехорошенькой брюнеткой, съ черными, какъ вишни глазенками, въ кожаномъ, подбитомъ бѣличьимъ мѣхомъ, плащѣ.

И я дерзаю въ третій разъ:

— Ѣду!..

Забывъ безсонную ночь и утомленіе, проводимъ время въ разговорахъ, смѣемся, пьемъ безконечный чай и вскакиваемъ въ тотъ моментъ, когда уже доносится шумъ прибывающаго поѣзда и публика кидается къ выходу.

Тогда, намѣтивъ въ толпѣ слоняющихся по вокзалу козаковъ, ражаго дѣтину, съ винтовкой за плечами и цѣлымъ складомъ прочаго оружія, я подхожу къ нему, вынимаю кошелекъ и говорю нѣсколько вѣсскихъ словъ. Послѣ чего, держа въ одной рукѣ узелокъ, другой хватаюсь за широкій поясъ гайдамака и, какъ челнокъ, влекомый на буксирѣ броненосца, пронизываю человѣческія волны. За мной, въ кильватерной колоннѣ, слѣдуютъ мои друзья.

Съ необычайными усиліями, при помощи могучихъ плечъ колоновожатаго, намъ удается протиснуться въ вагонъ. Скамейки, уборныя, проходы — все загромождено людьми и багажомъ. Какая-то огромная коробка отъ сардинъ, чудовищный пирогъ, съ начинкою изъ человѣческаго мяса.

Температура, запахъ —сногсшибательный. Кругомъ невѣроятная грязь, отъ духоты кружится голова, спираетъ духъ и, въ общемъ, очень трогательная обстановка для сыпняка и оспы.

Рядомъ со мною, поджавъ ноги и изогнувшихся въ неестественныхъ положеніяхъ, кряхтитъ и стонетъ компанія евреевъ — ничтожныхъ, мелкихъ, незначительныхъ плутовъ. На

чемоданѣ сидитъ сестра, Вѣра Генриховна, за нею держится полковникъ. Направо, на скамьѣ — прыщавый гимназистъ, чиновникъ съ испитымъ лицомъ, два молодыхъ украинца въ національныхъ свиткахъ и широкихъ шароварахъ.

Въ углу, уставившись сухимъ и неподвижнымъ взглядомъ, съ взъерошенною гривой, сѣдой щетиной на щекахъ, лиловымъ носомъ и длинными козацкими усами, полулежитъ на сбившейся овчинѣ какой-то «запоріжецъ», какой-то самостійный чинъ, по меньшей мѣрѣ есаулъ.

Глаза слипаются отъ утомленія.

Подъ однообразный стукъ колесъ, я засыпаю.

Мнѣ снится странный сонъ... Я вижу голубое небо, море, тѣнистыя деревья и цвѣты... Я слышу смѣхъ, свирѣль и тихую задумчивую пѣсню... Вотъ-вотъ изъ апельсинной рощи, придетъ къ ручью прекрасная, таинственная фея...

Румяный лучъ играетъ на полковничьей щекѣ. Вѣра Генриховна улыбается, угощаетъ меня сахаромъ, шеколадомъ. Мы начинаемъ съ ней бесѣдовать, смѣемся, иронизируемъ надъ дремлющими спутниками. Я снова въ бодромъ настроеніи. Мнѣ хочется веселья, звуковъ, пѣсенъ...

Но понемногу всѣ начинаютъ просыпаться, зѣваютъ, кашляютъ, копаются въ вещахъ, завариваютъ чай, бесѣда оживляется и разговоръ, мало по малу, становится общимъ.

Сперва высказываются различныя предположенія... Когда прибудемъ въ Бирзулу?.. Возможно-ли проѣхать безъ пересадки на Заставѣ?.. Гдѣ предстоитъ украинскій контроль и провѣрка документовъ?..

При этихъ словахъ, мнѣ становится не по себѣ.

Затѣмъ, рѣчь переходитъ на политику, сосредотачивается на кіевскихъ переживаніяхъ, на харьковскихъ, полтавскихъ, екатеринославскихъ ужасахъ. Евреи, бѣгая глазами, внимательно прислушиваются къ разговорамъ, бормочатъ на жаргонѣ, жестикулируютъ и выражаютъ неподдѣльное волненіе. Чиновникъ споритъ съ гимназистомъ. Украинскіе хлопцы повѣствуютъ о Петлюрѣ, землѣ и волѣ, о будущемъ Великой Украины.

Суровый есаулъ поводитъ сизымъ носомъ, сопитъ, запаливаетъ трубку и чешетъ отмороженное ухо. Затѣмъ, пускаетъ дымъ, пытливо смотритъ на меня и неожиданно задаетъ вопросъ—откуда я и кто?

— Лікарь! — отвѣчаю я и чувствую приступъ неудержимаго веселья. — Спеціалистъ и фаховецъ по внутреннимъ болѣзнямъ!.. Зъ підъ самихъ Червоныхъ Дубковъ!.. Ма будь слыхали?

Есаулъ сосредоточенно глядитъ на потолокъ и что-то видимо соображаетъ. Затѣмъ,

пыхнувъ два раза трубкой, закутывается дымомъ, его слезящіеся глаза снова вонзаются въ меня и смотрятъ, на этотъ разъ, дружелюбнѣй:

— Червоні Дубкі?.. Здаеться, що слыхавъ!.. То часомъ не таращанскаго повіту?

— Такъ, такъ!—говорю я, коверкаясь отъ внутренняго хохота.—Совершенно вѣрно!.. Таращанскаго повіту!.. Именно!.. Кто не знаетъ Червоны Дубки?.. Это, можно сказать, одна красота!.. Какая запеканка!.. А варенуха!.. Въ цѣломъ Кіевѣ не сыскать!..

Есаулъ задумывается и сопитъ.

Онъ боленъ. Въ кіевскомъ походѣ отморозилъ ухо, а сейчасъ, четвертый день его мутитъ и стрѣляетъ въ боку:

— Трясця его матери!.. Ось такъ и пече!.. Щобъ вінъ сказывся, нехай его бісъ!

Какъ спеціалистъ, я обязанъ дать врачебный совѣтъ:

— Ха!.. Это сущіе пустяки!.. Наука въ этомъ отношеніи... Добродій будетъ ласковъ дать свою правую руку... Такъ!.. Разъ, два, три, четыре!.. Пульсъ совершенно нормаленъ... Ухо необходимо смазать добрымъ смальцемъ!.. А что касается нѣкотораго внутренняго недомоганія, то смѣю увѣрить почтеннаго добродія, лучше горилки средства не найти... Эдакъ, одинъ-другой хорошій шкаликъ передъ сномъ!

Кое-кто улыбается. Вѣрочка не выдерживаетъ и заливается звонкимъ смѣхомъ. Есаулъ недовѣрчиво косится на меня. Но въ эту ми-

нуту въ вагонѣ слышится шумъ и входитъ поѣздной контроль...

Смеркается...

Въ окна ползутъ вечернія тѣни...

Поѣздъ подходитъ къ Бирзулѣ...

Падаетъ ночь...

По мѣрѣ приближенія къ Одессѣ, меня охватываетъ тревога... Что будетъ тамъ, на пропускномъ посту?.. Удастся-ли благополучно проскочить?.. Неужели, снова — арестъ, допросъ, застѣнокъ?..

Незамѣтно извлекаю изъ кармана истрепанную паспортную книжку на имя какого-то грайворонскаго мѣщанина. На всякій случай возобновляю въ памяти родословную, семейное положеніе, особыя примѣты. И засыпаю безпокойнымъ сномъ...

А рано утромъ, заглянувъ въ окно, едва не обомлѣлъ отъ неожиданной картины.

— Выгода!

Я вижу маленькую станцію, знакомыя деревья, водокачку, покрытый инеемъ перронъ, а на перронѣ—въ походной фескѣ, въ рыжей шинели, съ курчавой рыжей бородой, я вижу—настоящаго зуава!..

Черезъ полчаса мы въ Одессѣ.

Полковникъ крѣпко, отъ всего сердца, трясетъ руку:

— Га-га-га-га!.. Вотъ и пріѣхали!.. Одесса!. Ты понимаешь—Одесса-мама!..

Мимо меня, съ улыбками бѣгутъ украинскіе хлопцы, почтительно козыряютъ и кричатъ:

— Счастливо оставаться!

— Всего найкращаго!—отвѣчаю я и заливаюсь радостнымъ смѣхомъ.

Усаживаю сестру.

Извощикъ мчитъ насъ по одесской мостовой...

19

ОДЕССА-МАМА

Сверкаетъ золотое солнце...

Тепломъ и пряною истомой дышетъ воздухъ... И пахнетъ торжествующей весной...

О, наконецъ, я здѣсь!

Содѣйствіемъ побѣдоноснаго Патрона, промчавшись черезъ горнило испытаній, я очутился здѣсь, въ землѣ обѣтованной, въ преддверіи божественнаго рая.

Весна, весна!..

Она идетъ, прекрасная богиня, торжественно, побѣдно, горделиво, и щедро разсыпаетъ на своемъ пути восторги поцѣлуевъ и лучезарныя улыбки... Я вижу это по набухшимъ почкамъ, я слышу это по оживленному чириканью и визгу воробьевъ, я это чувствую по взорамъ женщинъ и біенью собственнаго сердца...

Итакъ, я здѣсь, на свѣтлыхъ, теплыхъ, южныхъ берегахъ...

— Одесса!

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, я посѣтилъ ее впервые.

То было такъ же «раннею весной», и сладострастный ароматъ акацій уже носился волнами по городскимъ бульварамъ, смѣялась шумная одесская толпа, пестрѣли свѣтлыя весеннія одежды.

— Одесса!

Она не измѣнилась.

Все тѣ же длинные и ровные проспекты, обсаженные стройными шеренгами деревьевъ. Все тѣ же каменныя плитки мостовыхъ, звучащія такъ четко подъ ласками подковной стали. Все та же мраморная лѣстница у памятника дюку Ришелье, причудливо спускающаяся къ морю.

Все тотъ же Николаевскій бульваръ, съ своей единственною въ мірѣ панорамой, изящные особняки и вычурныя виллы, Аркадія, Фонтаны, Ланжеронъ, пассажи, магазины, скверы и залитый огнями Робина̀.

Все тотъ же центръ открытой, алчной спекуляціи, торговли женскимъ тѣломъ и халвой, великій городъ бѣдняковъ и подозрительныхъ магнатовъ, пріютъ международныхъ хищниковъ, общероссійскій храмъ аферъ и воровской науки.

Она все та же черноморская Пальмира, съ своимъ живымъ, неуловимымъ, чуткимъ настроеніемъ, съ своими гулами и шумами, съ знакомымъ запахомъ восточной кухни, угля и

цвѣтовъ и, наконецъ, съ своей всегда неугомонной, праздной, легкомысленной толпой...

Ахъ, сколько въ этомъ остраго, лукаваго очарованія!..

Антанта развернула силы.

Одесса, старый портъ, обширный складъ экспорта и импорта, на этотъ разъ становится военной базой, и на ея блестящія панели уже шагнулъ тяжелою ступнею богъ Войны.

Достаточно пройтись по Дерибасовской, чтобы сразу уяснить, какія силы и въ какомъ количествѣ готовитъ грозная Антанта для предстоящаго похода на Москву.

Этотъ вопросъ рѣшенъ въ опредѣленной формѣ. Экспедиціонный корпусъ, подъ командой французскаго генерала д'Ансельма, уже сосредоточился въ Одессѣ и, подъ его прикрытіемъ, произойдетъ развертываніе прочихъ силъ. Союзный флотъ, подъ командой адмирала Амета, занялъ бухту.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что наши вѣрные друзья, французы, задались цѣлью положить конецъ преступному владычеству большевиковъ, освободить страну отъ варварскаго гнета, установить въ ней настоящую свободу, правовой порядокъ и общепризнанную власть.

Какъ спеціалистъ, я заинтересованъ планомъ предстоящихъ дѣйствій. Но это держится въ секретѣ. Пока же, могу только наблюдать первоначальныя приготовленія къ походу и общій видъ союзныхъ контингентовъ...

Смѣясь и балагуря, съ трубками въ зубахъ, идутъ по тротуару черноволосые французскіе солдаты. Они не въ голубомъ, а въ обыкновенномъ рыжемъ «хаки», въ забавныхъ шапкахъ-пирожкахъ, приподнятыхъ съ обоихъ концовъ.

Въ такой же точно формѣ, сопровождаемый трогательно-покорными маленькими вьючными осликами, проходитъ греческій отрядъ.

Вотъ группа офицеровъ—коротконогихъ, жидкихъ, низкорослыхъ, въ французскихъ золоченыхъ кепи, въ вывернутыхъ почему-то мѣхомъ вверхъ лохматыхъ песьихъ шубкахъ. Они въ прекрасномъ настроеніи, смѣются, спорятъ и, съ видомъ знатоковъ, разсматриваютъ проходящихъ женщинъ.

Фланируютъ живые загорѣлые красавцы—итальянскіе матросы, бѣжитъ зуавъ, скалитъ зубы курчавый рослый сенегалецъ. Помахивая тросточкой, въ изящномъ полуштатскомъ френчѣ, проходитъ англійскій лейтенантъ, стоитъ, задумавшись, высокій, худощавый сербъ, въ какомъ-то пестромъ опереточномъ костюмѣ проносится румынскій офицеръ.

Вотъ—польскіе легіонеры, въ конфедераткахъ, въ сиреневыхъ мундирахъ изъ добраго нѣмецкаго сукна.

Вотъ—группа русскихъ добровольцевъ, съ золотыми погонами, съ значками боевыхъ отличій на шинели, съ трехцвѣтной лентой, вшитой угломъ на лѣвомъ рукавѣ. У нѣкоторыхъ офицеровъ погоны изъ траурнаго бархата Корниловскаго и Марковскаго полковъ.

И наконецъ, въ короткихъ морскихъ куртках, въ необозримыхъ панталонахъ, разставивъ несуразно руки, особою морской походкой—перевальцомъ, съ наивными улыбками на гладко выбритыхъ губахъ, смѣясь и перекидываясь шутками на своемъ гнусавомъ деревянномъ языкѣ, бредутъ лихіе моряки владычицы морей...

Жизнь бьетъ ключомъ.

Съ разсвѣта до глубокой ночи, безсмѣнно катится по улицамъ этотъ потокъ, гигантская волна вспѣненной, взбаламученной стихіи.

Мундиры, пиджаки, шинели, венгерки и жупаны, бекеши и поддевки, мѣха и туалеты женщинъ — все движется, бѣжитъ нарядной, пестрой, безконечной вереницей.

Морской бульваръ—центръ встрѣчъ, свиданій и прогулокъ одесскаго бомонда. По преимуществу, все это старые знакомые Крещатика и кіевскихъ садовъ, панелей, скверовъ, клубовъ, ресторановъ и паштетныхъ, съ крушеніемъ Украинской Державы метнувшіеся

подъ благостную сѣнь Антанты. По цѣлымъ днямъ, невольные скитальцы сидятъ на солнечномъ бульварѣ, разсѣянно жуютъ газетные листки и смотрятъ въ даль...

А море тихо и спокойно.

Бросая яркіе лучи на сонный рейдъ и грозную эскадру, горитъ и тонетъ солнце.

Впереди—«Эрнестъ Ренанъ», широкая и неуклюжая французская калоша, за нимъ два-три англійскихъ истребителя, «Георгъ Аверовъ»—гордость эллинскаго флота и, наконецъ, вдали, за моломъ, стоитъ изящный молодой красавецъ —крейсеръ «Рома».

Съ военныхъ кораблей доносится заря... Спускается брейдъ-вымпелъ... И медленно, безмолвно, словно птица, махая черными крылами, спускается надъ городомъ таинственная ночь...

Но уличная жизнь кипитъ неугомонно.

У входовъ въ кабарэ, миніатюры и кино горятъ огнистые глаза. У кассъ баліевской «Летучей Мыши», «Бибабо» съ комическимъ весельчакомъ Павломъ Троицкимъ, «Подвала Кривого Джимми» съ Аверченкой и талантливою юмористкой Тэффи — толпится безконечный хвостъ.

Бульвары, скверы и сады наполнены толпой, смѣющейся, волнующей, манящей.

Мерцаютъ фонари... Смѣлѣе звучитъ смѣхъ.. Смѣлѣй становятся улыбки, взоры, шутки... Все полно ласкъ, томленій и желаній

южной ночи... Все жаждетъ хлѣба, зрѣлищъ и любви...

„Насъ тѣшитъ міръ,
Какъ пышный пиръ,
Гдѣ ярко свѣтитъ газъ и женщины смѣются
И звуки вальса раздаются!..“

20

ЧЕРНЫЯ ТУЧИ

Я поселился у вдовы коммерціи совѣтника, фрау Штольцъ, хозяйки маленькаго пансіона на Гаванной.

Мы долго споримъ и не можемъ прійти къ соглашенію.

— Мейнъ либеръ Готтъ! — восклицаетъ фрау Штольцъ.—И что вы хочете?.. Ну, карашо!.. Ложите мине дрей хундертъ рубельнъ и апартаментъ останется за вами!

— Нейнъ, муттеръ!.. Это абсолютно невозможно!

Фрау Штольцъ пытается устрашить меня перспективой остаться вовсе безъ пріюта... Въ Одессѣ квартирный кризисъ... У нея имѣется, по меньшей мѣрѣ, десять вполнѣ приличныхъ кандидатовъ... Все стало безумно дорого—дрова, прислуга, освѣщеніе!..

Въ концѣ концовъ, мы сходимся на полутораста карбованцахъ.

Фрау Штольцъ сокрушенно качаетъ маленькой птичьей головой. Потомъ, вооружившись полотенцемъ, бѣгаетъ по комнатѣ, сметаетъ пыль, приноситъ старенькій коврикъ, заглядываетъ въ рукомойникъ и, въ заключеніе, ставитъ на столъ горшочекъ съ голубыми петуніями...

Луиза Карловна проживаетъ въ Одессѣ двѣнадцать лѣтъ. Со смертью коммерціи совѣтника, дѣла ея серьозно пошатнулись. Въ настоящее время, она принуждена давать уроки музыки и дѣлиться квартирою съ посторонними людьми:

— Зэръ траурigъ!

Въ одной комнатѣ живетъ пани Рутковская, бывшая графиня, весьма пріятная и привлекательная дама, съ аристократическими манерами. Въ другой помѣщается русскій офицеръ, капитанъ Чижъ, служащій въ кооперативѣ. Въ третьей — профессоръ Кацъ. Уголъ занимаетъ кухарка, а сама она помѣщается въ спальной, которая одновременно является и музыкальною студіей.

Фрау Штольцъ интересуется откуда я пріѣхалъ, есть-ли у меня жена, дѣти, что я предполагаю дѣлать въ Одессѣ, когда встаю, когда ложусь, какъ поступлю со стиркой и столомъ.

Я удовлетворяю ее любопытство и выхожу на улицу.

Слава Богу, наконецъ я устроился!

Я ненавижу отели и меблированныя комнаты, съ ихъ шумомъ, гамомъ, безконечной

суетой... Скитанья и внезапные отъѣзды, аресты и побѣги — какъ все это отражается на нервахъ!..

Я забираюсь на Николаевскій бульваръ, присаживаюсь на скамью, смотрю на море, наблюдаю публику.

Передо мной стоитъ группа эвзоновъ — солдатъ греческой гвардіи, отборныхъ людей эллинскаго королевства. Они одѣты въ бѣлыя коротенькія юбочки и разукрашенныя разными оттѣнками цвѣтовъ безрукавки. На головѣ походныя шапки съ длинною кистью, а на ногахъ остроконечные башмаки съ краснымъ помпономъ.

Проходятъ чернокожіе сенегальцы, гигантскаго роста, наивные и простодушные, какъ дѣти, съ широкой улыбкой и оскаломъ бѣлыхъ, точно молоко, зубовъ. Женщины оборачиваются и разглядываютъ ихъ съ особымъ любопытствомъ...

Сегодня же я посѣтилъ «Штабъ Юго-Западнаго Края», среди офицеровъ котораго встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ. Этотъ штабъ представляетъ собой, въ нѣкоторомъ родѣ, филіальное отдѣленіе главнаго штаба Добровольческой Арміи, организуетъ какія-то боевыя единицы, занимается регистраціей офицерскаго состава.

Я видѣлся съ временно командующимъ войсками, генераломъ Мельгуновымъ, съ пріятелями и однокурсниками по академіи—бывшимъ депутатомъ Государственной Думы, работающимъ сейчасъ въ «Освагѣ», полковникомъ Борисомъ Александровичемъ Энгельгардтомъ, генералами Арцишевскимъ, Толкушкинымъ, Федоренко, который вскорѣ будетъ разстрѣлянъ большевиками.

Я побывалъ у своевременно перебравшагося съ посольскою ставкой изъ Кіева въ Одессу, атамана «Зимовой Станицы» Всевеликаго Войска Донского, генерала Черячукина.

Я встрѣчался съ генералами Гальфтеромъ, Андреевскимъ, Ревишинымъ, гвардіи полковникомъ Люце и Бредовымъ, занятыхъ планами организаціи какой-то мифической англо-русско-германской арміи.

Я видѣлся съ бывшимъ командиромъ корпуса генераломъ Леонтовичемъ и Семеновымъ, съ старыми друзьями — генералами Чесноковымъ, Дрейеромъ, Носковымъ, и многими другими, числящимися на учетѣ или въ резервѣ, ожидающими назначенія въ Армію.

Этотъ избытокъ командпаго состава находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ численностью той вооруженной силы, которая состоитъ въ распоряженіи одесскаго штаба. Я полагаю, что изъ однихъ генераловъ можно было бы, безъ труда, составить образцовую генеральскую роту...

Въ одесскомъ штабѣ можно получить послѣднія сводки о положеніи фронта Добровольческой Арміи.

Эти свѣдѣнія достаточно утѣшительны.

Армія прочно стоитъ на занятыхъ рубежахъ. Кутеповъ съ добровольческой гвардіей — офицерскими полками — короткими, сосредоточенными ударами громитъ рыхлыя красноармейскія части. Казачій партизанъ Шкуро подымаетъ возстаніе на Переднемъ Кавказѣ. Кубанская конница Врангеля развиваетъ успѣшныя дѣйствія на царицынскомъ направленіи. Идетъ подготовка къ широкимъ наступательнымъ операціямъ.

Одновременно получено печальное свѣдѣніе о смерти доблестнаго генерала Дроздовскаго, скончавшагося, послѣ незначительнаго раненія, отъ зараженія крови.

А въ Эссентукахъ звѣрски убитъ большевиками, въ качествѣ «заложниковъ буржуазіи», цѣлый рядъ новыхъ мучениковъ, въ томъ числѣ — бывшій главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ генералъ-адъютантъ Рузскій, командовавшіе II и XII арміями — генералы Смирновъ и Радко-Дмитріевъ, бывшій командиръ Конной Гвардіи генералъ князь Багратіонъ-Мухранскій.

Я получилъ подтвержденіе и о разстрѣлѣ большевиками моего тестя, генерала Г.

Какъ офицеръ генеральнаго штаба, я принятъ на учетъ. Какъ служившій на гетманской службѣ, обязанъ, на общихъ основаніяхъ, пройти черезъ слѣдственную комиссію. Это правило распространяется на всѣхъ, служившихъ въ украинской, польской, грузинской и въ другихъ арміяхъ. Штабъ и оберъ-офицеры, кромѣ слѣдственной комиссіи, обязаны пройти еще черезъ судъ чести.

Это циркулярное распоряженіе главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи не вызвало у меня ни малѣйшаго возмущенія. Я понялъ мотивы, лежавшіе въ основѣ этого распоряженія, подчинился ему и въ самый короткій срокъ, едва-ли не въ сутки, былъ «реабилитированъ». И въ ожиданіи назначенія въ Армію, продолжалъ проживать въ Одессѣ.

Командиръ Кубанскаго коннаго корпуса, мой однокашникъ по Николаевскому кавалерійскому училищу, молодой генералъ Улагай, по свѣдѣніямъ, хочетъ мнѣ предложить должность начальника его штаба...

Въ голову стучатся странныя мысли.

Еще недавно, какихъ нибудь полгода тому назадъ, я былъ въ красномъ Петроградѣ. Сейчасъ, съ шестидесятой параллели очутился на сорокъ шестой, съ хмурыхъ береговъ Балтійскаго моря докатился до лучезарныхъ береговъ Чернаго. Большевики преслѣдуютъ меня по пятамъ и я благополучно ускользаю отъ нихъ, не взирая на всѣ ловушки, разставленныя на пути.

Но, кажется, настал часъ перейти отъ обороны къ наступленію.

Подъ защитой французскихъ штыковъ и англійскаго флота, организуется мощная армія, которая размечетъ красное войско и сокрушитъ, наконецъ, совѣтскую власть.

Но иногда меня одолѣваютъ сомнѣнія.

Наблюдая, напримѣръ, одесскую жизнь, я прихожу къ выводу, что много ядовитыхъ микробовъ заключено въ этой жизни, что самъ городъ нуждается въ основательной дезинфекціи, что одесская буржуазія и интеллигенція, какъ въ свое время кіевская, еще далеко не прониклась высокими идеалами, которые въ состояніи двинуть людей на подвигъ, на горячій порывъ и самопожертвованіе въ борьбѣ съ краснымъ зломъ.

Ни крушеніе величайшей монархіи, ни личныя переживанія, съ разстрѣлами родныхъ и близкихъ, съ арестами и лишеніемъ матеріальныхъ благъ, ничему не научили и не образумили этихъ людей.

Тотъ же пиръ во время чумы, который совсѣмъ недавно наблюдался въ гетманскомъ Кіевѣ, но еще болѣе кидающійся въ глаза, сконцентрированный на меньшей площади, находящейся подъ защитой, на этотъ разъ, не нѣмецкихъ, а французскихъ штыковъ.

Иногда я сижу весь день дома.

Въ этихъ случаяхъ, перечитываю газеты, пополняю замѣтками свой дневникъ или вступаю въ бесѣду съ сосѣдями...

«Профессоръ» Лазарь Марковичъ Кацъ или, вѣрнѣе, докторъ «honoris causa», какъ онъ себя, при случаѣ, величаетъ, личность, въ нѣкоторомъ отношеніи, оригинальная.

Мнѣ неизвѣстенъ его дипломъ, а кратковременное знакомство не даетъ права вынести точное заключеніе. Однако, по нѣкоей интуиціи, ученая степень Лазаря Марковича представляется мнѣ почему-то сомнительной. Его разсужденія поверхностны и примитивны. Его политическія дискуссіи и прогнозы не многимъ возвышаются надъ аргументаціей революціоннаго фармацевта. Ибо Лазарь Марковичъ считаетъ себя революціонеромъ и, вдобавокъ, послѣдовательнымъ марксистомъ.

Аграрный вопросъ, еврейскій вопросъ и народное образованіе — вотъ, по его мнѣнію, три апельсиновыя корки, на которыхъ поскользнулся царскій режимъ. Лазарь Марковичъ не выноситъ никакихъ доводовъ и, въ особенности, противорѣчій, очень быстро переходитъ на личности и становится совсѣмъ нетерпимъ своими раздражающими, желчными фразами:

— Мы же говорили!..

— Мы же предупреждали!..

— Мы же требовали!..

Къ добровольческому движенію, Лазарь Марковичъ относится съ большой долею какой-то снисходительной жалости и скептицизма, не вѣритъ въ удачный исходъ борьбы, и сулитъ Москвѣ еще десять лѣтъ жизни.

Въ этомъ отношеніи, мы рѣзко расходимся съ нимъ во взглядахъ, и политическій споръ кончается, обычно, взаимными упреками и даже оскорбленіями...

Но вотъ гдѣ, а именно, въ сферѣ коммерческой и финансовой, Лазарь Марковичъ является величиной, заслуживающей несомнѣннаго уваженія. Я кажется сожалѣю, что не воспользовался, въ свое время, его дружескими совѣтами.

— Вотъ!—говоритъ Лазарь Марковичъ, вынимая платокъ и извлекая трубные звуки. — Страдаю съ носомъ!.. Паскудство!.. Это же удивительное несчастье!.. Я окончательно умеръ!

Спрятавъ платокъ и поправивъ роговые очки, Лазарь Марковичъ переходитъ на новую тему, конфиденціальнымъ тономъ даетъ нѣсколько практическихъ указаній:

— Сорокъ и пьять!.. Вы уже слышали?.. Покупайте карбованцы!.. Нѣтъ?.. Что значитъ нѣтъ?.. Это же удивительный случай!.. Чтобы сказать да, такъ онъ говоритъ нѣтъ!.. Это же замѣчательно!..

Лазарь Марковичъ обиженно машетъ рукой, затѣмъ неожиданно срывается и исчезаетъ до вечера...

Графиня Рутковская, полновѣсная, не первой молодости, особа въ стилѣ красавицъ Рубенса или Ванъ-Дейка, съ золотистымъ шиньономъ и толстымъ слоемъ пудры на утратившемъ первоначальную свѣжесть лицѣ, сидя въ качалкѣ, дымитъ папиросой.

— Якъ се пану подòба Одесса?—спрашиваетъ по польски графиня.—Ахъ, Одесса!.. Монъ Дье!.. Сэ келькъ шозъ д'оррибль!.. Нэспа?

Графиня вздыхаетъ.

— Какъ вы находите нашего капитана?—спрашиваетъ она, черезъ минуту, съ насмѣшливою улыбкой.—Иль э шарманъ!.. Нэспа?

Съ послѣднимъ я познакомился въ тотъ же день.

Уже съ утра шли какіе-то таинственные приготовленія. Капитанъ, слегка волоча ногу, нѣсколько разъ выходилъ на улицу и возвращался со свертками.

Всѣ три года войны, капитанъ, самымъ честнымъ образомъ, провелъ на фронтѣ. За вѣру, царя и отечество, какъ говорится, проливалъ кровь и былъ даже представленъ къ бѣленькому кресту. Но...

— Знаете наши порядки?—говоритъ капитанъ и показываетъ комбинацію изъ трехъ пальцевъ.

Въ знаменитомъ «іюльскомъ» наступленіи, подъ Тарнополемъ, былъ изувѣченъ нѣмцами, пролежалъ пять мѣсяцевъ въ госпиталѣ, потомъ бѣжалъ отъ большевиковъ, устроился въ одесскомъ кооперативѣ. А сегодня, по слу-

чаю дня Ангела, устраиваетъ скромную вечеринку:

— Быть можетъ, не откажете принять участіе?.. Все будетъ вполнѣ прилично, какъ въ лучшемъ англійскомъ домѣ!..

Въ самомъ дѣлѣ, всю ночь въ капитанской каютѣ бренчитъ гитара, звенятъ бутылки, звучитъ женскій визгъ.

Луиза Карловна заперлась на ключъ. Графиня молча негодуетъ.

Утромъ, фрау Штольцъ стоитъ у капитанскихъ дверей и кричитъ:

— Мейнъ Готтъ!.. Я буду чичасъ говорить нахъ милицей!.. Пфуй!.. Шанде!..

Бываютъ вечера, когда мы всѣ сидимъ дома.

Тогда мы собираемся у фрау Штольцъ, въ ея уютной комнаткѣ, съ гардинами, цвѣтами и дремлющей въ креслѣ старой болонкой Мицци. Фрау Штольцъ, съ очками на птичьемъ носу, раскладываетъ пасьянсъ. Лазарь Марковичъ, по обыкновенію, извлекаетъ трубные звуки и, конфиденціальнымъ тономъ, совѣтуетъ на этотъ разъ, покупать доллары и англійскіе фунты.

— Что значитъ нѣтъ? — говоритъ Лазарь Марковичъ, и хватаетъ меня за пуговицу. — Я уже буду рискировать!.. Тридцать дьевять и пьять!.. Какая разница?

Капитанъ, въ сотый разъ, передаетъ о дѣлѣ «подъ Козювкой», ругаетъ нѣмцевъ, иска-

лѣчившихъ его на всю жизнь, бренчитъ на гитарѣ и напѣваетъ легкомысленные куплеты.

Графиня дымитъ папиросой и настойчиво жметъ подъ столомъ мое колѣно...

Съ паденьемъ Кіева, кровавый, всеуничтожающій потокъ широкою волной разлился по всей Украинѣ.

Все гибло въ пламени, въ бурѣ.

Культура и національное богатство, промышленность, торговля, честный трудъ—все рушилось нелѣпо и безжалостно, все захлестнулъ безумный чертоплясъ.

И только, какъ маленькій островокъ, содрогаясь подъ ударами бушующихъ волнъ, еще держался, закованный въ союзническій панцырь, одесскій районъ.

Директорія же развѣялась, какъ дымъ.

Остатки самостійной украинской арміи, растрепанные въ бояхъ съ большевиками, поляками и добровольцами, лишенные правильной организаціи и хорошо налаженнаго тыла, разбились на отдѣльные отряды, дѣйствовавшіе безъ связи, безъ руководства, безъ яснаго пониманія цѣли, съ зерномъ губительнаго разложенія въ собственныхъ рядахъ.

Ядро, составленное изъ дивизіи сѣчевиковъ, подъ командованіемъ Петлюры, откати-

лось къ самой галиційской границѣ. Въ районахъ Жмеринки, Бирзулы, Вапнярки, еще метались какіе-то «курени» и «коши» разныхъ отамановъ и «батекъ» — Осадчаго, Коллодія, Зміенки...

Красный смерчъ распространялся глубже, шире, перехватилъ желѣзную дорогу, отрѣзавъ пути сообщенія съ югомъ, вызвавъ къ темной дѣятельности дремавшія силы.

Кругомъ кишѣлъ разбой.

Въ Гуляй-Полѣ сидѣлъ бандитъ Махно. У Бирзулы орудовалъ свирѣпый хищникъ Козюбскій, творившій, надъ попадавшей въ его лапы буржуазіей и обезумѣвшимъ еврействомъ, неописуемыя звѣрства. Въ районѣ Тирасполя подвизался совѣтскій бандитъ Котовскій. Въ районѣ Николаева и Херсона объявился «червонный отаманъ» Григорьевъ. По всей странѣ, изъ края въ край, шла рѣзня и жестокіе еврейскіе погромы.

Раскаты бури, съ каждымъ днемъ, становились все тревожнѣй и начинали непосредственно доноситься въ Одессѣ...

Въ Одессѣ, въ эту пору, какъ я уже упоминалъ, разворачивались военныя приготовленія Антанты, для активнаго вмѣшательства въ гражданскую войну.

Одной рукой посылалась помощь, правда весьма относительная, арміямъ Деникина, въ Новороссійскъ.

Другой рукой, черезъ Константинополь и Констанцу, съ салоникскаго фронта, текли въ Одессу транспорты съ войсками, военными припасами, провіантомъ.

Сравнительно въ короткій срокъ, въ районѣ, окаймленномъ дугой отъ Аккермана черезъ Раздѣльную до Херсона, сосредоточилось до корпуса французскихъ и греческихъ войскъ, бригада польскихъ легіонеровъ и русскій добровольческій отрядъ, подъ общимъ командованіемъ французскаго генерала д'Ансельма.

Главноначальствующимъ и командующимъ русскими войсками былъ назначенъ генералъ Гришинъ-Алмазовъ, произведенный въ этотъ чинъ, какъ утверждали шутники - одесситы, «домовымъ комитетомъ» - неизвѣстный до сей поры артиллерійскій штабсъ-капитанъ, выдвинувшійся въ связи съ омскимъ переворотомъ, въ пользу адмирала Колчака. Прибывъ изъ Сибири въ ставку Добровольческой Арміи, распоряженіемъ послѣдней, по соглашенію съ французскимъ командованіемъ, генералъ Гришинъ-Алмазовъ былъ назначенъ въ Одессу...

Организація русской вооруженной силы чрезвычайно хромала.

Все было въ корнѣ неправильно и нелѣпо. Имѣлся обширный штабъ съ безчисленнымъ количествомъ всякихъ начальниковъ, адъютантовъ, секретарей. Но не было боевыхъ

частей, если не считать ничтожные офицерскіе отряды, въ которыхъ капитаны чистили казармы, а полковники стояли на часахъ и разносили пакеты.

Имѣлись артиллерійскіе, инженерные, интендантскіе отдѣлы. Но не было оружія, одежды, провіанта, обоза, лошадей.

Между тѣмъ, жизнь въ городѣ, изо дня въ день, становилась все болѣе тяжелой и тревожной. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ уменьшился до минимума. Съ сокращеніемъ оборонительной зоны, продукты сельскаго хозяйства перестали вовсе поступать на рынокъ.

Съѣстные припасы, топливо, фуражъ сразу поднялись въ цѣнѣ. Фунтъ чернаго хлѣба дошелъ до десяти карбованцевъ, между тѣмъ, какъ еще недавно, обѣдъ въ ресторанѣ стоилъ всего пять. Въ то же время, кондитерскіе и кафэ были полны тортами, бисквитами, сладкимъ печеньемъ.

Имѣя обширные склады, городъ, безъ сомнѣнія, могъ бы безбѣдно существовать еще продолжительное время. Но преступная спекуляція, нелѣпыя распоряженія властей и дѣятельность разнаго рода агентовъ вели къ катастрофѣ.

Не только неимущій класъ, но даже средній обыватель сталъ ощущать всѣ тягости экономическаго кризиса. По городу шелъ ропотъ и возмущеніе, подогрѣвавшія надежды крайнихъ элементовъ.

И тѣмъ не менѣе, повинуясь какому-то роковому закону, напоминая по аналогіи, недавніе «кіевскіе дни», все шло тѣмъ же порядкомъ, быстрыми шагами приближаясь къ безднѣ.

Антанта вооруженной рукою преграждаетъ путь красному потоку, разворачиваетъ военныя силы и, въ ближайшемъ будущемъ, перейдетъ въ наступленіе. У Антанты есть тяжелыя пушки, танки и флотъ и даже, какъ утверждаютъ, машины съ ультра-фіолетовыми лучами.

А потому, нѣтъ основаній для безпокойства.

Повсюду идетъ нажива, спекуляція, азартная игра, безудержный разгулъ. Все жаждетъ наслажденій и нѣтъ тревоги ни за родину, ни за себя.

И несомнѣнно больше слезъ было пролито одесситами по безвременно скончавшейся не то отъ испанки, не то отъ неудачнаго аборта, красавицѣ экрана Вѣрѣ Холодной, чѣмъ по растерзаннымъ, одновременно, на передовыхъ позиціяхъ, мученикамъ долга и жертвамъ чернаго русскаго лихолѣтья...

21

ОДЕССКАЯ ТРАГЕДІЯ

Когда въ этой печальной исторіи обвиняютъ нашихъ бывшихъ союзниковъ, французовъ, мнѣ хочется быть безпристрастнымъ наблюдателемъ и подчеркнуть одну психологическую мелочь.

Въ самомъ дѣлѣ, не кажется-ли, на первый взглядъ, страннымъ то обстоятельство, что городъ съ полумилліоннымъ населеніемъ, защищаемый солиднымъ гарнизономъ, съ орудіями, броневиками и флотомъ, въ одинъ несчастный день, склонилъ свою главу передъ ничтожными григорьевскими бандами?

Въ чемъ дѣло?

Какой мотивъ лежитъ въ основѣ этой неслыханной сдачи?..

Печальная исторія ведетъ начало съ того, что нѣмецкій отрядъ, сосредоточенный въ Николаевѣ и въ Херсонѣ, державшій на почтительномъ разстояніи «червонные» коши бывшаго полицейскаго урядника, отамана Гри-

горьева, приступивъ, по требованію союзниковъ, къ эвакуаціи, не выждалъ очередной смѣны греками и очистилъ раньше срока занимавшіеся имъ пункты, куда тотчасъ хлынули большевики.

Высланный для возстановленія первоначальнаго положенія, греческій отрядъ прибылъ съ опозданіемъ, былъ ложно оріентированъ, попалъ въ засаду и, понеся потери ранеными и убитыми, стремительно отступилъ.

Неожиданная сдача Херсона и Николаева послужила причиною сокращенія оборонительной зоны, упиравшейся теперь правымъ флангомъ въ Куяльницкій лиманъ, находившійся подъ прямымъ обстрѣломъ союзнаго флота.

Одновременно, въ рядахъ союзниковъ сталъ наблюдаться тревожный симптомъ...

Окончаніе міровой войны вызвало сильнѣйшую реакцію въ боевыхъ настроеніяхъ. Съ того знаменательнаго дня, седьмого ноября 1918 года, съ того часа и съ той минуты, когда французскій горнистъ Селлье, возлѣ мѣстечка Удрой, протрубилъ въ рожокъ давно ожидаемый, столь горячо желанный сигналъ, всѣ, отъ рядового до генерала, ощутили, съ невыразимой силой, потребность разстаться съ окопами, вернуться къ покинутымъ очагамъ, къ покою, тишинѣ и радостямъ мира.

Съ другой стороны, правительства Антанты, подъ давленіемъ рабочихъ массъ и соціалистическихъ партій, стали колебаться въ вопросѣ о дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ въ русскія дѣла. И въ прессѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ и, въ особенности, въ парламентскихъ дебатахъ, все настойчивѣе шли разговоры объ отозваніи союзныхъ войскъ и предоставленіи гражданской войнѣ идти своимъ естественнымъ порядкомъ.

— Руки прочь отъ Россіи! — таковъ былъ очередной лозунгъ.

Немудрено, что въ настроеніи экспедиціоннаго корпуса созрѣлъ неожиданный переломъ:

— Миръ!.. Довольно войны!.. Скорѣй по домамъ, къ тѣнистымъ берегамъ Сены, Роны, Луары!.. Къ роднымъ фермамъ и нивамъ!.. Къ покинутымъ женамъ, дѣтямъ, невѣстамъ, пока здоровъ и цѣлъ!..

— Ваша гражданская война солдатамъ непонятна!

Такъ говорилъ мнѣ, качая головой и разводя руками, французскій капитанъ.

— Монъ женераль, подумайте только!.. На одной сторонѣ барьера стоятъ молодые люди съ винтовками въ рукахъ и въ золотыхъ погонахъ... Противъ нихъ — такіе же русскіе люди, но безъ погонъ... Офицеры воюютъ съ солдатами!.. Аристократы воюютъ съ народомъ!.. Мои солдаты ничего не понимаютъ... Абсолюманъ рьенъ!.. Попробуйте-ка имъ это объяснить... Сэ-т-эпоссибль!

И капитанъ снова меланхолически качалъ головой...

Война въ невѣдомой, варварской странѣ, послѣ четырехлѣтнихъ нечеловѣческихъ испытаній, увѣнчанныхъ долгожданной побѣдой, новая война съ русскимъ народомъ, для того, чтобы получить пулю въ лобъ отъ какого-то загадочнаго «большевика», въ самомъ дѣлѣ, очень мало соблазняла французскаго «пуалю», стремившагося изо всѣхъ силъ домой.

Нельзя оправдать позорную сдачу Одессы григорьевскимъ бандамъ, какъ и двуличное отношеніе союзныхъ правительствъ къ бѣлымъ арміямъ, какъ и вообще, ко всему добровольческому движенію и той, не имѣющей названія, національной трагедіи, въ которой очутилась Россія.

Нельзя не отмѣтить, однако, и мотивъ психологическаго значенія, который, съ своей стороны, можетъ быть, сыгралъ извѣстную роль въ прекращеніи интервенціи...

Нужно-ли говорить, что полная соблазновъ жизнь въ крупномъ приморскомъ городѣ, дѣйствовала на солдатъ, послѣ салоникскихъ окоповъ, самымъ растлѣвающимъ образомъ?

Я былъ свидѣтелемъ сцены, какъ французскій солдатъ, наѣвъ и напивъ въ греческой кухмистерской, вмѣсто кошелька вытащилъ пистолетъ и, давъ нѣсколько выстрѣловъ въ потолокъ, заявилъ перепуганному хозяину:

— О-ля-ля!.. Же сюи большевикъ!..

На Николаевскомъ бульварѣ, въ центральномъ, наиболѣе оживленномъ и опрятномъ кварталѣ, распущенные французскіе стрѣлки хватали проходившихъ женщинъ за груди и, не взирая на крикъ и сопротивленіе, привлекали къ себѣ и тискали въ грубыхъ объятіяхъ.

Въ этомъ отношеніи, поведеніе нѣмцевъ въ Кіевѣ являлось образцомъ скромности и дисциплины...

Когда тревожное настроеніе, въ связи съ экономическимъ кризисомъ и слухами объ уходѣ союзниковъ, достигло предѣльной точки, въ Одессу прибылъ изъ Константинополя, на миноносцѣ, генералъ Франше д'Эспре, главнокомандующій вооруженными силами на Востокѣ.

Онъ заявилъ офиціально, что Одесса, ни въ коемъ случаѣ, не будетъ сдана, что оборона ея является вопросомъ чести и престижа, что гарнизонъ будетъ немедленно увеличенъ притокомъ свѣжихъ силъ, послѣ чего начнется общее наступленіе. Что недостатокъ продовольствія, наконецъ, будетъ пополненъ подвозомъ провіанта на транспортахъ.

Генералъ Франше д'Эспре, весьма вѣроятно, былъ искрененъ, когда произносилъ эти слова. Едва-ли могъ онъ предвидѣть, что въ эти минуты, въ дипломатическихъ канцеля-

ріяхъ. одесскій вопросъ рѣшался совсѣмъ по-иному

Какъ бы то ни было, распоряженіемъ французскаго главнокомандующаго были приняты кое-какія мѣры.

Генералъ Шварцъ, извѣстный въ свое время обороною Портъ-Артура и Ивангорода, былъ назначенъ командующимъ русскими войсками.

Было приступлено къ организаціи русской военной силы, на болѣе прочныхъ и правильныхъ основаніяхъ. Въ короткій срокъ былъ созданъ кадръ для четырехъ стрѣлковыхъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ. Былъ назначенъ командный составъ, распредѣлены районы формированія, намѣчена мобилизація. Вооруженіе, одежду и аммуницію предполагалось, по плану, получить отъ союзниковъ.

Работа шла быстрымъ темпомъ и общее настроеніе поднялось. Такъ было вплоть до четвертаго апрѣля...

Въ этотъ несчастный день, точно ударомъ молніи среди безоблачнаго неба, явился рядъ телеграммъ... О бурныхъ засѣданіяхъ палаты депутатовъ... Объ отклоненіи кредитовъ на нужды экспедиціоннаго корпуса... Объ отставкѣ якобы Клемансо... Объ отозваніи союзныхъ войскъ...

Къ полудню, часть этихъ свѣдѣній стала фактомъ. Объ эвакуаціи было объявлено офиціальнымъ порядкомъ. Къ вечеру, городъ былъ охваченъ паникой...

Событія развертывались съ необъяснимою быстротой.

Стоявшіе на фронтѣ отряды французовъ, грековъ, поляковъ и русская добровольческая бригада генерала Тимановскаго, поочередно обнажая флангъ сосѣда, въ безпорядкѣ, не объединенные общимъ командованіемъ, безъ всякаго давленія со стороны противника, стали покидать позицію.

Отдѣльныя части, штабы, управленія, въ такомъ же безпорядкѣ, направились къ румынской границѣ, другіе бросились на пристань.

По городу поползли чудовищные слухи. Съ минуты на минуту можно было ожидать выступленія подпольныхъ силъ. На окраинахъ затрещала подозрительная стрѣльба...

Въ бекешѣ сѣраго солдатскаго сукна, съ енотовымъ воротникомъ, съ узелкомъ въ рукѣ, я прохожу въ послѣдній разъ по Дерибасовской.

Я двигаюсь по дико опустѣвшему бульвару. Какъ старый, опытный, травленный волкъ прислушиваюсь къ доносящимся выстрѣламъ. На поворотѣ натыкаюсь на встревоженную группу пѣшеходовъ.

На тротуарѣ лежитъ трупъ. Руки безпомощно раскинуты по сторонамъ, тупо глядитъ

оскаленный ротъ, голова въ лужѣ темной, свернувшейся крови...

Спокойствіе меня не покидаетъ. Но чувствую, что необходимо торопиться, что каждый лишній часъ, можетъ быть, лишняя минута, отрѣжутъ путь къ спасительному порту:

—Все въ порядкѣ!.. Бумажникъ въ боковомъ карманѣ!.. Папиросы—въ узелкѣ... Деньги, на всякій случай, слѣдуетъ размѣнять!

Я забѣгаю въ магазинъ ювелирныхъ вещей, уже готовящійся опустить желѣзныя сторы, говорю взволнованному еврею-хозяину нѣсколько словъ, кидаю на прилавокъ пачку карбованцевъ и получаю взамѣнъ нѣсколько англійскихъ фунтовъ, горсть австрійскихъ кронъ и золотую цѣпочку отъ часовъ.

На Николаевскомъ бульварѣ вижу группу офицеровъ съ винтовками въ рукахъ, столпившихся у гостинницы «Лондонъ». Одна часть располагается цѣпью поперекъ бульвара, другая стоитъ сосредоточенно, въ видѣ резерва.

Направо гремятъ выстрѣлы:

— Тахъ-тахъ!

Въ послѣдній разъ пробѣгаю по мраморнымъ ступенямъ у памятника дюку Ришелье, спускаюсь въ віадукъ, перелѣзаю проволочное загражденіе и выхожу на пристань.

Кругомъ крикъ, гамъ, ругательства, визгъ, грохотъ, плачъ, смятеніе и суматоха. Толпа людей, мужчинъ и женщинъ, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ классовъ и національностей, гигантская тысячеголовая толпа, запрудила портъ.

Ревутъ сирены, гудятъ буксиры, транспорты и лоцманскія лодки, мелькаютъ шлюпки, боты, катера. Вдали, развернувшись въ боевомъ порядкѣ, поперекъ залива, стоитъ союзная эскадра.

— Впередъ!

Пронизываю цѣпь французскихъ моряковъ, съ красными помпонами на шапкахъ, и выхожу на оконечность мола. Передо мной огромный «Корковадо», внушающій особое довѣріе. Но часовой у трапа винтовкой преграждаетъ путь и грозно смотритъ на меня:

— Псссть!.. Алле ву-з-анъ!.. Сэ дефандю!

— Ахъ, дефандю?.. Пардонъ!

Мимо меня плыветъ челнокъ. Здоровый грекъ, въ лохмотьяхъ, съ волосатой грудью, работаетъ весломъ. Я подбѣгаю къ самой водѣ и машу рукой. Грекъ скалитъ зубы и отрицательно мотаетъ головой.

Тогда я вынимаю изъ кармана маленькій шестизарядный «Смитъ-Вессонъ» и ласково прицѣливаюсь ему въ лобъ.

Черезъ минуту я на кормѣ.

— Впередъ!

Грекъ добросовѣстно работаетъ весломъ. Я выбираю направленіе и рѣжу прямо на какой-то пароходъ съ дымящейся трубой...

«Коказъ» — трехтрубный товаро-пассажирскій пароходъ французской компаніи Мессажери-Маритимъ, передѣланный въ военный

транспортъ, курсирующій на линіи Марсель—Одесса.

Темнозеленый, испещренный грязными бурыми пятнами, огромный, неуклюжій, съ шестью трюмами и нѣсколькими палубами, съ каютами, камбузами, столовыми, съ безчисленными кубриками, отсѣками и цѣлымъ лѣсомъ стрѣлъ, крановъ и мачтъ, заплетенныхъ паутиною оснастки, онъ представляется какимъ-то исполинскимъ левіафаномъ, случайно всплывшимъ на поверхность.

Изъ трубъ валитъ густой дымъ. Сверкаютъ открытые настежь иллюминаторы. Дрожитъ дыханіе машины, гдѣ-то журчитъ вода, на кормѣ развѣвается трехполосный сине-бѣло-красный французскій флагъ..

Я только что поднялся по безконечному трапу и сразу окунулся въ человѣческое море.

Всѣ палубы, отъ трюмовъ до спардека, завалены пожитками и кладью. Кругомъ неописуемая давка и хаосъ. Толпа напираетъ со всѣхъ сторонъ. Французская команда — матросы, офицеры, кричатъ до хрипоты, до бѣшенства, пытаясь водворить какой-нибудь порядокъ.

Въ трюмѣ не протолкаться.

Кадеты, офицеры, гимназистки, артисты и попы, солдаты, опереточныя дивы — все сбилось въ кучу, всѣхъ уравнялъ жестокій вихрь.

Тревожное настроеніе не улеглось.

Всѣ дѣлятся пережитыми впечатлѣніями. Женщины, взволнованныя до истерики, разспра-

шиваютъ о судьбѣ родныхъ, знакомыхъ. Однѣ потеряли, въ суматохѣ, дѣтей, другія — мужа или брата. Со всѣхъ сторонъ ползутъ нелѣпые, чудовищные слухи.

Спускается вечеръ.

Въ открытый люкъ мерцаютъ звѣзды. Издалека доносится неясный гулъ и городскіе шумы.

Я провожу тревожную, томительную ночь.

Охваченный разнообразными мыслями, долго не могу уснуть, ворочаюсь на жесткомъ ложѣ, прислушиваюсь къ разговорамъ. Чтобы заглушить голодъ, закуриваю осторожно папиросу и, съ нѣкоторой завистью, наблюдаю сидящую рядомъ компанію, раскупоривающую консервныя коробки съ кефалью, осетриною, бычками, заваривающую чай, копающуюся въ корзинкахъ съ холодной ветчиной, масломъ, бѣлымъ хлѣбомъ. Звенятъ бутылки съ водкой, съ коньякомъ.

— Какіе предусмотрительные люди!

Съ усиліями отворачиваюсь отъ соблазна и засыпаю безпокойнымъ сномъ.

И снова день, ясный апрѣльскій день.

«Коказъ» стоитъ, по прежнему, на внѣшнемъ рейдѣ. Съ особой четкостью виднѣется городъ съ его плѣнительною панорамой — съ бульваромъ, губернаторскимъ дворцомъ, и

лѣстницей у памятника Ришелье, съ каштанами, акаціями, лабиринтомъ милыхъ знакомыхъ улицъ, теряющихся въ голубомъ туманѣ.

А сзади—союзная эскадра и, переливающееся золотою зыбью, тихое, спокойное море.,.

На палубѣ, подъ перекрытымъ досками навѣсомъ, готовится обѣдъ.

Веселый кокъ, съ лоснящимся лицомъ и маленькими черными усами, типичный провансалецъ, смѣется и куритъ «капораль». Его помощники, пять-шесть тщедушныхъ аннамитовъ, вскрываютъ жестяныя банки съ чечевицей. Къ снастямъ подвѣшена на блокѣ бычья туша и кровь стекаетъ медленными каплями на палубный настилъ...

— Какія новости?..

— Въ Новороссійскъ?..

— Въ Батумъ?

Никто не знаетъ ничего опредѣленнаго. Масса противорѣчивыхъ слуховъ, предположеній, версій. Какъ утверждаютъ, не исключается возможность вторичнаго занятія Одессы греческимъ десантомъ. Другіе передаютъ, что лица, не имѣющія визъ, будутъ немедленно возвращены на берегъ.

А въ городѣ, какъ сообщаетъ только что прибывшій офицеръ, творятся невѣроятныя картины. Чернь грабитъ магазины и частныя квартиры. Союзники не отстаютъ отъ нихъ и, главнымъ образомъ, французскіе солдаты. Какой-то офицеръ, уже направлявшійся на извозчикѣ въ портъ, будучи остановленъ больше-

вицкой бандой, застрѣлилъ жену, ребенка и покончилъ съ собой. Образовалась чрезвычайная комиссія, беретъ заложниковъ, разстрѣливаетъ офицеровъ, варту, юнкеровъ.

Время отъ времени, въ самомъ дѣлѣ, доносятся выстрѣлы:

— Та-ку!.. Та-ку!..

Но вотъ, реветъ труба.

Трапъ поднятъ, заработала лебедка, съ грохотомъ ползетъ по палубѣ якорная цѣпь.

Пассажиры кидаются къ бортамъ.

Вторично реветъ труба, на этотъ разъ не такъ рѣзко и продолжительно... Весь корпусъ вздрагиваетъ... Бурлитъ вода... «Коказъ» разворачивается, описываетъ полукругъ, беретъ указанное направленіе...

Носъ смотритъ на солнце.

Прямо на югъ.

— Родина, прощай!..

22

НА ВОЛНАХЪ

Со всѣхъ сторонъ раскинулась безбрежная, безкрайная пустыня...

Куда не кинешь взоръ — кругомъ волшебный, несказанный, ошеломляющій просторъ!..

Какъ золотой червонецъ, сверкаетъ южное, горячее, пылающее солнце... Горитъ лазурь, сквозятъ жемчужно-пепельные облака, лиловой дымкою затянута таинственная даль...

А море тихо и спокойно.

Его морщинистая грудь, вся въ золотѣ и въ пурпурѣ на югѣ, темнозеленая съ бортовъ и синяя, съ серебряной дорожкой, за кормой, подернута волнистою, едва замѣтной рябью.

Кругомъ царитъ покой, счастливый, безмятежный, величавый. Лишь изрѣдка, прорѣзавъ тишину, раздастся крикъ внезапно налетѣвшей чайки, плеснувъ хвостомъ кувыркнется дельфинъ, и снова только волны поютъ свою протяжную, рыдающую пѣсню...

Я провожу весь день на палубѣ, въ укромномъ уголкѣ, за лабиринтами канатовъ и снастей.

Я опьяненъ какимъ-то свѣтлымъ чувствомъ. Я вспоминаю тягостные дни переживаній, весь мракъ и ужасъ человѣческихъ дѣяній, обмана, зла, паденья, низкихъ преступленій.

Какимъ ничтожнымъ кажется весь этотъ гнусный бредъ!..

На минуту я возвращаюсь къ политикѣ и невольно вспоминаю при этомъ «три апельсиновыя корки» доктора «honoris causa», послѣдовательнаго марксиста Лазаря Марковича.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онѣ сыграли въ государственномъ перэворотѣ извѣстную роль, особенно, въ процессѣ углубленія революціи.

Но было бы несправедливостью полагать, что въ аграрномъ вопросѣ, вопросѣ еврейскомъ и въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, императорское правительство занимало какую-то непримиримую, отрицательную позицію.

Кто скажетъ, что земельная столыпинская реформа, пользовавшаяся, между прочимъ, особымъ вниманіемъ государя, неуклонно, изъ года въ годъ, не шла по пути своего развитія, превращая общиннаго пахаря въ хуторянина,

въ маленькаго помѣщика, дѣлая изъ прежняго русскаго мужика, горемычнаго перекати-поле, маленькаго, но крѣпкаго земельнаго собственника, привязывая его прочными корнями къ землѣ?

Не имѣя подъ рукой офиціальныхъ статистическихъ данныхъ—вся моя библіотека состоитъ сейчасъ изъ единственнаго томика «Le Jardin de Supplice» Октава Мирбо—не могу подтвердить цыфрами прогрессировавшій, съ каждымъ годомъ, ходъ этой реформы. Однако, какъ очевидецъ, свидѣтельствую, что по крайней мѣрѣ въ нашей округѣ, выдѣленіе крестьянскихъ хозяйствъ на хутора и развитіе общаго благосостоянія крестьянскихъ массъ, шло вполнѣ успѣшнымъ темпомъ, при полномъ содѣйствіи правительственныхъ и земскихъ органовъ...

Еврейскій вопросъ?

И въ отношеніи этой проблемы, правительство становилось на путь ея разрѣшенія въ благопріятномъ для обѣихъ сторонъ духѣ.

Безспорно, что всѣ эти «черты осѣдлости», «пятипроцентныя нормы» и прочіе скорпіоны, ударявшіе однимъ концомъ по униженной, безправной народности, другимъ по русской государственности, въ близкомъ будущемъ подлежали забвенію. Вопросъ, конечно, еще далеко не былъ разрѣшенъ въ полномъ объемѣ. Но можно-ли возражать противъ утвержденія, что запретительныя рогатки падали одна за другой, что искусственное раздѣленіе населенія на

граждань перваго и второго сорта, равно, какъ и сословныя перегородки, мало по малу, подъ давленіемъ общественной мысли, приходили къ естественному концу?

Въ искусствахъ и въ свободныхъ профессіяхъ, въ театрѣ, въ литературѣ, въ крупнѣйшихъ финансовыхъ, торговыхъ, коммерческихъ предпріятіяхъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ даже въ вѣдомствахъ, было не мало лицъ еврейскаго происхожденія, значительныхъ и вліятельныхъ, игравшихъ замѣтную роль въ политическихъ, общественныхъ, даже въ свѣтскихъ кругахъ. Въ періодъ великой войны, евреямъ былъ открытъ широкій доступъ въ армію. Даже въ такой спеціальной и сравнительно замкнутой корпораціи, какъ корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба, еще въ царское время были евреи, правда, христіанскаго вѣроисповѣданія...

Наконецъ, въ дѣлѣ народнаго образованія, нельзя не отмѣтить, съ рискомъ впасть въ нѣкоторый трюизмъ, дѣятельность правительства, направленную въ сторону просвѣщенія массъ, при посредствѣ различныхъ школъ, при содѣйствіи арміи и всевозможныхъ просвѣтительныхъ обществъ.

Благія намѣренія и дѣятельность императорскаго правительства въ дѣлѣ культурнаго развитія государства во всѣхъ направленіяхъ —не вызываетъ сомнѣній.

И если можно сдѣлать упрекъ, это лишь въ томъ отношеніи, что можетъ быть, эта дѣятельность не шла въ соотвѣтствіи съ требо-

ваніями эпохи и, при колоссальныхъ рессурсахъ страны, могла быть удесятирена въ своемъ поступательномъ ходѣ и мощи.

Къ сожалѣнію, существовалъ рядъ обстоятельствъ, независимо отъ воли правительства, клавшихъ извѣстный предѣлъ государственному прогрессу.

Какъ брошенное въ землю зерно не превращается тотчасъ въ растеніе, такъ и превращеніе страны, изъ отроческаго состоянія въ зрѣлый во всѣхъ отношеніяхъ государственный организмъ, требуетъ сроки.

Слѣдуетъ-ли упоминать про чудовищную войну, сорвавшую единымъ ударомъ всѣ намѣченные къ ближайшему исполненію грандіозныя государственныя мѣропріятія?..

Въ концѣ концовъ, не взирая на пресловутый «царизмъ», на несовершенства государственной и правительственной системы, на техническую отсталость, народное невѣжество, темноту, дикость и другія отрыжки стараго угасавшаго прошлаго—развѣ не нагоняла Россія, семимильными, стремительными шагами, культурную, просвѣщенную, приглаженную и причесанную, демократическую Европу?

Развѣ не вызывала въ ней чувства невольнаго изумленія, восхищенія, тайную зависть, явную непріязнь и, наконецъ, страхъ передъ стихійно возраставшимъ могуществомъ?

— О, неисповѣдимый злокозненный Рокъ, омрачившій разумъ безуміемъ, ввергнувшій ве-

ликое государство въ чреду неисчислимыхъ бѣдъ, національное самоубійство и безвременную могилу!..

Внезапный окликъ выводитъ меня изъ задумчивости.

Передо мной стоитъ поручикъ Бревернъ, мой бывшій офицеръ драгунскаго полка. Оказывается, онъ ищетъ меня цѣлый часъ, излазилъ трюмы и каюты, три раза обѣгалъ кругомъ палубу и побывалъ даже въ машинномъ отдѣленіи:

— Скорѣе, вашество!.. Пожалуйте!.. Довольно этихъ дьявольскихъ бобовъ!..
Склонившись надъ перилами спардека, поручикъ кому-то салютуетъ и смѣется:

— «Взгляните здѣсь, взгляните тамъ, нравится-ль все это вамъ?»... Вонъ — Шувалова!.. Вы помните ее по Петербургу:

„Ахъ, неужели, боги, васъ веселитъ,
Коль моя честь
Кувыркомъ,
Кувыркомъ
Полетитъ?"

— Обратите вниманіе, вонъ — членъ государственнаго совѣта Гурко!.. А это вотъ—романистъ Толстой!..

Въ самомъ дѣлѣ, внизу, подъ нами, я различаю цѣлую плеяду знаменитостей.

Въ кругу какихъ-то молодыхъ саврасовъ, во главѣ съ затянутымъ въ черную черкеску есауломъ «дикой» дивизіи Щегловитовымъ и штабсъ-ротмистромъ Сухомлиновымъ, сидитъ на чемоданчикѣ извѣстная опереточная звѣзда. Она кокетливо щуритъ глазки, пьетъ изъ дорожнаго стакана вино и заливается неудержимымъ, соблазнительнымъ смѣхомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, точно сценка изъ «Прекрасной Елены», съ плѣнительной героиней, съ божественнымъ пастушкомъ въ кавказской черкескѣ, съ неистовымъ Ахилломъ въ кавалерійскомъ френчѣ и галиффе, парой вездѣсущихъ Аяксовъ и незнакомцемъ въ просторномъ свитерѣ, имѣющимъ жуткое сходство съ Калхасомъ:

„Эвое, богини эти
Чтобы юношу плѣнить..“

Нѣсколько дальше — стоитъ графъ Алексѣй Толстой. Почтенный беллетристъ, по облику и костюму — помѣщикъ черноземной полосы, тяжелый, грузный, въ мѣшковатомъ пиджакѣ и полосатыхъ брюкахъ, собравъ толпу слушателей, передаетъ свои московскія впечатлѣнія и честитъ большевиковъ, уснащая рѣчь непечатными выраженіями.

Впослѣдствіе, графъ произведетъ необычайную политическую эволюцію, пошатается по европейскимъ столицамъ и пріѣдетъ на поклонъ въ большевицкую Каноссу.

Среди другихъ наблюдаю старика Каульбарса, барона Александра Васильевича — бывшаго командующаго войсками одесскаго военнаго округа, съ сѣдыми усами, съ орлинымъ профилемъ красиваго породистаго лица, спокойнаго, держащагося съ присущимъ достоинствомъ, въ защитномъ кителѣ съ погонами генерала отъ кавалеріи, съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ.

Вижу генерала Шварца съ его мимолетнымъ, кратковременнымъ штабомъ, высокую фигуру генерала Бискупскаго, съ иронической улыбкой и сигарой въ зубахъ, литератора Алданова, примадонну императорской Маріинской оперы Лидію Липковскую съ дочкой, будущихъ смѣновѣховцевъ—бойкаго крошечнаго сатира, въ козлиной бородкѣ и съ пенснэ на старѣющемъ лицѣ, генерала Добророльскаго, и розовощекаго генерала Носкова.

Я вижу, кромѣ того, извѣстнаго революціонера-террориста, инженера Рутенберга. Таинственный убійца попа Гапона, въ широкополой, глубоко надѣтой шляпѣ, съ золотыми очками, въ желтыхъ кожаныхъ крагахъ, на этотъ разъ самымъ невиннымъ образомъ копается ложечкой въ яичной скорлупѣ.

А вотъ — Николай Николаевичъ Брешко-Брешковскій, еще совсѣмъ недавно живописавшій въ своихъ красочныхъ фельетонахъ о неприступности одесскаго плацдарма, съ мрачнымъ видомъ жуетъ французскую галету.

Гурко, въ эту минуту, привлекаетъ общее вниманіе. Какъ старшій въ своемъ «десяткѣ», онъ принимаетъ отъ пароходнаго кока горячую лохань съ бобами, держитъ ее въ обѣихъ рукахъ, обжигается и кричитъ рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ:

— Да, помогите же, господа, члену государственнаго совѣта!..

Спускаясь по отвѣснымъ лѣстницамъ, лавируя въ толпѣ, я пробираюсь на корму. Поручикъ подаетъ условный знакъ, дверь открывается и, точно мановеніемъ волшебнаго жезла Аладина, на сцену появляется похлебка, бѣлый хлѣбъ, рагу, жареная камбала, а на придачу цѣлый литръ краснаго вина.

Что значитъ установить пріятельскія отношенія съ кокомъ?..

Горитъ и тонетъ солнце...

Всплываетъ мѣсяцъ...

Зажигается вечерняя звѣзда...

Проходитъ ночь. И снова наступаетъ день. И снова падаетъ тихій, безтрепетный, фіолетовый вечеръ...

А вдали, уже сверкаетъ яркими огнями волшебный, сказочный Босфоръ...

Пылаетъ жгучее, чеканное, константинопольское солнце.

Скользитъ и вѣетъ нѣжный бризъ.

На стеньгахъ весело трепещетъ рой лоскутьевъ—зеленыхъ, бѣлыхъ, красныхъ. Отдѣльно вьется желтый карантинный флагъ.

«Коказъ» стоитъ на внѣшнемъ рейдѣ, въ полуверстѣ отъ Золотого Рога. Пѣвуче-радостно несется вой сиренъ, свистки, гудки, протяжный ревъ и гулъ. Вдали виднѣется лѣсъ мачтъ, гигантскихъ трубъ и корпуса тяжелыхъ океанскихъ пароходовъ. Бѣлѣютъ паруса безчисленныхъ феллукъ. Скользитъ сторожевой англійскій крейсеръ.

Надъ пароходомъ, съ пронзительными криками, летаютъ чайки, купаются въ волнахъ и ловятъ корки хлѣба. Съ пѣвучимъ стономъ, низко-низко, надъ самой водой, тянутъ кулики. А въ сторонѣ, взметая столбы брызгъ, играютъ и плещутся дельфины.

Шныряютъ каики и шлюпки, съ орѣхами, съ инжиромъ, съ пастилой. Разносится неугомонное жужжанье, гортанный крикъ, плескъ веселъ, шумъ и гамъ.

И фески, фески безъ конца...

Да, въ лѣто девятнадцатаго года, въ четвертый день апрѣля, перевернулась новая страница!

Всего не болѣе, какъ недѣлю тому назадъ, прибывшій генералъ Франше д'Эспре, съ торжественностью заявлялъ, что оборона Одессы является вопросомъ чести для французскаго оружія... Что сенегальскіе стрѣлки, алжирскіе зуавы, эвзоны, танки и союзный флотъ являются могучею защитой, подъ прикрытіемъ

которой произойдетъ развертываніе арміи для будущаго наступленія...

Отъ этихъ обѣщаній не осталось ничего!

Все это, болѣе или менѣе, становится понятнымъ. Необъяснимою представляется лишь та необычайная, граничащая съ паникой поспѣшность, съ которою французы убрались изъ Одессы.

И вотъ, теперь мы здѣсь, на берегахъ Босфора!

Четвертый день стоимъ въ карантинѣ.

Французское командованіе относится съ насмѣшливой, полупрезрительной любезностью. Въ ихъ мнѣніи, мы, прежде всего—русскіе измѣнники, les traîtres russes, не выдержавшіе боевого напряженія, цѣною брестъ-литовскаго предательства затянувшіе войну еще на цѣлый годъ, обезкровившіе французскую націю на лишній мильонъ людей.

Они не отдѣляютъ насъ отъ истинныхъ творцовъ «похабнаго мира», отъ тѣхъ преступныхъ разрушителей Россіи, которые являются нашими лютыми врагами.

Вся наша революція французамъ, вообще, непонятна.

Не стоитъ на нихъ за это обижаться...

Но многіе обижены и даже негодуютъ, въ особенности, членъ государственнаго совѣта Гурко. Его маленькая подвижная фигурка носится по палубѣ, вступаетъ въ пререканія съ

французскимъ капитаномъ и рѣзкій голосъ слышенъ издалека.

Хотя по части сыпняка у насъ вполнѣ благополучно, но на берегъ съѣзжать запрещено...

Стою на палубѣ, облокотясь о бортъ.

Пытливо, съ любопытствомъ и волненіемъ, гляжу на древнюю столицу, величественнымъ амфитеатромъ раскинувшуюся по обоимъ берегамъ Босфора.

Вотъ она, передо мной, волшебная византійская жемчужина, надъ которой пронеслось два съ лишнимъ тысячелѣтія самой острой и увлекательнѣйшей исторіи!.. Живая свидѣтельница угасшихъ народовъ и царствъ!.. Предметъ сокровенной мечты отвѣтственныхъ русскихъ политиковъ, отъ варяжскаго князя Олега, до профессора Милюкова!..

Не миѳъ и не фатаморгана, а пышная столица Константина Великаго, какъ сказочное видѣніе, какъ нѣкій таинственный Китежъ, подымается изъ воды навстрѣчу ошеломленному взору...

Минареты и башни, мечети и храмы, бѣлый мраморъ дворцовъ и смарагды расцвѣтающей зелени...

Вотъ—Галатскій мостъ, соединяющій Стамбулъ и Пэру, гигантскій знаменитый мостъ,

сборный пунктъ всѣхъ націй и народовъ міра, воспѣтый въ звучныхъ стихахъ и въ не менѣе звучной и восторженной прозѣ, какъ несомнѣнное восьмое чудо свѣта.

Ярко пылаетъ вода Золотого Рога и горячее турецкое солнце купается въ его аметистахъ.

Востокъ!..

Сколько волнующихъ думъ, сколько фантастическихъ грезъ, сколько таинственныхъ сказокъ изъ «Тысячи и одной ночи!..» Сколько вдохновенныхъ чаръ для истиннаго поэта, вкусившаго отъ плода затаенной мечты!..

Донъ-Аминадо, держится, впрочемъ, на этотъ счетъ совершенно особаго мнѣнія:

„Не надо вѣрить Клодъ Фарреру,
И Клодъ Фарреръ и Пьеръ Лоти
Имѣютъ скверную манеру
Сбивать читателя съ пути,
Создать прекрасную химеру,
Взрастить невиданный цвѣтокъ
И заявить, что вотъ—Востокъ!"

Направо, на фонѣ пурпурныхъ зданій, зеленыхъ рощицъ, садовъ, спускаясь бѣлыми мраморными ступенями въ воду и отражаясь въ ней задумчивой сказкой, виднѣется Долма Бахче, затѣйливая резиденція султана.

Налѣво, за Золотымъ Рогомъ, возвышается изящная мечеть султана Солимана и Башня Сераскира.

Наконецъ, еще лѣвѣй, въ центрѣ Стамбула, я вижу знаменитую Айя-Софію.

Она отчетливо рисуется своею свѣтлосѣрой массой, огромнымъ куполомъ и стрѣлами четырехъ воздушныхъ минаретовъ, вонзающихся въ синее турецкое небо.

Съ смущеннымъ сердцемъ созерцаю эту каменную глыбу. Въ сознаніи проносится нѣмая вереница образовъ, видѣній и картинъ, овѣянныхъ легендами вѣковъ..

Доносятся звонки трамвая, гудки автомобилей и рокотъ человѣческой волны. И хочется скорѣе окунуться въ это море, въ эту кипучую, разноголосую толпу, бродить по лабиринтамъ узкихъ улицъ, базаровъ, скверовъ, площадей...

Перехожу на бакбортъ.

Передо мной — Скутари, турецкій городъ на азіатскомъ берегу, съ лѣпящимися въ гору приземистыми мрачными домами, кривыми, узкими, запутанными переулками, лѣсами кладбищенскихъ деревьевъ—кипарисовъ.

Направо бѣлѣетъ исполинская казарма, съ красивой зубчатой стѣной и башнями въ углахъ. А еще дальше новенькій вокзалъ багдадской желѣзной дороги.

Незримо наплываетъ вечеръ...

Горитъ закатъ...

Багровый шаръ тонетъ въ аквамариновой водѣ Босфора...

Съ утра, на палубѣ замѣтно оживленіе.

Разводятся пары, гудитъ свистокъ, работаетъ лебедка и снова, съ тяжелымъ грохотомъ, ползетъ якорная цѣпь.

Трапъ поднятъ, спущенъ карантинный флагъ, разносится французская команда и, задрожавъ могучимъ тѣломъ, «Коказъ» снова ложится на югъ и плавно разсѣкаетъ воду.

Горя въ огнѣ трепещущихъ лучей, плывутъ неописуемыя, дивныя картины. Сады, дворцы, мечети, минареты, сѣдой гранитъ и бѣлоснѣжный мраморъ, сапфиръ, рубины, изумруды, въ роскошной золотой оправѣ.

Но понемногу все таетъ въ блѣдной дымкѣ.

Мы входимъ въ Мраморное море и подаемся къ азіатскимъ берегамъ.

Вода становится голубовато-синей, бирюзовой. На горизонтѣ млѣютъ розовыя облака. Гористый берегъ становится все болѣе пустыннымъ, и далеко бѣлѣетъ снѣговой хребетъ...

Уже темно и въ небѣ зажигаются лампады.

Играя зыбкимъ отраженьемъ на водѣ, вдали горятъ какіе-то огни, ползутъ все выше, сливаясь съ золотыми звѣздами.

Сверкаетъ лунный путь и наступаетъ тихая и теплая, божественно - очаровательная ночь.

Хвала Аллаху—это островъ Халки!

23

ОСТРОВЪ ХАЛКИ

Изъ глубины спокойнаго лазореваго моря, въ часовомъ пути отъ сказочной столицы падишаха, вздымаются четыре маленькихъ скалистыхъ островка.

Должно быть, пролетавшій ангелъ случайно обронилъ жемчужныя слезинки...

Четыре островка — Принкипо, Халки, Антигона, Протисъ, бѣлѣютъ въ голубомъ просторѣ и манятъ грезой и мечтой.

Когда-то, въ древнія, сѣдыя времена, этотъ таинственный архипелагъ служилъ убѣжищемъ корсарамъ.

Потомъ, сталъ мѣстомъ ссылки и тюрьмой опальнымъ принцамъ и низложеннымъ султанамъ.

Сейчасъ, украшенный роскошными палаццо, увитый гирляндами цвѣтовъ и экзотическихъ растеній, сталъ мѣстомъ отдыха для дипломатовъ, греческихъ банкировъ и купцовъ...

Дышала ночь, когда сойдя на пристань, я очутился на гранитной мостовой невѣдомаго, чуждаго мѣстечка.

Кривая улица теряется во тьмѣ. Кой-гдѣ мерцаютъ фонари. Изъ оконъ булочныхъ, тавернъ и винныхъ погребковъ на землю льется тусклый свѣтъ и тѣни кажутся еще чернѣе.

Я чувствую необычайную усталость, слипаются глаза, подкашиваются ноги. Бѣгство изъ Одессы, томительный вояжъ на пароходѣ, рядъ безпокойныхъ, тягостныхъ ночей, недоѣданье, нервная тревога — все это, именно теперь, я начинаю ощущать съ особой силой.

Я наудачу захожу въ какую-то гостепріимно отпертую дверь, прокрадываюсь темнымъ корридоромъ, взбираюсь по ступенямъ крутой лѣстницы.

Испуганный котенокъ кидается въ чуланъ.

Передо мною—уютно убранная комната, съ цвѣтами, фотографіями, портретомъ греческаго короля Георга I, съ затепленной лампадкою въ углу.

— Очень мило!

Хозяевъ нѣтъ. Я выхожу за дверь, осматриваюсь и кричу.

Нѣтъ никого...

Тогда я возвращаюсь, кладу на столъ свой узелокъ, снимаю сапоги и, съ невыразимымъ наслажденіемъ, опускаюсь на огромную двуспальную кровать-ковчегъ, съ горой подушекъ и мягкою пуховой периной:

— Будь что будетъ!.. Мнѣ все равно!..

Не знаю сколько времени я спалъ, но рѣзкій и чувствительный толчокъ возвращаетъ меня въ дѣйствительности.

Съ свѣтильникомъ въ рукѣ и съ выраженіемъ испуга въ большихъ, какъ черносливъ, глазахъ, передо мной стоитъ дородная особа, кричитъ на неизвѣстномъ языкѣ и дергаетъ за фалды и рукавъ. Огромное бѣлое вымя выскочило изъ разрѣза блузы и сосокъ едва не задѣваетъ по лицу.

— Проклятіе!.. Просилъ бы очень оставить меня въ покоѣ!

Я отрицательно мотаю головой, переворачиваюсь на лѣвый бокъ и засыпаю снова...

Зеленый лучъ играетъ на стѣнѣ.

Въ открытое окно врываются уличные звуки, крикъ, хохотъ, визгъ шарманки. Я съ удивленіемъ гляжу по сторонамъ, разсматриваю обстановку и смѣюсь:

— Ну, ловко же, чортъ возьми, провелъ я эту ночь!.. Квартирка недурна и я совсѣмъ не прочь избрать ее своимъ дальнѣйшимъ пьед-а-терромъ!.. Однако, слѣдуетъ это скорѣе узаконить!

Я вылѣзаю изъ ковчега, надѣваю сапоги и замѣчаю чей-то глазъ, внимательно слѣдящій за моими дѣйствіями сквозь щелку пріоткрытой двери.

— Мадамъ!.. Пожалуйте сюда!.. Прошу!.. Безъ церемоній!..

„Дышали твои ароматныя плечи,
Упругія груди неровно вздымались,
Твои сладострастныя тихія рѣчи
Мнѣ чѣмъ-то далекимъ и новымъ казались...“

Моя квартирная хозяйка не блещетъ чарами Аспазіи и Фрины. Но все же, думается мнѣ, не только въ вѣкъ Демосфена и Перикла могла бы съ пользой для себя и доблестныхъ сыновъ Эллады, заниматься этимъ почтеннымъ ремесломъ.

— Ну, слушай, дура!

„Надъ нами нависнули складки алькова,
За окнами полночь шепталась невнятно —
И было все это такъ странно, такъ ново,
И такъ несказанно и такъ непонятно...“

Она глядитъ съ улыбкой на меня и заливается веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ.

Ее зовутъ — Катына Пачуріадисъ.

Ей двадцать восемь лѣтъ. Прическа у нея, какъ смоль — чудесное, волнистое руно, закрученное тугимъ узломъ на затылкѣ, огромные блестящіе глаза, а зубы, отъ постояннаго жеванья какой-то сѣрой дряни, сверкаютъ точно снѣгъ.

Она вдова отважнаго эвзона, шесть лѣтъ тому назадъ павшаго смертью храбрыхъ не то подъ Демиркапой, не то подъ Демиргиссаромъ,

во время послѣдней греко-болгарской драки. Имѣетъ отъ правительства небольшую ренту, владѣетъ десяткомъ французскихъ фразъ и, въ общемъ, весьма пріятнаго и привлекательнаго нрава.

Въ короткій срокъ я заключаю съ нею соглашеніе, даю авансомъ нѣсколько турецкихъ лиръ и выхожу на улицу...

Сверкаетъ яркій день.

Горячіе лучи трепещутъ радостно, восторженно, любовно. Налѣво разстилается чарующее море, какъ тихій синій ковшъ, съ бѣлѣющими кое-гдѣ, какъ чайки, парусами. Направо, поросшія густымъ сосновымъ лѣсомъ, пестрѣющія пятнами раскинутыхъ домовъ, отелей, виллъ, взметаются къ жемчужнымъ облакамъ темнозеленыя ласкающія горы.

Кричатъ разнощики воды, бѣгутъ ослы съ товарами и разной кладью, назойливо кричатъ мѣнялы, бредутъ французы, греки, турки, щеголеватые англійскіе солдаты, проходятъ молодыя дѣвушки съ цвѣтами. Изъ лавокъ, погребковъ, шашлычныхъ и тавернъ ползетъ упругій, острый запахъ...

У пристани стоитъ англійскій пароходъ.

Вдали сѣрѣетъ крейсеръ «Мальборо».

На пристани толпа мужчинъ и женщинъ. Среди изящныхъ представительницъ хайлайфа и голубой вельможной крови, среди французскихъ фразъ, улыбокъ и привѣтствій, я наблюдаю цѣлый рядъ знакомыхъ лицъ.

Вотъ — великая княгиня Ксенія, въ темномъ платьѣ, маленькая, хрупкая, съ большими ласковыми, сѣрыми глазами. Неподалеку отъ нея стоитъ прелестная Ирина Александровна, съ высокой стройною фигуркой, съ огромными жемчужинами въ ушахъ. А рядомъ ея мужъ — князь Юсуповъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ.

Вотъ нѣсколько почтенныхъ царедворцевъ, свитскихъ генераловъ, фрейлинъ и статсъ-дамъ.

Въ помятомъ статскомъ пиджакѣ, въ мягкой шляпѣ, вмѣсто прежней бѣлосиней кирасирской фуражки, стоитъ мой старый командиръ полка генералъ отъ кавалеріи баронъ Раушъ фонъ Траубенбергъ. Вотъ бывшій командиръ императорскаго конвоя, начальникъ «лейбъ-дивизіи», милѣйшій князь Юрій Ивановичъ Трубецкой, со старой княгиней и двумя молодыми княжнами...

Какъ всѣ они осунулись, поблекли, измѣнились...

Англійскій пароходъ доставилъ ихъ изъ Ялты, одновременно съ вдовствующей импера-

трицей Маріей Өеодоровной и великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

— Sic transit gloria mundi!..

Я захожу въ молочную, съѣдаю порцію болгарской простокваши и продолжаю утреннюю прогулку.

Рядомъ съ пристанью стоитъ морская школа — кокетливое зданіе, съ обширною площадкой для игры, окаймленное ажурною рѣшеткой.

Я наблюдаю, какъ бойкіе, живые малыши, въ короткихъ морскихъ курточкахъ и брюкахъ, играютъ въ лаунъ-теннисъ и въ футболъ, катаютъ бѣлый шаръ, визжатъ и падаютъ. Затѣмъ, по неожиданной командѣ, хватаютъ маленькія ружья и комично маршируютъ:

— Разъ-два!.. Разъ-два!..

Я хохочу до слезъ...

Круговая тропинка ведетъ въ гору.

Какой чудесный кругозоръ!

Вотъ монастырь... Красивая ограда, рядъ небольшихъ строеній, уютный храмъ и колоколъ надъ нимъ, а стѣны обросли густымъ, столѣтнимъ мохомъ... Кругомъ сосновый лѣсъ, зеленая лужайка, какая-то плита и крестъ съ полуистертой надписью...

Ахъ, эти могильные кресты!..

Мнѣ вспоминается далекій годъ войны, богатая помѣщичья усадьба въ Польшѣ и опустѣвшій паркъ... Задумчивое озеро и маленькій тѣнистый островокъ, весь въ стройныхъ, темныхъ, сонныхъ соснахъ... Я такъ же видѣлъ тамъ такую же плиту, съ заржавленнымъ крестомъ и надписью на польскомъ языкѣ:

„Бѣдному Юлькѣ отъ его матки."
1849.

И больше ничего...

И я стоялъ надъ этой неизвѣстною могилой, въ раздумьи, охваченный какимъ-то совершенно непонятнымъ настроеніемъ.

Кто этотъ бѣдный Юлька?

Блондинъ, брюнетъ, ребенокъ, юноша?..

Какъ онъ разстался съ своей краткой жизнью?..

Убился, утонулъ?..

Все это имѣло для меня какое-то значеніе... Я ничего не понималъ, но чувствовалъ, что связанъ съ этимъ бѣднымъ Юлькой какими-то невидимыми нитями... Я рисовалъ въ своемъ воображеніи подробную картину, томился, волновался и чувствовалъ таинственную драму...

Сверкаетъ море...

Въ лазурной чашѣ ползутъ молочно-розо-

вый облака... Маячитъ неподвижный парусъ... Кругомъ несказанный покой...

Я медленно иду назадъ, обѣдаю въ какомъ-то ресторанѣ и выпиваю, для понятія, извѣстное количество «мастики», весьма противной тминной водки.

Весь вечеръ я брожу по узкимъ и вонючимъ закоулкамъ, впивая ѣдкій запахъ, прислушиваясь къ непонятнымъ звукамъ, присматриваясь къ невиданнымъ картинамъ, движеніямъ, улыбкамъ, взглядамъ...

Глубокой полночью я прихожу домой. Не сплю всю ночь, выдерживая адскій бой и, наконецъ, едва не съѣденный какими-то особыми гигантскими клопами, на утро разстаюсь съ квартирой и ковчегомъ.

— Прощай, прекрасная Катына!

Катына плачетъ. Не столько отъ обиды, о, нѣтъ, не отъ обиды, а по совсѣмъ иной, ничтожной, прозаической причинѣ:

Турецкіе піастры имѣютъ притягательную силу.

Но я взбѣшонъ до глубины души и, не задерживаясь ни минуты, съ проклятьемъ покидаю свой пріютъ.

Я выхожу на эспланаду, еще пустынную, овѣянную свѣжимъ и живительнымъ дыханіемъ утра... Гляжу съ восторгомъ на цвѣты, на пят-

на голубыхъ глициній, персиковъ и флердоранжа... Гляжу на тихое задумчивое море и радостно привѣтствую восходъ:

— Доброе утро!..

— Калимера!..

24

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Маленькій турецкій пароходъ, точно такой, какіе бѣгали, въ свое время, по Фонтанкѣ и Невкѣ, выкидываетъ меня на пристани Галатскаго моста.

Толпа выноситъ стремительно наверхъ, по крутымъ гранитнымъ ступенямъ, и черезъ мгновенье—хватаюсь за фонарный столбъ.

Вотъ она, волшебная столица падишаха!

— Таинственный Стамбулъ!

— Божественная Византія!..

— Мистическій Царьградъ!..

Я нахожусь на самой серединѣ Галатскаго моста.

Кого не видѣлъ на своемъ вѣку этотъ знаменитый мостъ, единственный не формой, не размѣромъ, не творчествомъ художника-строителя—единственный своею исключительной, разнообразной, пестрой, живописною толпой...

Направо простирается Галата, греческій кварталъ съ оживленной уличной торговлей, съ безчисленными лавками, тавернами и погребками, съ кривыми, перепутанными закоулками, притонами любви и цѣлымъ моремъ невзрачныхъ сѣренькихъ домовъ.

А впереди, отъ самаго моста, за колѣнчатымъ проспектомъ, со множествомъ мѣняльныхъ лавокъ—«шанжеровъ» и всякихъ подозрительныхъ конторъ, лежитъ европейскій кварталъ—Пэра.

По стертымъ многочисленными поколѣніями людей гранитнымъ плитамъ и булыжнику, ныряя въ разношерстной человѣческой волнѣ, я подымаюсь узкимъ корридоромъ, гдѣ, постепенно расширяясь, онъ превращается въ обыкновенный проспектъ большого европейскаго города, съ красивыми постройками, отелями, кондитерскими, магазинами, кафэ.

Своеобразнаго здѣсь очень мало, и даже на прогуливающейся толпѣ лежитъ печать обыкновеннаго культурнаго обличья парижскаго бульвара или Фридрихштрассе.

Мелькаютъ военныя фуражки англичанъ, шотландскіе береты, кепи, канотье, широкополыя шляпы американскихъ солдатъ, тропическіе шлемы, воздушные дамскіе уборы. Иногда попадается турецкая феска, папаха и чалма. Нѣтъ-нѣтъ пахнетъ порой и русскимъ духомъ, въ образѣ казачьей шапки или фуражки, съ національною кокардой.

О, куда не закинуло только русскаго человѣка? Въ какомъ краю не увидѣть затасканный френчъ со слѣдами царскихъ погонъ на плечахъ, не услышать мягкую, звучную, столь удивительную для иностранцевъ, родную славную русскую рѣчь?..

Пройдя насквозь Пэру, возвращаюсь и снова граню подошвами булыжникъ Галатскаго моста, любуясь величественной панорамой Золотого Рога.

Вода густая и синяя, какъ настоящее индиго. Со всѣхъ сторонъ, точно строевой лѣсъ, подымаются высокія мачты гигантскихъ транспортовъ, торговыхъ шхунъ, англійскихъ канонерокъ, крейсеровъ. А неподалеку бѣлѣетъ «Сагита» — нарядная, кокетливая яхта командующаго англійской экспедиціонной эскадрой, адмирала сэра Джорджа Уонтвена, принимавшаго лично такое дѣятельное участіе въ спасеніи русскихъ бѣженцевъ, во время панической одесской эвакуаціи.

Этотъ благородный британецъ, истинный «the right man on the right place», навсегда сохранится въ сердцахъ многихъ сотенъ русскихъ людей!..

Передо мною южный городъ — Стамбулъ, турецкій городъ, раскинувшійся на окрестныхъ

холмахъ, горящій арабесками, чеканной вязью, ажурными кружевами Востока, сверкающій громадами мусульманскихъ мечетей, силуэтами минаретовъ и воздушныхъ колоннъ.

Каждый камень—исторія!

Каждый кусочекъ гранита—цѣлая эпопея!

Вѣка человѣчества глядятъ изъ каждой, самой ничтожной щели, и само человѣчество соединилось здѣсь изумительнымъ образомъ...

Кривыми закоулками, лавируя въ пестрой толпѣ, среди безглазыхъ и безрукихъ нищихъ, арабовъ, негровъ, левантинцевъ, сирійцевъ и феллаховъ, среди вертящихся дервишей и горланящихъ водоносовъ, среди старыхъ бѣлобородыхъ муллъ и юныхъ стройныхъ турчанокъ въ темнозеленомъ «фередже», сквозь которое горятъ задоромъ и любопытствомъ огромные, волнующіе глаза, пробираюсь къ Айя-Софіи.

Улица проходитъ порой запущеннымъ пустыремъ, съ покосившимися заборами, съ зеленѣющими оврагами, на которыхъ пасутся и скачутъ тонконогія козы. То мерзость запустѣнія, то снова лабиринтъ крикливыхъ лавокъ, овощныхъ, булочныхъ, рыбныхъ, караванъ-сараевъ и складовъ, стильныхъ восточныхъ зданій, турецкихъ тавернъ и кафэ.

Вотъ – остановка трамвая, маленькій скверикъ, ограда.

Сѣрая гранитная масса закрываетъ полъ неба.

Нѣсколько минутъ брожу по пыльному, усаженному чахлыми акаціями, двору. Взводъ

низама продѣлываетъ ружейные пріемы.

Гдѣ же входъ?

Турецкій лейтенантъ, въ рыжей мерлушковой шапкѣ, улыбается и указываетъ дорогу.

Проскальзываю въ мрачный корридоръ, съ тяжелымъ запахомъ вѣковой плѣсени. Угрюмый сторожъ безмолвно подаетъ туфли.

Вхожу во храмъ.

Тихо, нелюдимо, пустынно... Огромный сводъ, залитый солнечнымъ свѣтомъ... Надъ самой головой, низко висятъ паникадила, десятки, можетъ быть сотни... Полъ устланъ драгоцѣнными восточными коврами... На стѣнахъ изреченія Корана, въ рисункѣ сабельныхъ клинковъ...

Шестнадцать вѣковъ смотрятъ съ высоты воздушнаго купола, подъ которымъ такъ нѣжно и кротко воркуютъ сизые голубки — уррру-уррру-уррру...

А между тѣмъ, свидѣтелемъ какихъ только сценъ не былъ этотъ сѣрый гранитъ, останавливающій на себѣ взоры христіанскаго міра?

Чудовищные пожары, розгромъ крестоносцами, осады и сѣчи, замѣна христіанскаго символа полумѣсяцемъ—все прошло своей чередой, и неизвѣстно какія еще превратности ожидаютъ эту несокрушимую каменную святыню...

Гляжу задумчиво по сторонамъ, на вѣковыя стѣны, на роскошь и богатое убранство,

на узкія цвѣтныя стекла оконъ, на золотой дрожащій свѣтъ, на синій полумракъ...

Неподалеку стоитъ англійская миссъ и солнце золотитъ ея пушистый локонъ...

— Нѣтъ бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Его!..

Константинополь, въ такой же степени, какъ Одесса, если даже не больше, представляетъ военный лагерь.

Салоникская армія генерала Франше д'Эспре, пробивъ брешь на болгаро-турецкомъ фронтѣ, нанесла германской коалиціи смертельную рану.

Побѣдители затопили теперь весь городъ.

На всѣхъ улицахъ Стамбула и Пэры, во всѣхъ погребкахъ и тавернахъ, мелькаютъ походныя шапки французскихъ солдатъ, широкополыя шляпы новозеландцевъ и австралійцевъ, береты рослыхъ краснощекихъ шотландцевъ.

Вотъ ужъ подлинно, «въ чужомъ пиру похмѣльемъ» оказалось это болгаро-турецкое участіе въ великой европейской войнѣ!

Болгары озлоблены и сконфужены.

Турки убиты...

Не является-ли, впрочемъ, еще болѣе горшимъ удѣлъ русской императорской арміи, честнымъ образомъ пролившей океанъ крови,

отдавшей мильоны своихъ лучшихъ сыновъ жадному богу Войны для того, чтобы въ роковую минуту, наканунѣ побѣды, поддаться провокаціоннымъ соціалистическимъ лозунгамъ и бросить оружіе, во имя торжества кощунственной революціи?

— Безъ аннексій и контрибуцій!

Всѣ подвиги и героическія усилія затрачены безполезно.

Всѣ неисчислимыя жертвы принесены зря.

И водружать православный крестъ на Айя-Софіи суждено, видимо, инымъ поколѣніямъ...

Послѣднее, впрочемъ, меня не огорчаетъ.

Не огорчаетъ прежде всего по той причинѣ, что и подъ полумѣсяцемъ, древній храмъ Константина Великаго представляетъ священную, одинаково располагающую къ созерцательному настроенію и молитвѣ, обитель.

Съ точки же зрѣнія политической, даже при благопріятномъ исходѣ войны, едва-ли слѣдовало бы обольщать себя надеждами на включеніе «Константинопольской губерніи» въ предѣлы царства россійскаго.

Всѣ договоры и тайныя соглашенія по этому поводу, весьма вѣроятно, превратились бы въ очередной «клочокъ бумаги», необязательный для исполненія.

Ибо ключъ отъ дверей изъ Чернаго въ Средиземное море англичане предпочитаютъ хранить въ своемъ карманѣ...

Весь день брожу по старому Стамбулу, болтаюсь въ лабиринтѣ сверкающаго драгоцѣнностями Востока, среди воздушныхъ тканей Леванта, шелка, ковровъ, оружія, камней и янтаря мошенническаго Грандъ-Базара, вдыхая запахъ амбры, встрѣчаясь съ новыми зовущими картинами, пытливо наблюдая новыя невиданныя сцены.

Обѣдаю въ греческой шашлычной—знаменитый турецкій «кебабъ» и бутылка хіосскаго вина—въ кругу какихъ-то странныхъ лицъ, въ бурнусахъ и въ плащахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ ягатановъ и ножей за складками широкихъ разноцвѣтныхъ поясовъ, среди загадочныхъ субъектовъ, въ чалмахъ и въ шелковыхъ халатахъ, невольно вызывающихъ въ сознаніи эпоху славнаго Гаруна-аль-Рашида...

А потомъ, захожу въ маленькое кино, переполненное солдатами экспедиціоннаго корпуса—французами, англичанами, американцами и даже крошечными японскими моряками.

Французскіе «пуалю» держатъ себя непринужденно — курятъ, хохочатъ, сопровождаютъ зрѣлище свистомъ или аплодисментами.

А на экранѣ — «Вступленіе союзныхъ войскъ въ Страсбургъ» и сантиментальная феерическая трагедія «Дочь Корсара»...

Зноенъ и душенъ константинопольскій вечеръ.

Гаснетъ оранжевый закатъ.

Абрикосы и амбра пахнутъ до головной боли.

Большая, круглая, турецкая луна полощется въ теплой водѣ Босфора...

Константинополь!..

Да, онъ прекрасенъ, этотъ древній, сохранившій пыль тысячелѣтій, усѣвшійся на самомъ рубежѣ Европы и Азіи, городъ!..

Но еще прекраснѣе издали, на извѣстной дистанціи, когда очарованіе фантастической сказки не заслоняется зрѣлищемъ будничной суетливой дѣйствительности.

Онъ улыбается праздному взору поэта и даже, можетъ быть, представляется волшебною гуріей, перебирающей сладкозвучныя струны у мраморнаго бассейна, въ тѣни чинаръ и оливъ, въ ароматахъ душистаго наргилѐ.

Съ реальной же точки зрѣнія, въ немъ всегда отыщется не малое количество пятенъ, такихъ же темныхъ, какъ его ночные вертепы, такихъ же нечистыхъ и смрадныхъ, какъ камень его заплеванныхъ мостовыхъ.

Да, онъ прекрасенъ!.. Но несравнимо прекраснѣе для подневольнаго русскаго странника—лукавая вѣтренница Одесса, сытый, при-

вольный Кіевъ, гордый, величавый, императорскій Санктъ-Петербургъ!..

Въ поискахъ ночлега, останавливаю на углу перваго попавшагося незнакомца, въ малиновой феске, и винигретомъ словъ на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, объясняю ему свое желаніе.

Незнакомецъ, съ улыбкой, отвѣчаетъ по французски, предупредительно указываетъ отель, маленькій турецкій отель, въ пяти минутахъ разстоянія.

Я извлекаю кошелекъ:

— Мерси боку!

Вручаю незнакомцу нѣсколько піастровъ — необходимый на Востокѣ и вполнѣ заслуженный «бакшишъ». Но феска добродушно ухмыляется, въ свою очередь, роется въ карманахъ пиджака и протягиваетъ визитную карточку.

— Тысяча извиненій!.. Простите, эффенди Гиссамъ!.. Я право не зналъ, что вы редакторъ знаменитаго «Таксимъ Эфкіара»!.. Сердечно благодарю за любезность!.. А на журналъ вашъ, при первой возможности, подпишусь!

— Боннъ шансъ!.. Боннъ шансъ!..

И эффенди Гиссамъ смѣется и, по турецки, прикладываетъ руку къ сердцу, къ губамъ, къ челу...

Въ отелѣ «Сулимэ» провожу первую и единственную константинопольскую ночь, волнующую, жуткую ночь, съ таинственными звуками, съ загадочными шорохами стѣнъ, съ попыткой

молодой смуглотѣлой арабки подарить меня восточною любовью...

На слѣдующій день, покидаю столицу.

Я очарованъ всетаки многимъ и многое волнуетъ меня до сихъ поръ.

И кстати, не пора-ли измѣнить нелѣпое сужденіе о правовѣрныхъ?

Повѣрьте, въ этомъ вдумчивомъ народѣ есть много чистыхъ и своеобразныхъ чертъ, а жребій дьявольской войны кладетъ на все меланхолическій, какой-то грустный отпечатокъ...

25

ВЪ ДАЛЬНІЙ ПУТЬ

Халки — дивный островокъ и мѣсто настоящаго отдохновенія.

Въ немъ нѣтъ, конечно, культурнаго великолѣпія Принкипо, иначе Буюкъ-ада или «Острова земного рая», изрѣзаннаго паутиною благоустроенныхъ дорогъ, ласкающаго взоры роскошными дворцами, виллами, питомниками розъ и яркихъ экзотическихъ растеній.

Онъ не похожъ и на лежащую неподалеку Антигону, скромный греческій поселокъ, съ обыкновенными рыбацкими постройками и кудрявой шапкою лѣсовъ.

Онъ не похожъ и на четвертый островокъ архипелага — Протисъ, извѣстный развѣ тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день свезли туда всѣхъ константинопольскихъ собакъ и уморили тамъ голодной смертью.

Халки—прелестный островокъ, соединяющій затѣи цивилизаціи съ обворожительной природой...

Я поселился въ греческой семьѣ.

Мои хозяева—извѣстная фамилія Фенгàра, вдова негоціанта, двѣ молодыя барышни и сынъ.

Мамаша, по доброй греческой привычкѣ, сводившая обычно весь разговоръ къ презрѣннымъ лирамъ, въ концѣ концовъ, относится ко мнѣ съ участіемъ, вниманіемъ, сердечною добротой.

Съ Георгомъ, торгующимъ въ Стамбулѣ оливковымъ масломъ, мы укрѣпили нашу дружбу при содѣйствіи «мастики».

О барышняхъ скажу своимъ порядкомъ.

Полина подкупаетъ мечтательной натурой и глубиною кругозора. Она отлично образована, свободно владѣетъ французскимъ языкомъ и часто декламируетъ любимаго поэта—Альфреда де Мюссе. При этомъ, у нея прекрасные глаза и правильный античный профиль.

Александра мнѣ нравится больше анфасъ, съ своею тоненькой и гибкой, еще не вполнѣ сформировавшейся фигуркой, и совершенно дѣтской непосредственностью.

Наконецъ, бойкая служанка Дѐспина дополняетъ эту дружную, патріархальную семью.

Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ я отдыхаю въ этомъ миломъ женскомъ царствѣ, какъ цѣню этотъ комфортабельный уютъ и спокойствіе, послѣ всѣхъ испытаній, выпавшихъ на мою долю!..

Съ утра мы заняты прогулками по горамъ. Круговой тропинкой взбираемся наверхъ, лю-

буемся на тихое, переливающееся аметистами и жемчугами море, заходимъ въ монастырь, перекликаемся въ лѣсу и отдыхаемъ на гранитной кручѣ, подъ сѣнью благовонныхъ сосенъ.

Обѣдаемъ и ужинаемъ на верандѣ, выходящей въ маленькій садикъ. Остатокъ вечера проводимъ въ играхъ, въ музыкѣ, въ разнообразной дружеской бесѣдѣ. Я обучаю барышень русскому языку, и нѣкоторыя фразы звучатъ у нихъ очень мило:

— Пашалюста!..

— Котори шасъ?..

— Я фасъ льюблью!..

Да, не забыть мнѣ эти безоблачные бирюзовые дни, забавы, шутки и развлеченія, какъ не забыть, въ особенности, пасхальную заутреню на чужбинѣ.

Тихая, теплая, ароматная ночь развернула свои покровы... Въ монастырскомъ храмѣ, на кручѣ, собрались русскіе люди встрѣтить праздникъ изъ праздниковъ, торжество изъ торжествъ... Маленькій храмъ переполненъ, и я стою, съ своими молодыми подругами, неподалеку отъ входа, въ тѣни глициній и персиковыхъ деревьевъ... Надъ головой горитъ глубокое звѣздное небо... Сладко разливается запахъ цвѣтущаго миндаля... Тихо теплятся свѣчи, доносятся греческія слова молитвы... И гремитъ звучно, радостно и торжественно русскій хоръ:

„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ,
Смертью смерть поправъ!..“

И у многихъ стоятъ на глазахъ слезы отъ счастья, отъ радости, отъ волненія...

Между тѣмъ, островъ перешелъ изъ сферы оккупаціи англичанъ въ вѣдѣніе французовъ. Колонія русскихъ бѣженцевъ лишилась даровыхъ консервовъ, и мы не видимъ больше англійскихъ моряковъ, устраивающихъ скачки на ослахъ.

Аристократія, эвакуированная англичанами изъ Ялты, отбыла на Мальту. Члены императорскаго дома, вдовствующая императрица Марія Θедоровна, великая княгиня Ксенія, великій князь Николай Николаевичъ, нашли пріютъ въ Италіи, у датскаго и англійскаго короля. Часть состоятельныхъ бѣженцевъ разъѣхалась по городамъ и столицамъ Европы, кое-кто осѣлъ въ Константинополѣ, пристроился къ коммерческимъ дѣламъ или просто выжидалъ дальнѣйшее развитіе событій.

На Халки оставалось неорганизованное стадо русскихъ людей, обремененное семьями, всѣми забытое, проживавшее послѣднія деньги. Большинство живетъ въ семинаріи, старомъ одноэтажномъ зданіи, расположенномъ на

горѣ. Бывало, завернешь туда, мимоходомъ, и взорамъ представляется одна и та же, неизмѣнная, достаточно грустная картина.

Мужчины, женщины, дѣти, артисты и генералы, писатели и поручики, лица самыхъ разнообразныхъ профессій, сидятъ или лежатъ на сухой, пожелтѣвшей отъ зноя травѣ, ругаютъ интервентовъ, судачатъ, спорятъ, ссорятся между собой...

Артисты пытаются образовать труппу... Графъ Алексѣй Толстой и поэтесса Крандіевская намѣрены организовать платные литературные вечера... Военные, съ нетерпѣніемъ, ожидаютъ вѣстей изъ Екатеринодара и собираются снарядить къ Деникину спеціальнаго гонца...

Неутѣшительная пока, печальная панорама!..

Вотъ напримѣръ, на камнѣ, на самомъ солнцепекѣ, въ ожиданіи выдачи даровыхъ консервовъ, сидитъ въ черной крылаткѣ, нахохлившись и поджавъ ноги, мой старый кіевскій пріятель, Владиславъ Владиславовичъ Дашкевичъ-Горбацкій.

Онъ давно снялъ золотые гетманскіе аксельбанты и свитскую бородку, утратилъ прежнюю молодцеватую выправку и, кажется, окончательно забылъ свою украинскую рѣчь. Кромѣ того, генеральный хорунжій находится въ состояніи лютой душевной депрессіи, и на всѣ мои вопросы каркаетъ единственной фразой:

— Кошмаръ !.. Кошмаръ !.. Кошмаръ !..

И въ своей черной крылаткѣ удивительно напоминаетъ, въ эти минуты, бѣднаго, обиженнаго, разочарованнаго грача. .

Иногда меня охватываетъ потребность уединенія. Мнѣ хочется быть одному, не связанному условностями, свободному, предоставленному себѣ и моимъ размышленіямъ.

Въ этихъ случаяхъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, я выхожу изъ дома и забираюсь на противоположный конецъ острова, на опушку сосновой чащи, спускающейся пологимъ лугомъ къ морю.

На лугу пасутся маленькія бѣлыя козы. Пастушенокъ въ лохмотьяхъ собираетъ на берегу ракушки. Огненный дискъ стоитъ надъ самою головой.

Я лежу на травѣ и гляжу въ синее бездонное небо, и слѣжу за легкими, воздушными облаками и, вмѣстѣ съ ними, переношусь на далекій сѣверъ...

Въ груди тѣснятся вереницы воспоминаній.

Мысли влекутъ и приводятъ къ недавнему прошлому, къ свѣтлымъ, безтрепетнымъ днямъ, когда миръ и покой царили на широкихъ русскихъ просторахъ.

Могущество, величіе, слава!..

Не казалось-ли, что на вѣчныя времена будетъ сверкать во вселенной неугасимый свѣтильникъ Державы Россійской?.. И не сломить ея духа, и не нарушить ея благостной тишины, и не осквернить ея бѣлыхъ одеждъ братоубійственной кровью?..

Не казалось-ли, что завѣты Петра, великихъ полководцевъ россійскихъ—Суворова-Рымникскаго, Румянцева - Задунайскаго, Кутузова и Барклая де Толли, Багратіона, Ермолова и Паскевича, Нахимова и Корнилова, Скобелева и Гурко, боевыя традиціи русской гвардіи, гренадеровъ, арміи, флота, выкованныя въ огнѣ легендарныхъ битвъ и сраженій, пронесенныя черезъ столѣтія, сохранятся въ нерушимости и чистотѣ, на вѣки вѣковъ?..

Все пошло прахомъ!

Поруганы и растоптаны боевыя знамена, уничтожена русская честь и само имя—Россія!..

Оголтѣлая русская революція, захлебнувшаяся въ братской крови, не принесла, однако, того счастья, которое отъ нее ожидали.

Государственный переворотъ предоставилъ власть людямъ, осуществившимъ неслыханную тираннію и деспотизмъ.

По сравненію съ ними, императорскій режимъ является идеальной формой правленія.

Это не требуетъ доказательствъ.

Есть люди, узкіе злобствующіе сектанты, партійные фанатики догмы, которые, проигравъ по всѣмъ пунктамъ и растерявъ всѣ позиціи,

пинкомъ подъ задъ низвергнутые большевиками, продолжаютъ, однако, почесывая ушибленныя мѣста, до сихъ поръ клепать на ненавистный «царизмъ».

Есть другіе, честно и смѣло сознавшіе свои заблужденія.

Но большинство русскихъ людей хорошо знаетъ истинную цѣну вещамъ.

И сейчасъ, не въ попыткахъ къ какой либо реставраціи или къ созыву новаго Учредительнаго Собранія, по демократическому рецепту, а въ подвигѣ освобожденія Россіи отъ смертныхъ клещей коммунизма отдаетъ свои силы и жизнь...

О, трудно все же повѣрить, чтобы жребій войны, какъ ни была она опустошительна и кровава, ни ошибочная политика власти и промахи послѣдняго самодержца, ни тѣмъ болѣе, работа горсти интернаціональныхъ преступниковъ и собственныхъ лже-пророковъ, привели великое государство къ той безднѣ паденія, которой не было отъ сотворенія міра!

Корни безумія русскаго лежатъ несомнѣнно глубже.

Зачатки болѣзни уже таились давно въ могучемъ тѣлѣ дикаго скифа, темнаго русскаго исполина, съ буйной, мятущеюся душой, съ

анархическою, бунтарской натурой, съ опустошеннымъ національнымъ инстинктомъ. И не было искуснаго лекаря, который твердой, властной, увѣренною рукою, не закрывая глазъ и не отмахиваясь передъ призракомъ грядущей бѣды, приступилъ бы къ врачеванію злокачественнаго недуга.

Теперь онъ разлился по всему океану русской земли...

Не всѣ-ли повинны въ великой трагедіи?

Одни — самоувѣренные, близорукіе, слѣпые поводыри, проглядѣли возможности, пропустили всѣ сроки, въ послѣдній часъ обнаружили роковое безсиліе и растерянность. Другіе — неподвижные, равнодушные, и такихъ цѣлыя массы, не болѣли душой, и не били въ набатъ, и не будили тревогу. Третьи — переоцѣнивъ свои жалкія силы, выпустили на волю злое бѣсовское пламя...

Черезъ кровавыя муки, черезъ великія потрясенія, на потѣху всему міру, торными, безчисленными дорогами, въ кромѣшномъ мракѣ и бурѣ, бьется и ищетъ опоганенная Россія истиннаго пути, навстрѣчу Правдѣ, Солнцу, Добру.

Отыщетъ-ли?

Не обезсилитъ?

Не падетъ-ли, подъ тяжестью ноши, на своемъ крестномъ пути на Голгофу?......

Медленно ползетъ по небу золотой шаръ, склоняется ниже и вотъ уже виситъ надъ самой водой...

Острѣе пахнуть цвѣты и миндаль...

Въ вечерѣющемъ небѣ, какъ тихій, умиротворяющій душу ноктюрнъ, разносится пѣніе монастырскихъ колоколовъ...

„Вернешься и ты къ Исфагани,
Какъ пастырь вернется къ долинамъ,
Къ аллеямъ изъ бѣлыхъ каштановъ,
Къ вечернимъ глухимъ мандолинамъ ..“

Меня начинаетъ пугать неизвѣстность.

Піастры таютъ съ невѣроятною быстротой.

Мы забыты, покинуты, никто не приходитъ на помощь...

Перспектива стать погонщикомъ ословъ или приказчикомъ въ константинопольскомъ кабакѣ совершенно не соблазняетъ. Я сознаю необходимость принятія какихъ-то рѣшительныхъ шаговъ.

Оберегая честь фамиліи Фенгара, долженъ признаться, что вызванный на откровенную бесѣду, получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Мосье Жоржъ, денежный вопросъ не долженъ васъ тревожить!

По милости святого Провидѣнія и благодаря бережливости покойнаго супруга, мадамъ Фенгара имѣетъ возможность оказать мнѣ матеріальную поддержку. Она будетъ чрезвычайно рада предоставить мнѣ пріютъ, безвозмездно, еще на мѣсяцъ, на нѣсколько мѣсяцевъ или даже на цѣлый годъ, вообще, до лучшихъ

дней. Другими словами, я могу жить сколько угодно и продолжать заниматься съ барышнями педагогическою работой.

Можетъ быть, при другой обстановкѣ, я бы не отказался отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія... Я очарованъ ласкою и радушіемъ... Меня подкупаетъ такое горячее участіе къ моей судьбѣ... Но существуютъ причины, которыя вынуждаютъ меня, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ, покинуть гостепріимный островъ Халки...

И былъ день, когда я ощутилъ необходимость прервать свою идиллію на халкскихъ берегахъ.

Гражданская война вступаетъ въ рѣшительную фазу.

Отъ ея исхода зависитъ существованіе Россіи, какъ національнаго, могущественнаго, правового государства. Донъ и Кубань, Каспійскія низовья и Кавказъ, далекія окраины и бѣлая Сибирь, со всѣхъ сторонъ поднялись на совѣтскую власть и ведутъ съ ней борьбу, въ стремленіи сокрушить главу коммунистическаго Змія.

Адмиралъ Колчакъ, формируя новыя арміи, нуждается въ офицерскомъ составѣ. Его призывъ распространяется въ патріотическихъ воззваніяхъ. Его агенты начинаютъ вербовать добровольцевъ. Особая комиссія назначена для осмотра парохода добровольнаго флота «Томскъ».

Но заключеніе комиссіи неблагопріятно.

Пароходъ «Томскъ», приспособленный для камчатскихъ рейсовъ, лишенъ того, что необходимо для тропическаго путешествія. У него нѣтъ ни вентиляторовъ, ни рефрежираторовъ, а толстая полудюймовая обшивка, весьма умѣстная при плаваніяхъ въ полярныхъ областяхъ, подъ жгучими экваторіальными лучами будетъ накаляться, какъ кухонная плита. Наконецъ, пароходъ возвращается безъ груза и плаваніе, въ періодъ свирѣпствующихъ муссоновъ, при подобныхъ условіяхъ, становится не бозопаснымъ.

Таково заключеніе экспертовъ.

Но я не раздѣляю мнѣнія комиссіи и держусь того взгляда, что разъ пароходъ прибылъ въ Константинополь благополучно, онъ имѣетъ достаточно шансовъ, съ такимъ же успѣхомъ, вернуться во Владивостокъ.

Что же касается муссоновъ — на то воля Божья!..

Меня смущаетъ другое обстоятельство.

Пятнадцать тысячъ верстъ — дистанція огромнаго размѣра. Три мѣсяца путешествія — большой промежутокъ времени. На этотъ срокъ, я отрываюсь отъ Россіи, отъ всего того, что связываетъ меня съ нею и, очертя голову, кидаюсь въ неизвѣстность.

Съ другой стороны, сидя на этихъ жемчужныхъ островахъ архипелага, развѣ я не чувствую себя, при всѣхъ благопріятно сложившихся для меня обстоятельствахъ, на чужбинѣ?.. Развѣ не терзаетъ меня порой слѣпая, неугасимая тоска?.. Развѣ демонъ унынія и тревоги не раздираетъ мое сердце на части своими жесткими, когтистыми лапами?..

И развѣ, наконецъ, пускаясь въ дальній путь и отрываясь отъ родины, я въ то же время не буду къ ней приближаться?..

Пусть это звучитъ парадоксомъ, но въ этомъ парадоксѣ имѣется опредѣленный смыслъ.

Въ воображеніи, одновременно, мелькаютъ соблазны тропическаго путешествія... Архипелагъ, Суэцъ, Индійскій океанъ!.. Цейлонъ и Сингапуръ!.. Борнео, Суматра и Ява!.. Китай, Японія и прочія таинственныя страны, извѣстныя лишь по перечитаннымъ въ дѣтствѣ романамъ Жюля-Верна, Киплинга и Буссенара!..

Какъ не испытать, разъ представляется возможность, какъ не извѣдать тайну океана, соприкоснуться съ новымъ міромъ, съ шопотомъ пальмъ, съ запахомъ орхидей, съ сверканіемъ южныхъ тропическихъ звѣздъ!..

Кромѣ того, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, я буду обезпеченъ кровлею и столомъ.

Наконецъ, морское путешествіе укрѣпитъ истрепавшіеся нервы.

Это имѣетъ для меня, можетъ быть, рѣшающее значеніе...

Воображеніе рисуетъ новыя картины.

Мнѣ представляется Сибирь, освобожденная отъ удушающихъ объятій коммунизма, въ составѣ грозныхъ бѣлыхъ армій несущая освобожденіе Россіи, переносящая борьбу уже за рубежи Урала и двигающаяся побѣдоносно на Москву.

Осталось нанести послѣдній сокрушительный ударъ — и власть Интернаціонала развѣется, какъ смрадный, черный дымъ...

Все это было такъ заманчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ простодушно.

Но въ этотъ часъ я предавался искренно иллюзіямъ и строилъ фантастическіе замки...

Взволнованный представившеюся перспективой, я тотчасъ предпринимаю необходимые шаги.

На пристани, среди невѣроятнаго хаоса, розыскиваю крошечный, трехтысячетонный пароходъ «Томскъ».

Послѣ непродолжительной бесѣды съ капитаномъ, устраиваю на льготныхъ условіяхъ, за послѣднюю тысячу думскихъ дензнаковъ, свой переѣздъ и направляюсь въ русское посольство.

Жребій брошенъ!..

Въ семьѣ Фенгара провожу прощальный вечеръ...

Чуть свѣтъ, я на ногахъ, сажусь на пароходъ и покидаю островъ Халки.

Надолго-ли?

Я думаю, что навсегда.

Охваченный неясной думой, стою на палубѣ и долго созерцаю островокъ, гирлянды изумрудной зелени, бѣлѣющія дачи, лѣсистые холмы и монастырь на кручѣ... Съ улыбкой вспоминаю прогулки на горѣ, пасхальную заутреню, бесѣды, игры, шутки... И все минувшее мнѣ кажется какимъ-то непонятнымъ, мелькнувшимъ на мгновенье, сномъ:

— Впередъ, навстрѣчу новымъ, несказаннымъ зорямъ!

Потомъ, въ сознаніи встаетъ безконечно знакомый, дорогой женскій образъ, съ большими грустными глазами и ласковой улыбкою на устахъ... Онъ осѣняетъ меня крестнымъ знаменіемъ и таетъ въ голубомъ туманѣ:

„Женщина — отблескъ мерцанія майскаго,
Лучъ золотой надъ гробницей нетлѣнія,
Женщина — тѣнь изъ селенія райскаго,
Женщина — счастье, любовь и прощеніе...“

И я чувствую приливъ новой бодрости...

И я знаю, что ангелъ-хранитель снова незримо сопутствуетъ мнѣ...

И меня охватываетъ увѣренность, что не погибла Россія — дивная Женщина, возлюбленная и мать, которой краше нѣтъ въ мірѣ... Что выдержитъ, какъ выдерживала не разъ, всѣ испытанія... Что рано-ли, поздно-ли, наступятъ

указанные сроки, и проснется разумъ народа, и родитъ могучія силы, и сброситъ, единымъ толчкомъ, ненавистное, кощунственное, красное иго...

И губы мои безсознательно шепчутъ:

— Придетъ Великій Вождь!

Индійскій Океанъ
1919

КОНЕЦЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

Того же автора:

1. **Императорскіе Фазаны.** Разсказы. Распродано.
2. **Золотые Корабли** Скитанія. Распродано.
3. **Орхидея.** Тропическія рифмы. Распродано.
4. **Легкая Кавалерія.** Разсказы. Распродано.
5. **Китайскія Тѣни.** Романъ. Книга первая. Распродано.
   Im Schatten des Drachen. Ubersetzung von R. Frhr. v. Campenhausen.
   Chinskie Cienie. Przeklad Edmunda Iezierskiego.
6. **Островъ Жасминовъ.** Романъ. Книга вторая.
7. **Парижскія Ночи.** Романъ. Книга третья. Въ печати.
8. **Красный Хороводъ.** Повѣсть въ двухъ книгахъ.
9. **Волчій Смѣхъ.** Разсказы. Въ печати.
10. **Интермеццо у моря.** Новеллы. Въ печати.
11. **Гусарскія Сказки.** Разсказы. Въ печати.
12. **Романъ Царевича.** Приморскій романъ. Въ печати.
